

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ

1

Я Н В А Р Ъ

О Г И З * 1 9 3 6
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
« С О В Е Т С К О Е З А К О Н О Д А Т Е Л Ъ С Т В О »

СОДЕРЖАНИЕ*Стр.*

Декабрьский пленум ЦК ВКП(б) и задачи органов юстиции	1
Г. Сегал — Борьба с крушениями и авариями на жел.-дор. транспорте	5
С. Березовская — О финансовой дисциплине и плохой работе некоторых органов прокуратуры	8
А. С. Тагер — О новых доказательствах в кассационном процессе	10
И. Крастин — Всесоюзная правовая академия	18
Н. Лаговнер — О работе подготовительных заседаний	21
Н. Зоря — За улучшение качества следственной работы	23
С. Казначеев — Дела и дни Московской коллегии защитников	27
А. Герцензон — Новые данные о преступности и репрессии в странах капитала (Обзор)	29
Сафонов, Ренев — Близорукие судьи	37
В. Тадевосян — Овчинка выделки не стоит	38
Судебно-надзорная практика Прокуратуры Союза	39
По союзным республикам	49
В Институте уголовной политики	52
Право — процесс — судоустройство в капиталистических странах	55
Официальный отдел	61
Сводка важнейших постановлений правительства Союза ССР за ноябрь 1935 г.	63

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ

ОРГАН ПРОКУРАТУРЫ СССР

ЯНВАРЬ 1
1936 г.

Редакция:

Москва, Б. Дмитровка, д. 15

ДЕКАБРЬСКИЙ ПЛЕНУМ ЦК ВКП(б) И ЗАДАЧИ ОРГАНОВ ЮСТИЦИИ

Декабрьский пленум ЦК ВКП(б) 1935 г. был посвящен двум важнейшим вопросам социалистического и партийного строительства—задачам промышленности и транспорта в связи со стахановским движением и итогам проверки партийных документов.

Оба эти вопроса имеют исключительное значение. Решения, принятые по ним пленумом ЦК ВКП(б), представляют собой развернутую программу борьбы за дальнейшие успехи социалистического строительства, за дальнейшее развертывание и организацию стахановского движения, за дальнейшее укрепление нашего партийного хозяйства, за укрепление партийных рядов.

Успехи стахановского движения изумительны. От выдающихся подвигов отдельных героев и героинь социалистического труда стахановское движение могучим потоком идет к стахановским сменам, бригадам, цехам, мастерским, целым предприятиям.

«Стахановское движение есть результат всего нашего развития на путях к социализму, результат победы социализма в нашей стране», — так характеризует итоги стахановского движения резолюция пленума ЦК ВКП(б) по докладам тт. Орджоникидзе, Любимова, Микояна, Лобова и Кагановича Л. М.

Историческое значение стахановского движения пленум ЦК ВКП(б) охарактеризовал в этой же резолюции следующим образом:

«Стахановское движение означает организацию труда по-новому, рационализацию технологических процессов, правильное разделение труда в производстве, освобождение квалифицированных рабочих от второстепенной подготовительной работы, лучшую организацию рабочего места, обеспечение быстрого роста производительности труда, обеспечение значитель-

ного роста заработной платы рабочих и служащих.

Стахановское движение подымает культурно-технический уровень рабочего класса, ломает старые технические нормы, перекрывает в ряде случаев производительность труда передовых капиталистических стран, обеспечивает быстрый рост производства предметов потребления и их удешевление, обеспечивает превращение нашей страны в наиболее зажиточную страну и укрепляет таким образом позиции социализма во всемирном масштабе».

В этом заключаются громадное международное, всемирно-историческое значение и смысл стахановского движения.

Возникшее на основе невиданных успехов социалистического строительства стахановское движение является блестящей иллюстрацией роста не только мощи новой социалистической промышленности и всего советского народного хозяйства, но и новой социалистической культуры, нового социалистического отношения к труду, к советскому государству, к своему долгу со стороны всех трудящихся нашей страны, героических строителей нового социалистического общества. Это движение означает, что народились уже в нашей стране новые люди, овладевшие техникой, оседлавшие технику, двигающие ее исполинскими шагами вперед, показывающие на практическом опыте своей работы мощь и беспредельные возможности социалистического творчества, опрокидывающие консерватизм старой науки, отстающей от требований социалистического строительства, вносящие в науку целую революцию.

На I всесоюзном совещании стахановцев с руководителями партии и правительства товарищ Сталин в краткой своей речи дал исключительный по глубине анализ против, породив-

ших в нашей стране стахановское движение, — причин, объясняющих его успехи. Этих причин, — говорил товарищ Сталин, — по крайней мере четыре:

«1) Основой стахановского движения послужило прежде всего коренное улучшение материального положения рабочих. Жить стало лучше, товарищи. Жить стало веселее. А когда весело живется, работа спорится. Отсюда высокие нормы выработки. Отсюда герои и героини труда. В этом прежде всего корень стахановского движения...».

«...2) Вторым источником стахановского движения является у нас отсутствие эксплуатации. Люди работают у нас не на эксплуататоров, не для обогащения тунеядцев, а на себя, на свой класс, на свое, советское общество, где у власти стоят лучшие люди рабочего класса. Поэтому-то труд имеет у нас общественное значение, он является делом чести и славы...».

«...Поэтому-то труд людей не высоко ценится при капитализме. Понятно, что в таких условиях стахановскому движению не может быть места. Другое дело — в условиях советского строя. Здесь трудовой человек в почете. Здесь он работает не на эксплуататоров, а на себя, на свой класс, на общество. Здесь трудовой человек не может чувствовать себя заброшенным и одиноким. Наоборот, трудовой человек чувствует себя у нас свободным гражданином своей страны, своего рода общественным деятелем. И если он работает хорошо и дает обществу то, что может дать, — он герой труда, он овеян славой. Понятно, что только в таких условиях могло зародиться стахановское движение».

«3) Третьим источником стахановского движения следует считать наличие у нас новой техники. Стахановское движение органически связано с новой техникой. Без новой техники, без новых заводов и фабрик, без нового оборудования стахановское движение не могло бы у нас зародиться».

И, наконец, четвертая причина лежит, по словам товарища Сталина, в овладении техникой, в наличии людей, способных стать во главе техники и двинуть ее вперед.

«Зарождение и рост стахановского движения означают, что у нас уже народились такие кадры среди рабочих и работниц. Года два тому назад партия сказала, что, построив новые заводы и фабрики и дав нашим предприятиям новое оборудование, — мы сделали лишь половину дела. Партия сказала тогда, что энтузиазм строительства новых заводов

надо дополнить энтузиазмом их освоения, что только таким путем можно довести дело до конца. Очевидно, что за эти два года шло освоение этой новой техники и рождение новых кадров. Теперь ясно, что такие кадры уже имеются у нас. Понятно, что без таких кадров, без этих новых людей у нас не было бы никакого стахановского движения. Таким образом новые люди из рабочих и работниц, освоившие новую технику, послужили той силой, которая оформила и двинула вперед стахановское движение.

Таковы условия, породившие и двинувшие вперед стахановское движение».

Стахановцы — это новые люди Советской страны, воспитанные партией Ленина—Сталина, воодушевленные сталинским руководством, призывами вождя овладеть техникой и двинуть ее вперед. И они овладели этой техникой и двинули ее вперед, оставив на ряде участков нашего народного хозяйства далеко позади себя рекорды самых передовых в хозяйственном отношении капиталистических стран.

По достигнутыми успехами дело не ограничивается. Совершенно справедливо т. Андреев говорил на пленуме ЦК ВКП(б), что стахановское движение находится только в самом начале своего развития. На основе решений декабрьского пленума ЦК ВКП(б) стахановское движение поднимется еще выше, ибо решения пленума не только определяют пути этого подъема, но и дают конкретную программу мероприятий, обеспечивающих и гарантирующих максимальные успехи в развитии стахановского движения.

Декабрьский пленум вскрыл основные недостатки, основные препятствия, затрудняющие разворот стахановского движения. Пленум сказал:

«Задача состоит в том, чтобы, пользуясь всеми научными знаниями и техническим опытом, накопленными промышленностью, отрешиться от недоиспользования техники неизбежного в капиталистическом обществе, где рабочий работает не на себя, не на коллектив, а на капиталиста, где хозяйство развивается не по плану, в интересах всего народа, а стихийно, в интересах отдельных капиталистов, пойти в ногу со стахановским движением, возглавить его и помочь ему создавать новую, высшую по сравнению с капитализмом, производительность труда».

«Необходимо, — сказал пленум ЦК ВКП(б), — прежде всего сломить оставшееся сопротивление стахановскому движению со стороны консервативной части хозяйственников и инженерно-технических работников

всех отраслей промышленности и транспорта и, во-вторых, всемерно помочь возглавить это движение тем хозяйственникам, инженерам и техникам, которые идут навстречу стахановскому движению, но не сумели еще возглавить его».

Но этого недостаточно. Пленум ЦК ВКП(б) подчеркнул, что важнейшей задачей является разоблачение классово враждебных элементов, пытающихся пакостить стахановцам. В решении этой задачи должны принять непосредственное участие прежде всего такие органы пролетарской диктатуры, как органы Прокуратуры Союза ССР, ибо здесь нам приходится иметь дело с прямым сопротивлением социалистическому строительству со стороны классовых врагов и их агентов, пробравшихся в наши советские предприятия и учреждения и на транспорт, саботирующих развитие советской техники и борьбу за повышение производительности труда, пытающихся сорвать эту борьбу и помешать в контрреволюционных целях дальнейшему развитию стахановского движения.

В качестве примера такого сопротивления можно указать на «теорию» и «практику» сидевшей до последнего времени в НКПС группы реакционных профессоров и инженеров, так называемых «пределцев», проагандировавших ограничение творческих возможностей нашего транспорта установленными их лженаучкой предельными нормами, отрицавших возможность расширения пределов эксплуатационных норм выше установленного их «наукой» уровня.

Об этой группе товарищ Сталин говорил, что «эта группа вместо того, чтобы прислушаться к голосу опыта и практики и пересмотреть свое отношение к делу, бросилась в борьбу с прогрессивными элементами железнодорожного дела и еще больше усилила пропаганду своих консервативных взглядов. Понятно, что нам пришлось, — говорил товарищ Сталин, — дать этим уважаемым людям слегка в зубы и вежливо выпроводить их из центрального аппарата НКПС. И что же? Мы имеем теперь коммерческую скорость в 18—19 километров в час».

18—19 километров в час вместо 13—14 километров «пределцев» — это громадный шаг вперед железнодорожного транспорта, являющийся прямым результатом разоблачения врагов, мешавших успехам транспорта.

Товарищ Сталин указал, что «в крайнем случае придется прибегнуть к этому методу и в других областях нашего народного хозяйства, если, конечно, упорствующие консерваторы не перестанут мешать и бросать палки в колеса стахановскому движению».

Наша практика говорит о том, что упорствующие консерваторы не бросают своего дела. Они продолжают мешать и бросать палки в колеса стахановскому движению. Как правило, эти господа действуют хитро и осторожно, избегая открыто выступать против норм и против повешств наших героев и героинь стахановского движения. Как правило, эти господа действуют всевозможными обходными средствами, прибегая к искусственной маскировке, используя в своих враждебных стахановскому движению интересах отсталую часть самих трудящихся. Эти господа распространяют всякие небывлицы, дискредитирующие лучших людей стахановского движения, ведут прямую контрреволюционную агитацию против новых норм, против норм техники, рисуя перед взорами наиболее отсталых и малосознательных рабочих, работниц, колхозников и колхозниц всевозможные ужасы, пугая ухудшением условий труда и жизни, якобы являющимся неизбежным при дальнейшем развитии стахановского движения.

Этот контрреволюционный яд, эту контрреволюционную вредительскую отраву пытаются сеять среди трудящихся еще сохранившиеся в отдельных щелях и закоулках в наших предприятиях, фабриках, заводах, в наших колхозах и совхозах, на нашем транспорте пролезшие сюда раскулаченные кулаки и вообще всякий сброд из числа бывших людей.

Органы прокуратуры должны беспощадно разоблачать эту механику классового врага. Они должны через свой актив, через свои группы содействия, свои контрольные юсты настойчиво вылавливать и выуживать негодяев, пробающих сорвать или помешать успехам стахановского движения.

Прокуратура Союза дала циркулярное указание своей периферии о том, как квалифицировать и в каком порядке вести с этими господами борьбу методом судебного преследования.

Декабрьский пленум еще раз напоминает нам о необходимости самой последовательной и самой беспощадной борьбы с врагами стахановского движения.

Но задачи, поставленные перед органами юстиции в борьбе с врагами стахановского движения, не исчерпываются одним лишь беспощадным разгромом избалованных и вытаспанных на свет божий из всяких контрреволюционных гнезд контрреволюционных саботажников.

Перед органами прокуратуры и суда наряду с этой важнейшей задачей стоит также задача умелого, осторожного и товарищеского подхода к тем трудящимся, которые, не понимая вследствие своей неосознанности и политической

неграмотности всей важности и величия стахановского движения, сами волей или неволей оказываются подпевалами этих контрреволюционных агитаторов.

Практика этих нескольких месяцев борьбы судебных органов в защиту стахановцев показала, что в этом отношении, к сожалению, у нас обстоит не все благополучно.

Мы имеем ряд случаев, когда отдельные органы прокуратуры привлекают к уголовному суду рядовых рабочих и мастеров за отдельные фразы или высказывания, хотя и являющиеся совершенно недопустимыми, но представляющие собой прямой результат их политической отсталости, с которой бороться методом уголовного преследования меньше всего полезно и нужно.

Прокуратура должна помнить, что репрессии в нашей политике не являются и не могут являться основным методом борьбы за успехи социалистического строительства. Репрессии являются необходимым и важным средством преодоления всякого рода препятствий, мешающих успехам дела социализма, но не единственным и не главным.

Прокуратура должна знать, что в известных условиях и в отношении известных категорий людей главным методом борьбы с их преступлениями является не уголовный суд, а суд товарищеский, не тюрьма, а школа, не судебный приговор, а политическая грамота. На эту сторону дела необходимо обратить особенное внимание.

Искавления нашей советской судебной политики в этой области особенно недопустимы, особенно опасны, и наши краевые, областные и районные прокуроры, прокуроры железных дорог и водного транспорта должны быть на высоте правильного понимания своих задач, как проводников социалистической законности, как органов пролетарской диктатуры.

Не допуская ни малейшего ослабления борьбы с классовыми врагами, пытающимися противодействовать стахановскому движению, больше того — еще энергичней и беспощаднее настигая и преследуя этих врагов, органы прокуратуры в то же время обязаны обеспечить самое тщательное и исчерпывающее рассле-

дование этих дел, добиваясь сосредоточения огня уголовной репрессии на подлинных врагах социалистического строительства.

Серьезные задачи перед органами прокуратуры поставлены и решениями пленума ЦК ВКП(б), принятыми по докладу т. Ежова об итогах проверки партийных документов.

Указание резолюции на то, что «главный урок, как это показал опыт проверки партийных документов, заключается в том, что члены партии и партийные организации все еще плохо усвоили неоднократное указание ЦК ВКП(б) о необходимости всемерного повышения большевистской бдительности и дисциплины среди членов партии», указание пленума ЦК ВКП(б) о том, что «классовый враг по мере роста наших успехов прибегает к более изощренным методам борьбы, используя для этого в первую очередь политическое благодушие и ротозейство коммунистов», мобилирует бдительность наших прокурорских работников и подчеркивает особую их ответственность в деле помощи нашей великой партии в борьбе с проникающими в ее ряды чуждыми, враждебными, преступными элементами.

Максимальное повышение революционной, большевистской бдительности, окончательное искоренение оппортунистического благодушия, воспитание своих прокурорских кадров в духе большевистской заостренности и непримиримости являются нашей основной задачей в деле укрепления прокурорской работы, в деле обеспечения этой работе наиболее высокого качества и максимальных успехов.

Декабрьский пленум ЦК ВКП(б) вписал новую страницу в историю борьбы трудящихся великой Советской страны за окончательное построение бесклассового социалистического общества.

Органы прокуратуры, принимающие активнейшее участие в этой борьбе, должны оказывать достойными тех ответственных задач, какие Центральным комитетом нашей партии поставлены перед всей партией и всеми трудящимися нашей страны, должны с честью выполнить лежащие на них обязанности перед партией, правительством и пролетарской революцией.

Борьба с крушениями и авариями¹ на жел.-дор. транспорте¹

Наш жел.-дор. транспорт под руководством Лазаря Моисеевича Кагановича имеет ряд крупнейших успехов, идет в гору и быстро выходит в ряды передовых отраслей нашего народного хозяйства. Этому удалось достигнуть, прежде всего, путем большевистской мобилизации лучших людей транспорта на выявление и использование огромных резервов, которые имеются в транспорте.

Сущность стахановского движения заключается в том, что люди оседлали технику для того, чтобы в огромной степени поднять производительность труда. Этот принцип, примененный на транспорте, дал блестящие результаты. Теперь мы себе и представить не можем, чтобы железные дороги грузили только 56 000 вагонов, как это было в прошлом году. Когда мы прочли в газетах, что транспорт однажды погрузил 68 000 ваг., мы сочли это поражением, между тем, если бы в прошлом году погрузили 68 000 ваг., мы считали бы это невероятным достижением. На транспорте были люди, которые проповедывали теорию пределов, которые считали совершенно невозможным то, что мы уже сейчас имеем. Теперь теория пределов разбита. Проповедывать эту теорию теперь — значит сознательно, умышленно творить антисоветское, контрреволюционное дело. Вот такое положение мы имеем на транспорте.

Громадные новые резервы транспорта открываются с ликвидацией крушений и аварий. Когда мы ликвидируем крушения и аварии, а мы этого несомненно добьемся, уже одно это позволит вновь значительно повысить погрузку на жел.-дор. транспорте. Я уже не говорю о том, что государство не будет терпеть потерь и материальных убытков, вызываемых крушениями и авариями.

Поэтому совершенно не случайно мы ставим вопрос таким образом, что крушения — это последний барьер, через который транспорт должен перескочить для того, чтобы выйти в ряды передовых отраслей народного хозяйства.

Совершенно ясно, что если задача борьбы с крушениями ставится перед начальниками дорог и начальниками политотделов как основная задача, то насколько не в меньшей степени эта задача является центральной и основной и для органов Транспортной прокуратуры и суда. Здесь наша работа должна оцениваться по результатам. Если меня спросят, как я оцениваю работу нашей прокуратуры и линейных судов в области борьбы с крушениями, — я должен дать такой ответ: несомненно, качество нашей работы по борьбе с крушениями поднялось значительно. Вы помните, товарищи, что в первый период после издания приказа НКПС о борьбе с крушениями и авариями от 19/III с. г. была такая полоса, когда некоторые работники транспорта и транспортных органов юстиции неправильно истолковывали этот при-

каз, думая, что не нужно применять репрессии, что наступила эра либерализма на транспорте. Тов. Каганович ответил на это, что на ж.-д. транспорте наступила не эра либерализма, а эра большевизма. За последние месяцы мы имеем значительную активизацию работы прокуратур и судов, и вместе с тем, значительное поднятие качества работы. Это достигнуто тем, что мы провели ряд серьезных меропрятий в части организации нашей работы.

У нас было такое положение, когда дела о крушениях проходили на дороге помимо прокуроров дорог; прокуроры дорог о многих делах о крушениях узнавали только из последующих докладов участковых прокуроров и из статистики.

Сейчас дело обстоит совершенно иначе. Каждое дело о крушении до его постановления в суде прорабатывается не только дорожным прокурором, но и главным управлением Транспортной прокуратуры.

Если мы хотим, чтобы наша борьба с крушениями была эффективной, мы должны добиться высокого качества нашей работы. Есть ли у нас в этом отношении достижения? Конечно, есть. Мы провели целый ряд процессов, которые были хорошо поставлены и в смысле их подготовки и в смысле политического резонанса. Таковы были процессы о крушениях на ст. Тихонова-Пустынь Зап. жел.-дор., на ст. Буй Северной ж. д., на Курской, Казанской, Белорусской и др. дорогах. Этими же процессами мы доказали, что мы умеем, когда захотим, хорошо поставить дело. Это конечно, не легко. Это требует продуманности, больших усилий, терпения, усидчивости и т. д.

Каждая ошибка при проведении судебного процесса может, при той политической остроте, которая связана с борьбой против крушений и аварий, вызвать крайне отрицательные результаты. Укажу на один пример непродуманности и неосторожности при проведении процесса о крушении. Я имею в виду дело о крушении на ст. Стальной Конь Моск.-Курской жел. дор. Весь процесс прошел удовлетворительно, но была допущена одна ошибка, которая едва не смазала весь процесс. В качестве обвиняемого фигурировал быв. белогвардеец, кулак, пробравшийся в машинисты. Он заявил на суде: «Нет таких машинистов, у которых не было бы крушений. Вот вы расхваливаете (назвал фамилию лучшего машиниста депо), считаете его лучшим, а что вы думаете — у него нет крушений? Вы только скрываете их».

Вместо того, чтобы дать сокрушительный отпор этому наглому антисоветскому выпадку, прокурор промолчал, а председатель суда ничего не нашел лучшего как сказать: «Мы это проверим». Такая непродуманная реплика председателя не могла не произвестись тяжелое впечатление на лучших людей, присутствовавших на суде.

И, несмотря на то, что вообще процесс прошел неплохо, эта клякса испортила все дело.

¹ Переработанная стенограмма речи на совещании работников прокуратуры Северной ж. д.

Этот пример я привожу для того, чтобы показать, что на судебном процессе каждое слово судьи, прокурора ответственно.

При наличии успехов в деле борьбы за качество судебных процессов о крушениях нам еще многого не хватает.

Я получил с Октябрьской жел. дор. дело с обвинительным заключением, утвержденным прокурором. Сущность дела заключается в том, что какой-то грузчик во время маневров толкнул плечом вагон, не рассчитав и вагон тронулся и толкнул несколько других вагонов. В обвинительном заключении написано, что обвиняемый «сознательно устроил происшествие». Если бы дело с такой формулировкой обвинения пошло в суд, оно было бы обречено на полный провал. Должен сказать, что случаи штампования прокурорами нелепых и безграмотных обвинительных заключений не единичны.

Всем вам известен процесс о крушениях на ст. Тихонова-Пустынь. Этот процесс получил широкий отклик по всей стране и особенно на жел.-дор. транспорте. Между тем, при крушениях, которые служили предметом разбора на этом процессе, не было ни человеческих жертв, ни особо крупных материальных убытков.

Чем же объясняется политическое значение этого процесса? Во-первых, тем, что этот процесс ярко вскрыл существовавшие на ст. Тихонова-Пустынь разгильдяйство, распушенность, потворство кулацким элементам, пренебрежение к инструкциям, что имеет место еще по многим станциям. Не даром во время процесса и после процесса многие начальники станций и парторги бросились проверять свои стрелки; они увидели в том, что вскрыто процессом, зеркало своей собственной работы.

Во-вторых, успех процесса объясняется тем, что он был тщательно подготовлен, продуман и остро проведен. Уверяю вас, что у вас на дороге проходят процессы о событиях не менее ярких, чем на ст. Тихонова-Пустынь, но они часто проходят незаметно и не дают эффекта, потому что плохо подготовляются и плохо проводятся.

Анализ крушений показывает, что объективных причин крушений почти нет. 95% всех крушений происходит по субъективным причинам. Дело исключительно в людях и в их отношении к работе.

Борьба с крушениями в огромной степени активизировалась. Почему же тем не менее крушения и аварии еще происходят, а на некоторых дорогах нет еще серьезных сдвигов в этом вопросе?

Деляческие, чисто технические объяснения тут не помогут. Дело борьбы с крушениями и авариями — участок фронта классовой борьбы.

Каковы рассуждения наших врагов? Вот, транспорт идет в гору, последнее препятствие на пути к его окончательной победе — крушения и аварии. На чем же можно дать нам бой? На крушениях и авариях. Здесь — точка приложения усилий врага, дезорганизатора. Работа врага и его агентов проходит по-разному, по разным руслам. Есть враги, которые сознательно устраивают крушения. Есть люди, которые проявляют наплевательское отношение к дисциплине, к правилам, к инструментам, имеющимся на транспорте, и которые являются агентами наших классовых врагов, идущими

у них наповоду. Эту мелкобуржуазную распушенность и разгильдяйство мы не можем рассматривать иначе, как прямую помощь классовым врагам, стремящимся сорвать успехи нашего транспорта. Поэтому борьба с крушениями не есть дело только техническое, а дело глубоко политическое. На вашей дороге разбиралось дело о крушении на ст. Буй. По этому делу обвинялся в качестве основного виновника крушения машинист Апраксинский. Этот машинист систематически спал на паровозе и провезжал сигналы, пока не устроил крупное крушение. Разве не обязаны мы рассматривать такого машиниста как прямого пособника наших врагов? И правильно сделал суд, подвергнув Апраксинского изоляции на 10 лет. По этому делу обвинялись заведующие кондукторским резервом и паровозными бригадами, которые систематически покрывали нарушителей дисциплины, пьянствуя с ними. И мне кажется, что суд, приговорив их к 2—3 годам изоляции, не учел того, что они являлись прямыми организаторами крушений, аварий и должны были понести ответственность не менее суровую, чем непосредственные виновники крушения.

Немало случаев сознательной организации крушений классовым врагом. На ст. Ворожба Зап. жел. дор. произошло следующее. Работал составитель-кривоносовец и другой составитель — быв. кулак Воропай. Последний отправился ночью во время работы составителя-кривоносца на станцию и в 15 местах расцепил сформированный им состав, оставив соединенными только тормозные рукава. Хорошо, что произошло самоторможение, а могло быть иначе, — от ст. Ворожба начинается затяжной уклон. Это была прямая диверсия. И таких случаев имеется не мало.

Наша задача заключается в том, чтобы нанести сокрушительный удар по врагам, рассматривая злостных разгильдяев как прямых пособников врагов. В наше время, когда по всей стране развертывается мощное стхановское движение, захватывающее широкие массы трудящихся города и деревни, можем ли мы иначе смотреть на человека, который нарушает дисциплину и занимается разгильдяйством? Поэтому мы должны по каждому делу о крушении стремиться выявить классовую подоплеку нарушителя дисциплины, расшифровать его до конца.

Карательная политика по делам о крушениях и авариях сурова; мы привлекаем к судебной ответственности гораздо меньше людей, чем раньше и с гораздо более серьезным разбором, но зато судим строже. И это совершенно правильно.

Работа прокуратуры в области борьбы с крушениями должна заключаться не только в постановке процессов. Нужно усилить прокурорский надзор за организацию борьбы с крушениями. Нужно сказать, что недостатков по части организации борьбы с крушениями на дорогах огромное количество. Начать хотя бы с того, что на ряде дорог расследование крушений и аварий производится не начальниками дороги и отделений, как этого требует приказ НКПС, а второстепенными лицами. Акты расследования лежат неделями и месяцами. Организационно-технические мероприятия не принимаются. Злостные аварийщики продолжают благополучно работать, совершают аварии, и никто их часто не трогает. Дисциплинарная

практика во многих местах находится в безобразном состоянии. Попрежнему массовое пачкообразное применение взысканий — без мобилизации массы. Все это имеет непосредственное отношение к борьбе с крушениями. На некоторых дорогах прокуроры проявили большую активность в борьбе с этими явлениями. Так, прокурор Самаро-Златоустовской дороги, ознакомившись с постановкой дела борьбы с крушениями на дороге, поставил очень серьезно вопрос об извращениях в этой области в партийной организации дороги и начальнику дороги пришлось сильно «попотеть». Прокурор Оренбургской дороги вскрыл очковитательство в статистике крушений и также поднял на ноги партийную организацию дороги и руководство дороги. Это, несомненно, хороший образец работы.

Остановлюсь на вопросе об очистке транспорта от враждебных элементов. Мне кажется, что в этом вопросе некоторые прокуроры понимают свою задачу односторонне; они сводят свою роль к защите незаконно уволенных людей. Конечно, их надо защищать. Но если работа прокурора сводится только к защите неправильно уволенных, и прокурор ничего не делает для того, чтобы выявить тех, кого надо убирать с транспорта, то это неправильно. Многие наши прокуроры, если бы они были более бдительными, не могли бы не видеть, что на ряде станций сидят злостные аварийщики, классовые враги, которых надо убрать, от которых надо освободить транспорт. Многие ли из нас, прокуроров, могут похвалиться тем, что они, умело используя прокурорский актив, очистили свой участок от таких людей в порядке наблюдения за применением дисциплинарного устава?

Необходимо во что бы то ни стало очистить транспорт от чуждых людей и злостных аварийщиков. Мала наша заслуга, если мы только выносим приговоры по делам о крушениях. Не лучше ли было бы, если бы нам не приходилось проводить этих процессов? Наша работа должна быть направлена именно в эту сторону.

Резюмирую. Что требуется от нас по части борьбы с крушениями и авариями? Во-первых, серьезная активизация прокуратуры и следственного аппарата по части борьбы за серьез-

ное улучшение качества работы. Нужно, чтобы каждое дело расследовалось до последней точки; по каждому крушению или аварии должны до конца выясняться все причины крушения и виновники этого крушения. Каждое дело о крушении надо обследовать со всех сторон, — узнать, что за человек виновник крушения, под микроскопом поставить его надо. Надо поставить на должную высоту и качество судебного процесса.

Надо усилить надзор за применением дисциплинарного устава и активизировать работу по очистке транспорта от врагов и чуждых элементов.

Вот тот комплекс мероприятий, который мы, прокуратура и суд, должны проводить на транспорте (для того, чтобы помочь ликвидации крушений и аварий).

Есть люди, которые думают, что крушения и аварии на транспорте неизбежны, что вообще транспорт не может работать без аварий и крушений. Это — гнилая антисоветская теория, которая должна быть разбита вдребезги. Это — другое издание теории пределов. Почему должны быть крушения на транспорте, откуда это видно? Почему на транспорте должны быть враги? Это ниоткуда не вытекает. От нашей большевистской бдительности и нашей работы зависит, чтобы аварий на транспорте не было, чтобы транспорт был очищен от врагов рабочего класса.

Мы должны добиться, чтобы у нас крушений и аварий не было, и мы этого безусловно добьемся. В телеграмме, которую тов. Л. М. Каганович разослал начальникам дорог, написано, что в борьбе с крушениями и авариями многие ответственные люди на транспорте могут потерпеть жесткое поражение, но партия и советская власть поражения не потерпят. Партия поставила себе задачу ликвидировать крушения на транспорте, и это будет выполнено, как и все задачи, которые партия ставит перед собой. Нет слов, что задача трудная, но эта задача будет выполнена. Мы, прокуратура и суд на железных дорогах, являемся тем аппаратом, от работы которого в значительной степени зависит быстро и успешное разрешение этой задачи.

«Лозунг „надры решают все“ — требует, чтобы наши руководители проявляли самое заботливое отношение к нашим работникам, к „малым“ и „большим“, в какой бы области они ни работали, выращивали их заботливо, помогали им, когда они нуждаются в поддержке, поощряли их, когда они показывают первые успехи, выдвигали их вперед и т. д.»

СТАЛИН

О финансовой дисциплине и плохой работе некоторых органов прокуратуры

В советском государстве с его плановым хозяйством твердая финансовая дисциплина — одно из неприменимых условий успешного выполнения хозяйственных планов. Партия и правительство в целом ряде своих директив и постановлений указывали, что за финансовую дисциплину нужно всячески бороться и что злостные ее нарушители являются преступниками, которых надо наказывать.

Для наших органов юстиции тут широчайшее поле деятельности. К великому сожалению, нарушения финансовой дисциплины составляют в ряде мест массовое явление. Они чрезвычайно разнообразны: тут и незаконное использование получаемых средств не по назначению (например, обороты на капитальное строительство), и обходы торгующими организациями закона об обязательной сдаче выручки в Госбанк (создание «черных касс»), и злостное уклонение от платежей по обязательствам, и злоупотребления при получении кредитов (подлоги в представляемых банкам сведениях). Но и это еще не все. Финансовая дисциплина нарушается не только хозяйственными организациями. Нарушается она в ряде случаев и теми, кто, собственно говоря, должен внедрить ее.

Речь идет о самих местных советах в лице их отделов, а также общественных и в частности, профессиональных организациях. Свежа еще память о знаменитых «местных займах», выпускавшихся целым рядом горсоветов. А налоготворчество и по сей час еще не изжито. Достаточно вспомнить случай с Харьковским горсоветом, установившим «у себя», в Харькове, целый ряд незаконных налогов.

И не только таким путем нарушают местные руководящие органы финансовую дисциплину. Они нарушают ее незаконными изъятиями средств у государственных и кооперативных организаций.

На этом виде преступлений против финансовой дисциплины стоит особо остановиться, так как они являются доподлинным бичом финансовой дисциплины, серьезнейшей помехой нормальному выполнению хозяйственных планов.

Стоит привести несколько примеров подобных извращений финансовой дисциплины по инициативе местных органов. Все они нарочно будут взяты из практики одной области, для того чтобы показать, что нарушения эти составляют далеко не единичные случаи. Приводимая область в этом отношении особого исключения не составляет.

Баскаргайский исполком Восточного Казахстана формальным постановлением от 22 марта 1935 г. облагает хозяйственников на премирование ударников и ударниц. Утверждена специальная разверстка, по которой райпотребсоюз должен внести 300 руб., Союзкож — 100 руб., Заготскот — 100 руб., Госбанк (!) — 100 руб., сберкасса — 100, районо — 500 и т. д. Цюрупинском р-не проводятся сборы с учреждений и организаций на постройку парка-сада. На банк по этой раскладке падает 300 руб. В Иркутском

р-не с райпотребсоюза за последние годы таким образом незаконно взято 50 618 руб., из них райисполкомом — 23 051 руб., райфинотделом — (!) 23 800 руб., райНКВД — 2356 (товарами) и райкомам ВКП(б) — 2471 руб. Попытки продолжать эту практику имели место и в 1935 г. В связи с таким хозяйствованием райпотребсоюз доведен до окончательного развала и стоит перед ликвидацией. В Кировском р-не райфинотдел предлагает банку списать со счета просрещения на возврат переплаты сельхозналога и культсбора некоему г-р. Волховичу. В то же время по району имеется задолженность по зарплате учителям.

В Арбалинском р-не начальник райсвязи, по требованию предрика, делает фиктивный перевод в 30 000 руб. в пользу райпо на выкуп товаров. Райпо в это время находилось на просрочке.

В этом же районе, по распоряжению того же предрика, самовольно списывается с текущих счетов колхозов 11 200 руб. на покупку райзо племенных баранов. Для оформления этой операции райзо давал от имени колхозов, но без их ведома, необходимые поручения и обязательства; там же президиум рика вынес постановление, которым предложил райбанку отсрочить срок ссуды райпо. В Курчумском р-не райфо нашел простой и верный способ ликвидации задолженности учителям по зарплате. С ряда хозорганизаций следуемые с них налоги были исчислены с преувеличением. Получились излишки, которые и пошли на зарплату.

Наконец, в самом центре области, в Семипалатинске, руководящие областные органы специальным постановлением обязали хозяйственные организации по особой разверстке погасить задолженность обкома за телеграммы. Те организации, которые отказались выполнить это незаконное распоряжение, оказались в критическом положении. Телеграфу запретили принимать от них телеграммы в кредит и за наличный расчет! Правда, таких героических организаций оказалось не много, даже всего одна — Заготпушнина. Дело кончилось все же тем, что с ее счета деньги были самовольно списаны!

Такова картина «финансовой дисциплины» в одной только области. При этом надо учесть, что взяты только те случаи, когда нарушения финансовой дисциплины исходили от руководящих советских и общественных организаций. А сколько еще нарушений допускается самими хозорганизациями?

Но что же делают органы прокуратуры для борьбы с этим беззаконием? Если выражаться ледкиатно, то надо сказать — мало делают. Это видно хотя бы из того, что случаи прокурорского вмешательства в дела такого рода исчисляются буквально единицами. Тут, конечно, начинаются возражения, приведение трехзначных цифр дел, возбужденных в порядке, борьбы за финансовую дисциплину. Одна-

ко, не надо напрасно радоваться. Если проанализировать материалы любой из областных или районных прокуратур, то легко можно видеть, что почти все приводимые в этих материалах дела являются делами **о корыстных преступлениях с бюджетными средствами**. Разговора нет, это, конечно, важнейшие дела. Но на борьбу с нарушениями финансовой дисциплины они имеют весьма малое влияние.

Кто из предриков, самовольно распоряжающихся средствами районных организаций, отнесет хоть в какой-нибудь степени к себе приговор над расхитителем бюджетных средств? Помилуйте, он же (предрика) не крал, не мошенничал! Какое к нему имеет отношение дело о расстратчике? Так что лучше на материалы с трехзначными цифрами рассмотренных дел не ссылаться. А вот материалы Прокуратуры Союза, полученные от хозяйственных организаций, говорят о том, что и те дела о нарушениях финансовой дисциплины, которые возбуждаются органами прокуратуры, в огромном большинстве случаев кончаются или прекращением или возбуждением дисциплинарного преследования. При этом, весь процесс прохождения дела исчисляется многими месяцами. А ведь Прокуратурой СССР было дано специальное указание о том, чтобы дела о нарушениях финансовой дисциплины заканчивались расследованием в 10-дневный срок после возбуждения дела.

Почему же плохо развернута борьба прокурорских органов за финансовую дисциплину?

Во-первых, потому, что многие из товарищей на местах не понимают, в чем состоит преступность действий местных органов; во-вторых, потому, что прокурорские работники позволяют себе делать уступки «целесообразности» за счет законности, и, в-третьих, потому, что они не видят путей борьбы с этими явлениями.

О путях прокурорской борьбы с этими преступлениями мы хотим еще раз поговорить.

Тут от прокурора требуется безусловная осведомленность и поворотливость и знание законов.

Сидеть и ждать, пока уголовный розыск приведет преступника в камеру прокурора тут не приходится. Нарушителя финансовой дисциплины никто за руку не ловит. Прокурор должен уметь видеть и слышать, что кругом делается. Речь идет не о какой-либо специальной агентуре, а просто о внимательном отношении к происходящему вскруг. Между тем, этого еще нет. Вот, например, ни один почти прокурор не обратил внимание на то, что в его области были районы, где допускались «трудовые займы». А не слышать об этом он не мог, так как и его сотрудники привлекались к участию в них. Разумеется, что, не зная законов о финансах, законов чаще всего сложных, затруднительно бороться за соблюдение этих законов. Легко можно дать себя «уговорить».

Борьба за финансовую дисциплину должна вестись не только путем привлечения виновных к уголовной ответственности, но и в порядке **общего надзора**. Вот широкое поле для плодотворного общего надзора! Половина случаев нарушений финансовой дисциплины, которые здесь приводились, могли бы быть предотвращены, если бы прокуратура на местах наблю-

дала за законностью действий местных организаций, т. е. **осуществляла общий надзор**. А эффект от каждого принесенного прокуратурой, тут же на месте, протеста на незаконные постановления всегда бывает очень велик. Между тем, много ли мы знаем протестов органов прокуратуры, например, против незаконных «разверсток» и «раскладок» на разные местные нужды? Что-то не видать в отчетах краев и областей таких случаев.

Но ограничиваться одним опротестованием незаконных постановлений и распоряжений, конечно, не всегда можно. Взять те же примеры из Восточного Казакстана. Как, например, расценить совершение Арабалинской райсвязью фиктивного перевода в пользу райпо? Как прямое преступление. Личной корысти нет. Но есть сознательный обман государства, есть антигосударственные местнические действия.

А как реагировать на представление Арабалинским же райзо от имени колхозов, но без их ведома различных обязательств с последующем переключением средств со счетов колхозов? Это ли не преступление? Одним опротестованием действия райзо тут обойтись нельзя. Они социально опасны и виновный должен понести примерное наказание.

Дать на все случаи жизни рецепт, когда можно ограничиться опротестованием незаконного распоряжения, и когда привлекать виновного к ответственности, конечно, невозможно. Одно можно сказать, что во всех тех случаях, когда нарушение финансовой дисциплины сопровождается действием, которое само по себе составляет преступление, возбуждение уголовного преследования обязательно (представление банку фиктивных данных, понуждение к нарушению финансовой дисциплины под угрозой применения имеющихся в распоряжении данного органа репрессий и др.). Это как будто само собой разумеется; однако, не всюду и это проводится в жизнь. Доказательством тому служат те же самые приведенные примеры, где виновники в течение во всяком случае 6—7 месяцев оставались безнаказанными.

Но необходимо самым решительным образом предостеречь от наблюдающейся практики возбуждения дел с **последующим прекращением их**. Мотивами прекращения являются обычно пресловутая «бескорыщность» и незначительность ущерба. Такая практика крайне вредна. Прекратить дело по таким мотивам значит выдать индульгенцию на прощенье грехов другим нарушителям. Ведь большинство из них не имеет личной корыстной заинтересованности в совершении нарушения, и большинство, особенно в районах, имеет дело не с миллионами. Общий же вред, приносимый этими преступлениями, не уложить ни в какие суммы. Поэтому с подобными мотивировками должно быть покончено. Лучшее дело совсем не начинать, чем закончить его таким образом.

Между тем, у нас именно по делам о нарушениях финансовой дисциплины особенно часты случаи прекращения возбужденных дел. На это жалуются банки; это видно из отчетных материалов с мест.

Только быстрое и реальное судебное воздействие, в обязательном сочетании с мерами общего надзора, может обеспечить успех работы наших органов в их борьбе с нарушениями финансовой дисциплины.

О новых доказательствах в кассационном процессе

Процесс, построенный исключительно на идее чистой или вернее формальной кассации, никаких проблем, связанных с представлением новых доказательств в кассационной инстанции, не знает, ибо самая возможность представления новых доказательств в кассационной стадии этим типом процесса полностью отрицается. Приговор суда является единственным документом, по которому проверяется правильность применения материального уголовного закона. Протокол судебного заседания является единственным возможным доказательством в вопросах, касающихся соблюдения или нарушения судом процессуальных правил во время судебного следствия. Предварительное следствие вообще не подлежит кассационной проверке и поэтому акт предания суду является тем барьером, за который кассационный суд не должен вообще переходить. При таком построении кассационного процесса для проблемы о новых доказательствах в кассационном процессе действительно нет места.

Нельзя отрицать того, что в целом ряде постановлений Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1922—1923 г. ясно видно еще влияние идей, почерпнутых из процессуальных систем, проводящих принцип формальной кассации. Наиболее отчетливо это влияние выражено, конечно, в ст. 349, согласно которой «жалобы на приговоры народного суда могут быть принесены каждой из заинтересованных сторон исключительно лишь по поводу формального нарушения права и интересов данной стороны при производстве по делу или рассмотрении дела на суде, именуются кассационными жалобами и не могут касаться существа приговора».

Этот буквальный текст ст. 349 УПК РСФСР устанавливает таким образом для кассационных жалоб, а значит и для кассационного суда запрет входить в проверку существа приговора. Из такого содержания этой статьи нельзя не сделать вывода о том, что никаких новых доказательств кассационной инстанции представлять нельзя и что никаких новых доказательств кассационный суд ни принимать от кассатора, ни требовать по своей инициативе права не имеет, ибо единственной целью представления кассационному суду новых доказательств всегда и неминуемо является оспаривание судебного приговора по существу. Если же оспаривание существа приговора не должно являться целью и содержанием кассационного процесса, то никаких новых доказательств по существу дела кассационному суду и не требуется. Поэтому, если бы содержание и задачи советского кассационного процесса определялись только буквальным текстом ст. 349 УПК, то пришлось бы признать, что нашему кассационному процессу совершенно чужда проблема новых доказательств, которые бы появлялись впервые в кассационной инстанции и были направлены на оспаривание приговора по существу.

Но Уголовно-процессуальный кодекс отнюдь не стоит на почве последовательно проведенного принципа формальной кассации. Невозможность ограничиться одной лишь формальной кассацией и необходимость практически отказать от исключительности этого принципа была ясно сознана при самом составлении кодекса. Поэтому наряду с провозглашением в ст. 349 принципа формальной кассации, закрывающей своим буквальным текстом существо дела для кассационной проверки, Уголовно-процессуальный кодекс тогда же ввел впервые в законодательный обиход два совершенно новых постановления, не существующие ни в одном буржуазном законодательстве и завоевавшие себе прочное право гражданства в советском процессуальном праве. Оба эти постановления устанавливают по отдельным моментам принцип кассационной проверки существа приговора или, что то же самое, существа дела. Это, с одной стороны, право кассационного суда входить в проверку и обсуждение правильности размеров репрессии, хотя бы и не выходящей за пределы законного минимума и максимума (ст. 417, 437 и более поздняя 419а). С другой стороны, это — право кассационного суда входить в проверку правильности и полноты произведенного по делу расследования (ст. 413 п. 1 и ст. 414). Это также одна из форм самой несомненной проверки существа дела, а тем самым и существа приговора со стороны кассационного суда. Совершенно очевидно, что ст. 349, с одной стороны, и статьи 413 п. 1, 414, 417, 437 и 419а, с другой стороны, между собой теоретически не согласованы, поскольку ст. 349 отрицает кассационный контроль за существом дела, а остальные указанные выше статьи, наоборот, вводят по отдельным моментам кассацию по существу дела, а не только по формальным моментам.

Ст. 413 УПК, среди оснований для отмены приговоров в кассационном порядке, на первом месте указывает «недостаточность и неправильность проведенного следствия», а в ст. 414 дается более подробное и развитое пояснение к этому постановлению в том смысле, что «недостаточным и неправильно проведенным признается следствие, которое проведено таким образом, что остались невыясненными ни на предварительном, ни на судебном следствии обстоятельства, выяснение коих необходимо должно было повлиять на приговор».

Не только действующий УПК (1922—23 г., но и все проекты УПК РСФСР, выработанные в 1927, 1928 и 1931 годах, в разной редакции ставили перед кассационным судом эту задачу проверки правильности и полноты судебного расследования, предшествующего вынесению судебного приговора. Оставляет эту задачу за кассационным судом и недавно выработанный проект УПК СССР. Эта кассационная задача является, таким образом, для советского кассационного процесса совершенно принципиальной и неотъемлемой. В ней одно из принципиальных, а не случайных, одно из основных, а

¹ В порядке обсуждения. — Ред.

не второстепенных, одно из внутренних, а не внешних, отличий советского кассационного процесса от процесса формальной, чистой кассации, созданного буржуазными кодексами XIX века.

Из постановлений ст.ст. 413 и 414 и рождается проблема новых доказательств в кассационном процессе.

**

Проблема новых доказательств в кассационном процессе является, конечно, лишь частью другой, более широкой проблемы о праве кассационной инстанции проверять правильность выводов, сделанных по существу дела судом первой инстанции из имевшегося в его распоряжении доказательственного материала. Если бы этот более широкий вопрос был решен отрицательно, то не мог бы быть поставлен вовсе и частный вопрос о новых доказательствах. Если же этот вопрос о возможности проверки в кассационном порядке сделанных судом первой инстанции выводов из имевшихся уже в деле доказательств решается положительно, то не может не быть полностью поставлен и вопрос о новых доказательствах.

В самом деле, степень правильности и полноты расследования определяется количественной достаточностью и качественной доброкачественностью имеющегося в деле доказательственного материала. Поэтому, поскольку на кассационном суде лежит проверка вопроса о правильности и полноте уже собранного доказательственного материала, совершенно неминуемо возникновение вопроса и о возможности пользования в кассационном процессе также и новыми доказательствами, которые самым фактом своего представления кассационному суду доказывают неправильность и неполноту расследования.

Но возложив подобную кассационную задачу на кассационную инстанцию, Уголовно-процессуальный кодекс ни в своей редакции 1922 г., ни в редакции 1923 г. ни одним словом не попытался разрешить вопроса о методах проверки доказательственного материала и, в частности, о новых доказательствах в кассационной инстанции.

Вопрос о возможности пользоваться новыми доказательствами в кассационной инстанции был затронут лишь проектом УПК РСФСР 1927 г. и проектом УПК РСФСР 1928 г. Несмотря на то, что оба эти проекта отделены друг от друга лишь годичным сроком, предложенные ими решения стояли на диаметрально противоположных точках зрения и с теоретической стороны одинаково далеки были от выдержанности и последовательности в проведении принципиальных процессуальных точек зрения.

И вплоть до настоящего момента действующее законодательство по вопросу о новых доказательствах в кассационной стадии процесса не дает никаких решений: вопрос этот не предусмотрен вовсе ни действующими постановлениями Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, ни постановлениями кодексов других республик. Судебная практика в связи с этим пестрит самыми различными решениями, сплошь и рядом противоречащими друг другу.

Для примера можно взять простой вопрос, возникающий на практике каждый день, — о

возможности представления в кассационную инстанцию новых документов, которых не имела в своем распоряжении первая инстанция при рассмотрении дела. Насколько велики неясности в этом вопросе, видно из того, что и сейчас еще есть кассационные составы, которые без всяких возражений и очень широко принимают к своему рассмотрению новые документы и кладут их совокупно с другим судебным материалом в основу кассационного решения. Есть кассационные составы, которые на просьбу о принятии документов отвечают, что кассационная инстанция дела по существу не рассматривает и новых доказательств поэтому не принимает. А есть суды, в которых до последнего времени отказывали в принятии документов при подаче кассационной жалобы, но соглашались принимать их в кассационном заседании.

В подобном положении, существующее реально в кассационной практике различных судов, должна быть внесена ясность. Вопрос о документах, конечно, вопрос частный и решение его подчиняется решению более общего вопроса о новых доказательствах, представляемых непосредственно в кассационную инстанцию и не имевшихся при рассмотрении дела в первой инстанции. В самом деле, если можно представлять в кассационную инстанцию новые документы и ими опровергать обжалуемый приговор, то почему нельзя в кассационной инстанции допрашивать новых свидетелей и производить новые экспертизы. Практически наименее распространенным является допрос свидетелей в кассационной инстанции. Наиболее частым является представление документов. И значительное распространение за последнее время получило производство в кассационной инстанции новых экспертиз.

**

Из отдельных видов доказательств кассационная инстанция, как мы указали, наиболее часто имеет дело с представлением **новых документов**, прилагаемых в подтверждение самых различных обстоятельств. Представляются документы весьма простые и весьма сложные. Документами доказываются выполнение обязательств, социальное положение осужденных, отсутствие задолженности при обвинениях в растратах, наличие душевной болезни, исключающей уголовную ответственность, и т. д.

Несколько примеров, почерпнутых из практики Верховного суда РСФСР, дадут представление о распространенности этого способа кассационного доказывания и разнообразии самого содержания представляемых документов.

Несколько инженеров были осуждены одним из областных судов по обвинению в том, что, будучи на службе в проектной конторе Дортранса, они одновременно с этим принимали в порядке частного соглашения поручения на составление проектов от различных учреждений и организаций, причем самое злоупотребление усматривалось в том, что для создания стимулов для дачи таких частных поручений они от имени государственной проектной конторы назначали преувеличенные расценки на проектные работы, а затем те же работы сами производили по пониженной цене.

Вопрос о том, действительно ли от имени проектной конторы назначались повышенные

расценки, имел поэтому для дела первостепенное значение, но он не был освещен ни на предварительном следствии, ни на суде. Конечно, теоретически было бы достаточно указать кассационной инстанции на то, что этот вопрос никак не обследован и, поскольку это указание было правильным, кассационная инстанция должна была бы отменить приговор для производства дополнительного расследования по указанному вопросу.

Не ограничиваясь таким указанием, осужденный составил подробные расчеты на те проектные работы, о которых идет речь в приговоре, представил их для проверки в Главдортранс и после того, как они были проверены в Главдортрансе и признаны в основе правильными, он приложил их при кассационной жалобе Верховному суду в доказательство того, что исследование этого вопроса не просто формально необходимо, но дало бы по существу благоприятный для обвиняемых материал. Так как те расценки, которые без их проверки считались преувеличенными, оказались после надлежащей проверки правильными, то представление этих документов показало не только, что проверку произвести надо было, но что проверка ведет к опровержению обвинения. Так, представлением документов было доказано нарушение судом первой инстанции не только прав, но и интересов осужденных (№ 25722 за 1935 г.).

Приговор был отменен и дело направлено для нового рассмотрения со включением в обидный судебный материал и тех документов, которые были представлены в кассационную инстанцию.

В производстве одного из краевых судов было дело работников местной кооперации, осужденных по обвинению в самовольном снижении норм отпуска продуктов на одном из местных заводов. Обвиняемые указывали, что они действовали не самовольно, а подчиняясь директивам, полученным от вышестоящих кооперативных организаций. Ни предварительное следствие, ни судебное не проверили этого указания. Был вынесен обвинительный приговор. При кассационном рассмотрении дела Верховному суду были представлены документы, из которых видно было, что директива о понижении норм отпуска действительно была дана вышестоящими организациями. Таким образом очевидной стала задача проверки и установления содержания этой директивы, а также проверка того, была ли эта директива выполнена или обвиняемые при ее осуществлении отступили в чем-либо от нее.

Если в указанном выше деле об инженерах необходимость проверки расчетов видна была из самого производства и представление дополнительных документальных доказательств имело своей целью лишь конкретизировать и сделать позицию обвиняемых более убедительной, то в этом деле о кооператорах представление документальных данных о наличии директив вышестоящих кооперативных организаций имело своей задачей превратить голословное (в том смысле, что оно не было в тот момент ничем подтверждено) заявление обвиняемых о наличии директивы в заявление, документально доказанное (№ 2524 за 1934 г.).

Без представления этих документальных данных существование этих директив перед кассационной инстанцией доказать нельзя было бы. При-

говор был отменен с указанием на необходимость проверки сделанных кассаторами указаний.

По довольно обычному в практике народных судов делу определению Верховного суда отредактировано так: «Одним из основных пунктов обвинения, выдвинутых против осужденного Ногтева, является то, что он присвоил 2412 р. 77 к., вырученных от продажи принадлежащего ЗРК картофеля. Ногтев же доказывал, что картофель роздал в долг. Суд доводы Ногтева отверг. Однако в настоящее время кое-что видно из представленной справки рабочего кооператива от 17 апреля 1932 г., что последним получено в погашение задолженности за картофель 268 р. 38 к. Поэтому объяснения Ногтева в части присвоения указанных сумм подлежат новой проверке».

Приговор отменен и дело направлено для нового рассмотрения (№ 81573 за 1932 г.).

Во всех указанных выше случаях представление в кассационную инстанцию новых документов имело своим последствием отмену приговора по причине документально доказанной недоследованности дела и направление дела в первую инстанцию для дополнительного исследования необследованных ранее обстоятельств.

Но можно указать значительное количество кассационных определений, которыми на основании представленных в кассационной инстанции новых документов не только отменялся приговор, но и прекращалось самое дело. Другими словами, в этих случаях новые документальные доказательства влекли за собой окончательное перерешение дела по существу.

В виде типичного примера таких определений — очень ясного и простого — можно указать на одно из дел, которых в практике судов попадает не мало.

Приговором одного из главных судов г. Наумов был признан виновным в том, что, заведя мельницей, «расхищал и разбазаривал вверенный ему хлеб, отпускал его по частным запискам работников и даже совершенно без всяких записок. В частности из 62 мешков заарестованного хлеба лишь на 15 мешков имеются документы, а на остальное количество никаких оправдательных документов не имеется».

В своей кассационной жалобе Наумов опровергал обвинение по существу, указывая на то, что «не похищено и не разбазарено ни одного мешка; хлеб пошел по своему прямому назначению и не по частным запискам, а согласно официальным документам, которые были мною своевременно сданы милиционеру, производившему дознание для приобщения к делу, но которых в деле почему-то не оказалось. Об этом я заявил суду во время заседания, но в протоколе это заявление не зафиксировано...»

К кассационной жалобе были приложены 8 документов, устанавливающих правильность израсходования всех 62 мешков муки.

Кассационная коллегия Верховного суда РСФСР вынесла следующее определение: «Кассационная коллегия нашла обвинение в отношении осужденного Наумова недоказанным, так как в деле нет доказательств, чтобы Наумов отпускал хлеб по запискам, и в отношении недостающих якобы 62 мешков муки Наумовым к кассационной жалобе представлены оправдательные документы». Поэтому кассационная коллегия не только отменила приговор в отно-

шении Наумова, но и прекратила самое дело по недоказанности обвинения (№ 21184 за 1932 г.).

Нередко представление в кассационную инстанцию документов, касающихся личности подсудимых, в том числе и таких документов, которые дают сведения о душевной болезни подсудимых и таким образом ставят вопрос об освобождении их от уголовной ответственности. При этом и здесь кассационная практика идет двумя путями: иногда представленный медицинский документ ведет к отмене приговора и направлению дела для нового рассмотрения в целях проверки посредством экспертизы вопроса, поставленного перед кассационной инстанцией. В других случаях кассационный суд сам, при том без какой-либо экспертизы принимает решение, не направляя дела для повторного рассмотрения в первую инстанцию.

Как пример первого пути можно указать дело за № 83587 за 1934 г., в котором при жалобе были представлены медицинские документы, из которых видно было, что подсудимый с 1929 г. лечится от эпилептоидной психопатии и что у него бывают припадки, во время которых он делается невменяемым. В момент подачи жалобы он направлен районной врачебной комиссией в психиатрическую больницу для стационарного лечения. «При таких условиях, — говорится в определении Верховного суда, — необходимо проверять, в каком психическом состоянии находился обвиняемый Поляков в момент совершения преступления и мог ли он отвечать за свои поступки. Однако этого судом сделано не было». Поэтому приговор отменен и дело направлено для повторного рассмотрения (№ 83587 за 1934 г.).

Но кассационная практика знает и другие случаи, когда дело прекращалось в кассационном порядке и без всякой экспертизы на основании документов, представленных прямо в кассационную инстанцию.

Так, в одном из кассационных определений можно прочесть: «Из представленных к жалобе документов — справок нервно-психиатрического отделения Фрунзенского райздрави от 16 апреля 1934 г. и от 8 апреля 1934 г. видно, что осужденный Федоров болен хронической душевной болезнью (шизофренией), в силу чего согласно ст. 11 УК меры социальной защиты судебно-исправительного характера к нему не могут быть применены, хотя он и совершил проступок, наказуемый нормами Уголовного кодекса». Исходя из того, что он в данное время находится на излечении в нервно-психиатрической лечебнице, приговор отменен и самое дело, без производства какой-либо экспертизы, прекращено (№ 83628 за 1934 г.).

Виды документов, представляемых в кассационной стадии процесса, весьма разнообразны. В журнальной статье всей судебной практики исчерпать, конечно, нельзя. Но надо упомянуть два вида документов, которые прилагаются к кассационным жалобам и представляются в кассационных заседаниях наиболее часто. Это, с одной стороны, справки о социальном положении, а с другой — отзывы о служебной деятельности. (Напр. № 22347 за 1931 г. № 25002 за 1934 г. и ряд других решений). И то и другое сплошь и рядом принимается во внимание при разрешении вопроса о понижении репрессий

и при применении примеч. к ст. 6 и ст. 8 УК. А справки о социальном положении при некоторых обвинениях ведут как к изменению юридической квалификации, так и к прекращению дела (например, при обвинении по ст. 60 или 61 УК — см. № 21044 за 1931 г. и много других решений за период 1931 и 1932 гг.).

Значительно более редким, чем появление в кассационном производстве новых документов, является пользование в кассационной стадии процесса **новыми свидетельскими показаниями**. При этом кассационной практике известны как случаи представления изложенных на письма свидетельских показаний, так и вызов в кассационное заседание свидетелей для устного допроса.

Из отдельных дел, по которым были представлены письменно изложенные свидетельские показания, можно указать, например, дело Отчеткина и других, рассмотренное кассационной коллегией Верховного суда РСФСР (№ 24348 за 1934 г.). Текст кассационного определения таков: «Дело в отношении Отчеткина Максима и Чичаева не исследовано в достаточной степени. При кассационной жалобе ими приложено показание свидетелей, утверждающих, что Отчеткин и Чичаев участия в массовых беспорядках не принимали... Эти показания суду необходимо проверить». Поэтому приговор отменен и дело направлено для нового рассмотрения.

По делу № 22438 за 1931 г. к кассационной жалобе было приложено свидетельское показание, опровергающее показание другого свидетеля, являвшегося основным для обвинения. Кассационная коллегия отменила приговор, специально указав на необходимость проверки приложенного к кассационной жалобе показания.

Случаи представления в кассационную инстанцию подобных, кустарно оформленных, письменных свидетельских показаний нередки в судебной практике.

Значительно реже случаи устного допроса свидетелей в судебных заседаниях кассационных судов.

В виде примера такого допроса мы приведем дело, по которому такой допрос был признан необходимым со стороны президиума Верховного суда РСФСР.

Обвиняемые были осуждены городским судом по закону 7 августа. В кассационной жалобе один из них, Миловидов, изложил различные обстоятельства, из которых следовало, что ряд действий, поставленных ему в вину, был совершен с ведома или распоряжения администрации фабрики, на которой он работал. Обстоятельства, изложенные в кассационной жалобе, не были до того расследованы в ходе судебного процесса — ни до суда, ни на суде.

Кассационная коллегия отменила приговор и направила дело для повторного рассмотрения в целях проверки новых данных, указанных в кассационной жалобе и ранее не проверенных.

Дело в порядке надзора перешло в президиум Верховного суда, который отменил кассационное определение и направил дело для повторного рассмотрения в Кассационную коллегия, указав при этом, что для отмены приговора у кассационной коллегии не было достаточных оснований и что содержание кассационной жа-

лобы Миловидова давало лишь основание для вызова в кассационное заседание директора фабрики Волкова, на которого сделаны были ссылки в кассационной жалобе.

В повторное заседание Кассационной коллегии были вызваны кассатор Миловидов (доставленный в Верховный суд из тюрьмы) и директор фабрики Волков.

В самом тексте кассационного определения указано, что оно состоялось после выслушания объяснений осужденного Миловидова и директора фабрики Волкова. Заявления Миловидова признаны подтвердившимися частично (показаниями Волкова), приговор вновь отменен и дело вновь направлено для повторного расследования в первую инстанцию (№ 22174 за 1933 г.).

Совершенно очевидно, что в данном случае мы имеем дело с самым несомненным случаем допроса свидетеля в кассационной инстанции, ибо процессуальное положение директора фабрики Волкова было процессуальным положением свидетеля и никак иначе обозначено и расценено быть не может. Технически этот допрос никак зафиксирован не был: нет ни протокола, в котором было бы отражено содержание показаний, данных в кассационном заседании Волковым, ни собственноручно Волковым сделанных записей, например, в форме заявления на имя Верховного суда. В тексте кассационного определения также содержится содержание показаний Волкова не воспроизведено.

Таким образом в кассационном заседании допрошен свидетель, самое отсутствие допроса которого повлекло за собой даже отмену предшествующего кассационного определения. Его показание послужило одним из аргументов отмены приговора, но в чем состояло это показание, так и остается неизвестным, ибо оно никак не зафиксировано.

На этом примере в особенности ясно отсутствие какого бы то ни было законодательного регулирования вопросов, связанных с использованием новыми доказательствами в кассационной стадии процесса.

Весьма значительное распространение за последние годы получило производство в кассационной стадии процесса новых экспертиз, касающихся самых разнообразных вопросов и самой разнообразной тематики.

Так, приговором одного из главсудов 8 человек было осуждено по закону 7/VIII и несколько человек по ст. 111 и 109 УК. Предметом уголовного дела было обвинение в хищениях на десятки тысяч рублей. Обвинение было построено в основе своей на ревизионном акте, не проверенном на месте никакой судебной следственной экспертизой.

Кассационная коллегия Верховного суда усумнилась в правильности этого ревизионного акта, обратилась к бухгалтеру-эксперту для дачи заключения по этому ревизионному акту, т. е. сделала то, что должен был сделать суд первой инстанции.

Основной вопрос, поставленный экспертизе, был сформулирован так: «Насколько по существу и содержанию своему акт от 10/VI 1932 г. правилен, а цифровые данные подтверждены соответствующими документами и может ли этот акт служить неопровержимым доказательством в данном судебном деле».

Далее следовали 4 вопроса, касающиеся выяснения обстоятельств, связанных с отдельными обвинениями, эпизодами и подсудимыми.

На первый и основной вопрос эксперт ответил так: «При тщательном изучении документации, имеющейся в 3 томах дела по обвинению Запонова, Гафарова и др., не было установлено подлинной документации, служившей исходной базой для составления акта от 10/VI. Самый акт, фигурирующий в деле как наиболее уличающий документ, имеющий актуальное значение для всех почти обвиняемых, не является с точки зрения бухгалтера-эксперта неопровержимым доказательным документом, так как таковой никем не подписан, не является копией с оригинала, так как об этом нет указания на этом акте, и если даже принять его за копию, никем не заверен и печатью не скреплен. В цифровых данных, имеющих важное значение, при перепечатке могли произойти ошибки, искажающие действительное положение вещей, а отсюда, следовательно, ценность этого документа становится незначительной». Далее идет подтверждение этого вывода эксперта цифровыми рассуждениями и бухгалтерскими сопоставлениями. «В заключение по первому вопросу суда экспертиза считает, что акт от 10/VI 1932 г. не является доказательным — имеющиеся цифровые данные ничем не подтверждены и страдают многими неясностями, которые могли привести суд к неправильным выводам».

После этого идет бухгалтерская проверка материалов ревизионного акта по лицам и эпизодам.

В конечном итоге эксперт высказал, что считает необходимым произвести перепроверку всех цифровых данных, установив на месте по подлинным документам действительный ущерб, нанесенный приводемими выше лицами, предварительно очень критически отнесясь к методам учета и отчетности, существовавшим в магазине № 1 Продообъединения Башсоюз и к лицам, составлявшим акт.

После получения этого заключения дело дважды рассматривалось в заседаниях кассационной коллегии и последовательный ход этого дела весьма интересен для выяснения методов пользования новыми доказательствами в кассационном процессе.

При первом слушании было вынесено компромиссное решение, которое никого не удовлетворило — ни прокуратуру, настаивавшую на утверждении приговора, ни обвиняемых, требовавших отмены приговора и доследования дела.

Кассационная коллегия по основному вопросу вынесла следующее решение: «Дело в части установления суммы растраты недостаточно исследовано. Ревизионный акт от 10/VI 1932 г., положенный в обоснование приговора не только по формальным основаниям, но и по существу содержит ряд дефектов и согласно заключению эксперта бухгалтера Горбунова бесспорным доказательством по делу служить не может. При таком положении дела и поскольку действия осужденных относятся к концу 1931 г. и началу 1932 г. и прямых хищений по делу не установлено, применение закона от 7/VIII 1932 г. к данному делу является неправильным».

Поэтому кассационная коллегия заменила применение закона 7/VIII применением ст. 109, назначив максимальную репрессию по ст. 109 и сославшись при этом на то, что «материала-

и дела установлено, что в работе магазина и азисного склада отсутствовал точный учет товаров по отделам магазина, вследствие чего в одних отделах установлена недостача, в других — излишек, что давало возможность злоупотреблять и за что должны быть ответственными заведующий магазином Гафаров. Кроме того, в его действиях и действиях других привлеченных по делу лиц рядом свидетельских показаний установлены отдельные случаи злоупотреблений, самоснабжение и пьянство, что должно быть квалифицировано по ст. 109 УК».

На это решение кассационной коллегии последовали жалобы обвиняемых на имя председателя Верховного суда и протест Прокуратуры, которая настаивала на утверждении приговора, считая, что акт экспертизы не является для этого противопоказанием и что нет оснований не придавать закону 7/VIII обратную силу. В самом конце протеста была высказана совершенно правильная мысль: «Сомнение, высказанное коллегией в отношении ряда фактов, изложенных в приговоре, обязывает к проверке действия совершенных обвиняемыми, а не к изменению квалификации». А после этого, как это ни странно, следовала просьба об утверждении приговора.

Постановлением президиума Верховного суда определение кассационной коллегии было отменено и дело было вновь передано в кассационную коллегию.

Новым определением приговор суда отменен и дело передано для повторного рассмотрения со стадии предварительного следствия. При этом в основу второго кассационного определения положена целиком и полностью произведенная в ходе кассационного процесса экспертиза: «Положенный в обоснование приговора акт ревизии от 10/VI 1932 г. при тщательной проверке Кассколлегией Верховного суда путем экспертизы бухгалтером Горбуновым признан дефектным по форме и по существу. Предварительное следствие и суд должны были истребовать подлинный акт или заверенную копию». Далее суд приводит отдельные указания эксперта на ряд дефектов ревизионного акта, после чего определение указывает, что «при таком положении дела невыясненным остался основной вопрос, являлись ли действия Гафарова, Байкова и Халимова корыстными или в их действиях есть наличие только халатного отношения к своим обязанностям» (№ 22-093 за 1932 г.).

Один из областных судов рассматривал дело по обвинению Борисова и др. по обвинению в хищениях утиля. Обвинение было признано доказанным по закону 7/VIII, причем в основе обвинения лежала произведенная при рассмотрении дела экспертиза по вопросу о проценте угара при обработке льняной пакли.

Экспертиза эта вызвала сомнения у кассационной коллегии и по ее распоряжению в Союзутиле была произведена дополнительная экспертиза, пришедшая к иным выводам, чем экспертиза в первой инстанции. В кассационном решении значится следующее: «Принимая во внимание, что положенный в обоснование приговора акт комиссии от 17/IX 1932 г. определяет процент угара при перетряске пакли в 42% по Санковской базе за период времени с 1/IX 1931 г. по 16/IX 1932 г. при проверке в кассационной коллегии экспертом-специалистом признан не отражающим действительности, так

как отходы пакли могли быть до 64%. Таким образом приписываемое обвинение осужденным в умышленном повышении процента угара является необоснованным, вследствие чего является необоснованным общая сумма разбазаривания средств. Материалами дела установлено в действиях осужденных лишь разбазаривание дифтоваров, отпущаемых на стимулирование утильзаготовок, но имея в виду, что это имело место до 7/VIII, что по характеру совершенных действий нет оснований для придания обратной силы закону». А потому обвинение переквалифицировано по ст. 109 с понижением репрессии до 10 лет лишения свободы (№ 2570 за 1933 г.).

Если в первом из приведенных случаев в первой инстанции не было произведено вовсе экспертизы, а таковая была произведена впервые в кассационной стадии процесса, то во второй стадии кассационная инстанция организовала новую экспертизу для проверки экспертизы, уже однажды произведенной в первой инстанции.

Приговором одного из краевых судов г. Пивкина был осужден по ст. 58^а УК по обвинению его в убийстве уполномоченного райисполкома Литвинова. Приговор дает подробное описание классово-борьбы в той деревне, в которой убийство было совершено. Значительная часть косвенных улик и соображений, положенных в основу приговора, относится именно к этой области аргументов.

Основной уликой фактического свойства считалось следующее обстоятельство, так как оно изложено в приговоре.

Литвинов был убит у себя в комнате выстрелом из ружья в то время, как он читал книгу. На месте совершения преступления обнаружены обрывки пыжа с печатным текстом на мордовском языке. На книжке, которую читал Литвинов, также оказался залитый кровью клочок пыжа с печатными буквами на мордовском языке. При обыске у обвиняемого Пивкина найдена детская школьная книга — учебник на мордовском языке «Лисьма Пря» с оторванными листами, начиная от 21 страницы.

Была произведена экспертиза, которая сличала обрывки пыжа, обнаруженные на месте убийства и на книжке, залитой кровью, с книжкой отобранной у Пивкина по размеру и расположению букв, по набору их, по качеству бумаги, по расположению строк и даже по содержанию отрывков слов и пришла к заключению, что обрывки пыжа, обнаруженные на месте убийства, принадлежат книжке, обнаруженной у Пивкина. Так появилась очень серьезная улика фактического свойства.

Кассатор в своей жалобе дал очень убедительную критику экспертизы, произведенной при рассмотрении дела по существу и настаивал на том, что необходимо произвести дополнительную экспертизу.

Экспертиза, имевшаяся в деле, вызвала сомнения и у Верховного суда, который придал весьма большое значение правильному разрешению тех вопросов, которые были предметом экспертизы. Для разрешения своих сомнений Верховный суд решил произвести экспертизу в ходе самого кассационного процесса. Через Прокуратуру при Верховном суде было направлено требование о производстве экспертизы в Главное управление милиции и уголовного розыска при Совнаркомке.

Вопрос был сформулирован так: «для выяснения тождественности по тем или иным признакам пыжа с недостающей частью страниц книги, изъятой у обвиняемого гр-на Пивкина». К запросу было приложено подлинное судебное дело и вещественные доказательства.

В Главном управлении милиции и уголовного розыска было произведено надлежащее исследование и составлен подробный экспертный акт. Экспертиза эта произвела следующую работу. Она сверила обрывки пыжа со всеми страницами той книжки, которая была найдена у Пивкина. Но так как в экземпляре Пивкина не хватало некоторых страниц, в отношении которых и предполагалось, что они соответствуют обрывкам пыжа, то Главное управление достало другой экземпляр той же книжки и по этому полному экземпляру произвело сличение обрывка со страницами книги. Это сличение привело к выводу о том, что обрывки пыжа не совпадают ни с /одной страницей этой книги. Тогда была проделана дальнейшая работа. Были осмотрены различные другие книги на мордовском языке, имевшиеся в библиотеке Главного управления и обнаружено, что обрывки пыжа совпадают с некоторыми страницами из совсем другой книги, которой среди отобранных у Пивкина не было. Поэтому эксперты из Главного управления признали, что экспертиза, произведенная при расследовании дела следователем и положенная в основание приговора, неправильна.

Эту же точку зрения принял и Верховный суд, который вынес следующее весьма подробно мотивированное определение: «Кассационная коллегия находит приговор краевого суда неправильным и подлежащим отмене по следующим соображениям. Крайсуд обосновал свой приговор главным образом на заключении эксперта, давшего заключение о том, что пыжи, обнаруженные на месте совершения преступления, относятся к книге с оторванными страницами, отобранной при обыске у осужденного Пивкина. Правильность этой экспертизы вызвала у кассколлегии сомнение, вследствие чего кассколлегия, отложив дело, направила пыжи и книги, отобранные у осужденного, для производства дополнительной экспертизы, актом которой от 15/IV 1932 г. за № 11—146 заключение и исследование обрывков пыжа эксперта школьного инспектора Чикашева признано неправильным и в частности указано на то, что обрывки пыжа соответствуют стр. 47 книги «Учувадов—колхозник букварь...», а не книги, как указано в протоколе экспертизы «Лисьма Пря». Поскольку экспертизой Главного управления милиции и уголовного розыска с несомненной опровергнутой все основные улики, на которых обоснован приговор суда в отношении осужденного Пивкина, — кассколлегия, имея в виду характер настоящего конкретного дела, отменив приговор, находит необходимым передать дело для производства дополнительного расследования, предложив крайсуду поручить расследование более квалифицированному следователю из состава краевых работников».

Акт экспертизы, произведенной в ходе кассационного процесса, приобщен Верховным судом к делу и направлен вместе с последним органам, которые должны производить дополнительное расследование (№ 2406 за 1932 г.).

По одному из процессов, слушавшихся в городском суде, обвиняемые были осуждены по

обвинению в изготовлении на красочном заводе недоброкачественной типографской краски. Дефекты краски обнаружались при печатании тиража газеты в типографии. Произведенная при слушании дела по существу экспертиза высказалась в том смысле, что дефекты, обнаружившиеся при печатании тиража, обусловлены различными отступлениями от правильных методов изготовления краски.

Кассационная коллегия, усумнившись в правильности этой экспертизы, распорядилась о производстве новой экспертизы, которая дала заключение, совершенно противоположное первой экспертизе. Положив эту новую экспертизу в основу своего определения и с прямой ссылкой на нее, Кассационная коллегия указала, что считает опровергнутой экспертизу, произведенную при слушании дела по существу и что имеются основания признать, что дефекты, обнаружившиеся при печатании тиража газеты, зависели не от неправильностей изготовления краски, а от неправильностей ее хранения в самой типографии. Поэтому Кассационная коллегия отвергла обвинение в изготовлении недоброкачественной краски и применила к обвиняемым по другим признакам ст. 111 УК.

По протесту Прокуратуры Союза дело перешло в президиум Верховного Суда РСФСР, который с точки зрения изучаемой нами проблемы принял очень существенное решение: «При наличии противоречивых экспертиз, Кассационная коллегия Верховсуда должна была передать дело на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия для выявления конкретных лиц, виновных в нанесении крупного ущерба газете...»

В первом из приведенных выше случаев под влиянием экспертизы, произведенной в кассационной стадии процесса, приговор суда первой инстанции был сначала изменен и лишь потом отменен. В остальных случаях экспертиза привела лишь к изменению приговора.

Последнее дело интересно в особенности вследствие указания президиума Верховного суда о том, что если имеются две разноречивые экспертизы—одна, произведенная при слушании дела по существу, в первой инстанции, и другая, произведенная в кассационной стадии процесса, то, стоя перед таким разноречием, кассационная инстанция должна отменить приговор и направить дело для нового рассмотрения или расследования, а не изменять его, исходя из того, что первая экспертиза опровергнута второй экспертизой. Это указание является с процессуальной стороны совершенно правильным. В нем имеется правильный и точный процессуальный смысл. Этот же принцип следовало бы обобщить и, отнеся его не только к экспертизе, но и ко всем новым доказательствам, впервые появляющимся лишь в кассационном процессе, признать, что при разноречии по существенным моментам доказательств, имевшихся с одной стороны, в первой инстанции и, с другой стороны—доказательств, появившихся в кассационной инстанции, следует всегда идти по линии отмены приговора, а не его изменения.

В заключение мы хотим отметить особый случай, который стоит в ряду с приведенными выше делами мы встречались с экспертизами, которые производились кассационным судом или по собственной инициативе или по ходатайству кассаторов. Но практика

знает, случаи, когда кассационный суд вместо того, чтобы назначить производство экспертизы, довольствовался экспертизой, произведенной вне судебного аппарата, вне судебного руководства и представленной в письменном виде в опровержение приговора.

Из дела Верховного суда № 82141 за 1934 г. видно, что в один из краевых судов, рассматривавших в кассационном порядке дело о полодке сельскохозяйственных машин был представлен письменный акт экспертизы, составленный техником-экспертом по предложению сельсовета.

Экспертиза эта была для подсудимого благоприятна и опровергала предъявленное ему обвинение, по которому он был осужден по закону 7/VIII; этот акт экспертизы был составлен после вынесения приговора народным судом, рассматривавшим дело в первой инстанции и впервые представлен краевому суду, который приговор народного суда утвердил. Верховный суд, в который дело перешло в порядке надзора, на основании этого акта экспертизы пришел к выводу о том, что обвинение должно считаться опровергнутым, отменил приговор и прекратил дело.

Таким образом техническая экспертиза, произведенная после вынесения приговора и помимо судебных органов, принята при кассационной и надзорной проверке приговора и положена в основу опровержения приговора по существу без проверки ее посредством судебной экспертизы.

По одному из дел Кассационная коллегия усумнилась в возрасте осужденного. От возраста зависела мера репрессии. Поэтому она просила Прокуратуру собрать на месте документальные данные о возрасте осужденного, а при невозможности получения таковых произвести определение возраста осужденного посредством экспертизы. Кассационной коллегии были представлены письменные заключения экспертов, составленные по поручению прокуратуры по месту содержания осужденного под стражей (№ 22398 за 1931 г.). Таков еще один вариант производства экспертизы в кассационной стадии процесса.

Как видно из всех приведенных выше примеров, процессуальная методика новых экспертиз, производимых в кассационной стадии процесса, совершенно не разработана и в достаточной мере случайна. Из подлинных судебных дел видно, что кассационный суд имеет дело лишь с письменной экспертизой. Нам неизвестно ни одного случая, когда бы эксперты были вызваны в кассационное заседание для устного допроса. С процессуально-принципиальной точки зрения к этому нет никаких препятствий, если вообще новая экспертиза в кассационной стадии возможна. Нет таких аргументов, которые могли бы привести к решению о невозможности письменной экспертизы и невозможности устного допроса экспертов в пояснение их письменного заключения.

В тех случаях, когда новая экспертиза назначается по инициативе самого кассационного суда, интересно выяснить, сообщается ли об этом кассатору для того, чтобы он со своей стороны мог поставить вопросы или представить свои материалы, если о предстоящей экспертизе кассатору не сообщается, то должно ли сообщаться ему об уже произведенной экспертизе и дается ли она ему для ознакомления.

Все это вопросы, точно не поставленные в судебной практике, а потому как следует и не разрешенные. А поставить их и так или иначе разрешить — необходимо.

Кроме одного указания по конкретному делу со стороны президиума Верховного суда принципиально и в обобщенной форме не установлено, может ли повторная экспертиза вести лишь к отмене приговора или также и к его изменению. Вопросов подобных немало. Часть их относится только к новой экспертизе, производимой в кассационной инстанции, другая часть — вообще к новым доказательствам, являющимся в кассационном процессе.

**

Проект УПК СССР — вслед за действующим законодательством — также не дает никаких указаний ни по вопросу о праве кассационного суда на проверку доказательственного материала, имевшегося в распоряжении суда первой инстанции, ни по вопросу об использовании новых доказательств в кассационной инстанции.

Законодательное разрешение всех этих проблем между тем совершенно необходимо.

Можно указать и на ряд отдельных вопросов, требующих такого разрешения.

Тема о новых доказательствах в кассационном процессе не ограничивается вопросом о праве сторон на представление этих доказательств и вопросом о праве кассационного суда на принятие их. Если вопрос о возможности рассмотрения кассационным судом новых доказательств решается положительно, то тем самым ставится полностью вопрос о праве кассационного суда на истребование тех или иных доказательств, и по собственной инициативе кассационный суд в этом случае так же мало может быть связан инициативой стороны в представлении доказательств, как и суд первой инстанции. С этой точки зрения вопрос о праве кассационного суда на истребование новых доказательств превращается в его обязанность сделать это при наличии необходимых предпосылок.

Кроме права кассатора на представление новых доказательств при кассационной жалобе или дополнительно к ней, кроме права (эventуально обязанности) самой кассационной инстанции при соответствующих предпосылках по своей инициативе включить в кассационный процесс новые доказательства (т. е. затребовать новые документы, вызвать новых свидетелей или для передопроса свидетелей, уже допрошенных в первой инстанции, назначить новую экспертизу для проверки экспертизы, уже произведенной в первой инстанции, или для заключения по вопросам, которые экспертизе ни на предварительном, ни на судебном следствии не подвергались) — на тех же основаниях должен быть разрешен и вопрос о праве кассатора ходатайствовать перед кассационным судом об истребовании доказательств, например, документов, которые сам кассатор не в состоянии представить, о вызове свидетелей, о назначении экспертизы и т. д.

Все эти вопросы ставятся одинаково безотносительно к тому, находится ли перед кассационным судом жалоба осужденного или протест прокурора.

Наконец, если кассатор имеет право на представление новых доказательств в кассационную инстанцию, то возникает естественный вопрос о праве противоположной стороны на предста-

вление и истребование доказательств в опровержение доказательств, представленных кассатором.

Решение вопросов, связанных с новыми доказательствами в кассационной инстанции, самым тесным образом связано с общей и основной проблемой о правовой природе советской кассации, т. е. об ее предмете и пределах, ее целях и задачах.

Имея в виду обратиться в одном из следующих очерков непосредственно и вплотную именно к этой основной проблеме советского кассационного процесса, мы естественно должны воздержаться от того, чтобы теперь же приступить к формулированию своих практических предложений.

Но один из основных своих выводов мы готовы и в настоящее время высказать, ибо в нем заключается и общее требование, которое с точки зрения автора следовало бы предъявить кассационному процессу.

Поскольку в кассационном процессе должна быть сохранена функция проверки правильно-

сти и полноты проведенного следствия, постольку за кассационным судом неминуемо должно быть сохранено право проверки количественной достаточности и качественной доброкачественности доказательственного материала. С этой точки зрения нет никакой надобности ограничивать кассационную инстанцию в пользовании новыми доказательствами, но при одном непременном условии: **существенное новое доказательство, способное изменить выводы суда первой инстанции, должно влечь за собой отмену приговора и направление дела для нового рассмотрения, а не его изменение кассационным судом.**

Это повысит сознание ответственности судей первой инстанции за выносимые ими приговоры и тем самым будет содействовать поднятию качества работы судов, рассматривающих дела по существу.

Самая же процедура пользования новыми доказательствами в кассационной стадии процесса должна быть хотя бы в самых общих чертах регламентирована законодательным путем.

И. КРАСТИН

Всесоюзная правовая академия

Всесоюзная правовая академия и Высшие академические курсы при ней (ВАК) были организованы на основании постановления правительства от 5/III 1935 г.

Согласно уставу, Академия и ВАК являются высшим учебным заведением по усовершенствованию знаний руководящих работников суда, прокуратуры, госарбитража и правовых частей хозяйственных и советских учреждений.

Срок обучения для Академии определен в 2 года, для ВАК — 1 год.

Контингент учащихся на 1935 г. указанным постановлением был установлен в 250 чел. (Академия — 150 чел., ВАК — 100 чел.).

Несмотря на то, что значение переподготовки кадров достаточно разъяснено партийными и советскими директивами, набор слушателей в Академию прошел далеко не гладко.

Руководству вновь организованной Академии и приемной комиссии пришлось проявить большую настойчивость для преодоления местнических тенденций отдельных органов юстиции.

На словах соглашаясь с необходимостью переподготовки ответственных оперативных работников, более 60% которых, как известно, не имеют специального образования, многие организации сделали действительно все, чтобы по возможности не отпускать на учебу нужных им работников.

Приемной комиссией были зарегистрированы случаи направления в Академию лиц, явно не соответствующих условиям приема.

Бывало и так, что товарищи, выделенные в счет разверстки, уже выдержавшие приемные испытания и зачисленные в Академию или на ВАК, несмотря на неоднократные наши обращения, не были отпущены с работы (член суда Молдавской АССР Караулов и др.).

Иногда «борьба за кадры» принимала явно недопустимый характер: ст. нарсудья т. Козлов (Северный край) был выделен в счет разверстки на ВАК. Когда т. Козлов, успешно выдержавший испытания, уже приступил к учебе, предкрайсуда т. Скалин сообщил, что т. Козлов за халатность, граничащую с злоупотреблением, и др. преступления, отстраняется от должности и отзывается с курсов с преданием суду. На этом основании т. Козлов был исключен из состава слушателей ВАК. Через некоторое время мы узнали, что «преступный» т. Козлов преспокойно работает в том же крае, в той же должности ст. нарсудья.

В результате подобного отношения к партийным директивам о всей важности овладения техникой, разверстка набора была выполнена на 63%.

Когда стало ясным, что все сроки присылки в счет разверстки кандидатов с мест пропущены и набор срывается, руководство Академии было вынуждено допустить прием по личным заявлениям.

Только в результате столь экстренных мероприятий удалось довести количество зачисленных в Академию и на ВАК до 240 чел.

Большие трудности пришлось преодолеть и в деле обеспечения Академии необходимыми помещениями как для учебных занятий, так и для общежития; этот вопрос не урегулирован сколько-нибудь удовлетворительно и до сих пор.

Так или иначе все же занятия в Академии и на ВАК начались в срок.

Что представляют собой слушатели Академии?

Все они — члены партии (кроме трех кандидатов в члены ВКП(б)).

Вполне удовлетворителен и социальный состав:

По социоложению: рабочих—29,2%, крестьян—0,8%, служащих—70%.

По соципроисхождению: рабочих — 35%, крестьян — 49,1%, служащих — 7,1%, прочих — 8,8%. Женщин—16%. По возрасту: до 35 лет — 61,7%, старше — 38,3%.

Значительно хуже обстоит дело с общеобразовательной подготовкой: нач. школа—42%, неполная средняя школа—22,3%, средняя—1,4%, различные курсы и самообразование—24,3%, техникумы, рабфаки и ФЗУ—6,8%.

Положение усугублялось тем, что многое из полученных когда-то знаний было за истекшие годы основательно забыто.

Сравнение данных о настоящем составе Академии и ВАК с материалами о кадрах соответствующих категорий работников юстиции по Союзу в целом подтверждает, что наш состав является по своим показателям вполне удовлетворительным, соответствующим среднему уровню работников, обслуживающих которых имеет своей задачей вновь организованная Академия.

Руководство Академии не могло игнорировать выявленную при приемных испытаниях (к сожалению слишком поздно) слабость общеобразовательной подготовки у большинства слушателей, не только и даже не столько потому, что это необходимо для успешного усвоения курса, а прежде всего из убеждения, что малограмотный прокурор или судья для нашей эпохи, нашей страны, при повышенных требованиях к органам юстиции со стороны широких масс трудящихся, — явление абсолютно нетерпимое.

Но преодоление этого неожиданного препятствия потребовало от руководства Академии больших жертв, так как в учебный план общеобразовательные предметы первоначально включены не были.

По тщательному обсуждению этого вопроса, 10% учебного плана были выделены на занятия по русскому языку, математике и географии.

Это же обстоятельство значительно увеличило и загрузку слушателей, особенно наиболее слабо подготовленных, так как они должны были в короткий срок восстановить в памяти, а частично и заново усвоить, довольно большую (хотя и совершенно необходимую) сумму общеобразовательных знаний.

Как организован учебный процесс?

Академия состоит из трех факультетов: военно-транспортного, судебно-прокурорского и хозяйственно-правового, с примерно одинаковым количеством слушателей.

Судебно-прокурорский факультет имеет задачей переподготовку низового звена судебных и прокурорских работников для работы в крайсудах и прокуратурах.

Военно-транспортный факультет с двумя отделениями — военным и транспортным готовит ответственных работников для военных трибуналов и транспортных судов и прокуратур.

Хозяйственно-правовой факультет готовит ответственных работников для госарбитража и специалистов по вопросам гражданского права для прокуратуры и суда.

Высшие академические курсы (ВАК) имеют задачей переподготовку среднего звена судебных и прокурорских работников для замещения руководящих должностей в краевых судах и прокуратурах.

Школьные занятия (30 часов в шестидневку) распределены приблизительно поровну между лекциями и семинарами.

Для семинарских занятий слушатели Академии и ВАК разбиты на 10 групп. Это количество явно недостаточно, так как на одну группу приходится до 28 чел. Естественно, что при таком составе группы преподаватель лишен возможности изучить каждого слушателя, а руководство Академии — распределить слушателей в соответствии с уровнем подготовки и развития, что очень отражается на эффективности семинаров.

Организация большего количества групп упирается в единственное, но зато пока непреодолимое, препятствие — недостаток помещений.

Академическая успеваемость слушателей вполне удовлетворительна: отличных и хороших оценок — 47,7% общего количества. Необходимо отметить, что общая нагрузка на слушателя (с работой на дому) очень высока—10—11 часов в день, не редки случаи, когда слушатели занимаются целыми ночами, что, конечно, резко отражается на их здоровье, и без того у большинства сильно потрепанном многими годами напряженной оперативной работы. Большинство студентов не умеют организовать свое рабочее время, нами же пока сделано очень мало, чтобы научить их этой организации.

В настоящее время учебной частью проводится большая работа по пересмотру программ и списков рекомендуемой для домашней проработки литературы, чтобы снизить учебную нагрузку до возможных, без ущерба для усвоения программы, пределов.

Параллельно принимаются меры и к упорядочению работы семинаров, в отношении которых имеются жалобы, что вместо углубленной проработки они превращаются в пережевывание лекций.

Семинары должны иметь целью углубленную проработку узловых вопросов, изложенных в лекциях.

Метод такой проработки должен меняться в зависимости от состава группы. Иногда это должна быть развернутая беседа, при более подготовленном составе — обсуждение небольших докладов слушателей.

Во всяком случае недопустимо превращать семинары в скучное повторение лекционного материала или в классное занятие средней школы.

Отдельные преподаватели несомненно грешат и тем, что не критически переносят в Академию вузовские методы работы, не учитывая специфики нашего слушателя и крайне сжатых сроков учебы.

Было бы неправильно сделать отсюда вывод о том, что наша профессура не стоит на должной высоте.

Руководству Академии удалось привлечь наиболее квалифицированные преподавательские кадры по специальным предметам и обеспечить крепкими, знающими свое дело педагогами остальные кафедры.

Достаточно сказать, что кафедрами руководят такие знатоки права, как тт. Вышинский, Крыленко, Берман и др., читают лекции профессора Строгович, Булатов, Волков и др. Всего принимают участие в работе Академии 22 профессора, 17 доцентов и 12 преподавателей.

Чрезмерная нагрузка преподавателей, работающих по совместительству, обуславливает и

отдельные нарушения твердого расписания занятий, необходимость экстренной замены одних лекций и семинаров другими, что вызывает законное недовольство слушателей.

Бывают и случаи нарушения дисциплины учащихся — пропуски и опоздания по неуважительным причинам, но отнюдь не систематически, а как отдельные исключения, на которые впрочем и администрация и общественность своевременно реагируют.

Как правило, отношение слушателей к учебе в высокой степени сознательное, чего, конечно, и надо было ожидать от данного состава.

Неизмеримо вреднее отражается на учебе «уклон» в противоположную, если так можно выразиться, сторону, когда студенты буквально обессиливают себя, отдавая занятиям слишком много времени в явный ущерб здоровью. За истекшее время двое уже вынуждены оставить учебу по болезни, некоторые стоят перед этой же угрозой.

Очень осложняет учебу еще одно обстоятельство — острый недостаток учебных пособий, в силу чего некоторые товарищи могут пользоваться необходимой книгой только урывками, в поздние часы дня.

Учебной частью принимаются все возможные меры для пополнения библиотеки, полученной Академией от Высших юридических курсов, ликвидированных в связи с ее организацией. За 4 месяца нашей работы эта библиотека увеличилась вдвое, но беда в том, что некоторые учебники уже давно не переиздавались и могут быть приобретены только случайно, в небольшом количестве экземпляров. Еще хуже обстоит дело с такими курсами, как, например, «Учение о государстве и праве», по которому вообще нет учебников.

Большая работа проделана по организации кабинетов. Приобретено много ценных пособий и экспонатов для криминалистической лаборатории.

Первый организационный период работы вновь созданной Академии в основном закончен. Мы твердо перешли на следующую более высокую ступень — решительной борьбы за качество нашей работы.

Наряду с дальнейшей рационализацией основных элементов учебы — лекций, семинаров и самостоятельной работы учащихся — план работы Академии и ВАК особо подчеркивает необходимость установить еще более тесную связь учебных занятий с последними новинками в области развития правовой теории и особенно с практикой судебно-прокурорской работы.

Руководство Академии ясно отдает себе отчет, что слушатели пришли с практической работы

и через один-два года вернуться обратно, и, что именно поэтому особенно недопустимо, чтобы наша живая, творческая действительность обтекала их, как вода лежачий камень.

Слушатели и в первую очередь слушатели ВАК должны быть выпущены с такой подготовкой, чтобы быть в состоянии сразу же твердой рукой взяться за руль учреждения, которым они будут руководить, а не тратить месяцы на то, чтобы наладить оборвавшиеся за год учебы связи с оперативной работой.

Поэтому в план работы включены:

1. Ряд научных докладов наших руководителей и высококвалифицированных специалистов: т. Вышинский — «О пересмотре УПК», т. Крыленко: «О проекте нового УК», т. Пашуканис: «Проект новой Конституции СССР» и т. п.

2. Специальные циклы лекций и эпизодические доклады по отдельным вопросам права: т. Вышинский — «Вопросы революционной законности», т. Крыленко: «История советской уголовной политики», т. Антонов-Саратовский — «Борьба с детской преступностью», т. Солец: «О бытовых преступлениях» и т. д.

3. Систематическое освещение новейших директив и практики Верховного и Прокуратуры СССР, Главарибтриажа, НКЮ РСФСР. Сообщения будут делать ответственные работники суда, прокуратуры и арбитража (т. Рейхель, Тадевосян, Галунский и др.).

4. Отдельные лекции и доклады по вопросам политики, экономики, литературы, искусства.

Учитывая опыт первого набора, руководство заблаговременно приступило к подготовке предстоящего набора 1936 г. Академия будет настойчиво добиваться своевременного выделения заинтересованными организациями кандидатов, удовлетворяющих всем условиям приема, и явки их к началу занятий без малейшего опоздания. Для товарищей, недостаточно подготовленных по общеобразовательным предметам, на местах будут организованы занятия по специальным программам, разработанным учебной частью, в объеме которых они затем пройдут испытания при приемной комиссии Академии.

Основные задачи текущего года следующие: дальнейшее упорядочение учебной работы, проведение нового набора в Академию и ВАК и размещение увеличивающегося на 150 чел. состава слушателей.

Мы уверены, что задачи эти будут выполнены успешно.

Всесоюзная правовая академия должна быть и будет лучшей в Союзе кузницей правовых кадров.

О работе подготовительных заседаний

Еще первое Всесоюзное совещание работников юстиции подчеркнуло большое значение судебных подготовительных заседаний. В настоящее время значение подготовительных заседаний еще более возросло.

Возрастающее значение подготовительных заседаний требует, чтобы надзор за деятельностью их и участие в них прокуроров стали одной из обязательных и существенных частей всего судебного надзора и всей судебной работы прокуратуры. Функции, возлагаемые на прокуроров в отношении подготовительных заседаний, в достаточной мере ответственны и серьезны. На прокурора возлагается, прежде всего, доклад дел в подготовительных заседаниях.

По вопросу о том, кто должен докладывать дела на подготовительных заседаниях (прокурор или судья) были противоречивые взгляды и точки зрения. Постановлением пленума Верховного Суда СССР вопрос был разрешен в полном соответствии с требованиями Прокуратуры Союза таким образом, что обязанность докладывать дела на подготовительных заседаниях лежит на прокуроре.

Эту обязанность прокуроры должны осуществлять на практике. Выступая в подготовительных заседаниях, прокурор сочетает в своем лице обычные функции советского прокурора — функции государственного обвинителя, с одной стороны, и органа, осуществляющего строжайший надзор за ревзаконностью, с другой.

Доклад прокурора в подготовительных заседаниях — это прежде всего доклад государственного обвинителя, лица, возбудившего «уголовный иск» и настаивавшего на его удовлетворении в смысле дальнейшего направления. Это в первую очередь относится к тем делам, предварительное расследование по которым проводилось под непосредственным руководством прокурора, обвинительные заключения по которым он санкционировал. Естественно, что, утверждая обвинительное заключение, т. е. будучи убежденным в достаточности оснований для предания обвиняемых суду, прокурор эту точку зрения должен отстаивать и в подготовительном заседании. Поэтому прокурорский доклад в подготовительных заседаниях, как правило, не мыслится как академический и бесстрастный доклад, лишенный определенных обвинительных выводов.

Но вместе с тем, не говоря уже о делах, которые идут в подготовительные заседания, минуя прокурора, и за расследованием которых он фактически по тем или иным причинам не наблюдал, — даже по делам, которые сам прокурор направил в суд, возможны случаи, когда на подготовительном заседании выявляется ошибочность или недостаточная обоснованность результатов предварительного расследования и возникает необходимость направления дела на доследование или даже полное прекращение его.

Что же должен делать прокурор в подобных случаях?

Как блюститель революционной законности он обязан предупреждать необоснованное предание суду и, следовательно, не только не должен противодействовать исправлению в подготовительном заседании ошибок предварительного расследования, но, наоборот, должен быть инициатором такого исправления в тех случаях, когда оно действительно необходимо. Само собой разумеется, что надо приложить все усилия к тому, чтобы как можно реже возникала такая необходимость для прокурора. Каждый случай прекращения дела на подготовительном заседании или направление его к доследованию, если только это решение подготовительного заседания правильно, говорит о недоброкачественности предварительного расследования, ответственность за которое несет в первую голову прокурор.

Работа прокурора в судебных подготовительных заседаниях может и должна быть с большой эффективностью использована еще и для улучшения качества предварительного расследования и качества руководства предварительным расследованием. Вопросы и сомнения, которые отдельные следственные дела вызывают у судей в подготовительных заседаниях, те, подчас весьма существенные замечания, которые делаются на них по конкретным делам по поводу тех или иных дефектов расследования, имеют большое значение для улучшения следственной работы.

С другой стороны, зачастую наблюдаются случаи неправильных постановлений подготовительных заседаний, необоснованное возвращение дел к доследованию, неправильное прекращение и смазывание общественного и политического значения отдельных дел и предъявлений к органам расследования непродуманных и зачастую невыполнимых требований. Тут мы переходим к другой существенной функции прокуратуры в отношении подготовительных заседаний. В этих случаях прокурор обязан, во-первых, личным участием в подготовительных заседаниях предупреждать возможность подобного рода неправильных постановлений, а, во-вторых, если что не удается своевременно, протестовать и добиваться отмены и соответствующего исправления этих постановлений.

Далее, предположим, что тот или иной судья вообще игнорирует подготовительные заседания или проводит подготовительные заседания лишь формально. Должен ли прокурор пассивно относиться к такому положению вещей и считать, что тут его хата с краю? Такой подход был бы чиновничим. В надлежащей постановке работы подготовительных заседаний заинтересованы не только суд, но и прокурор, и прокурор обязан сигнализировать в вышестоящий суд о неблагоприятии в организации и практике работы подготовительных заседаний всякий раз, когда он сталкивается с подобного рода фактами.

Таковы в основных чертах функции и задачи прокуратуры по надзору за подготовительными заседаниями.

Как же обстоит на практике, судя по информационным материалам Верховного Суда РСФСР.

Фактически почти по всем указанным выше направлениям прокурорская работа в подготовительных заседаниях в очень многих районах явно недостаточна как количественно, так и качественно. В подготовительных заседаниях нарсулов прокуроры до сих пор являются крайне редкими гостями. Протесты на постановления подготовительных заседаний также пока единичны, и целый ряд неправильных формально и по существу постановлений подготовительных заседаний остается вне поля зрения и внимания прокуратуры, в лучшем случае вспоминают, когда дело находится в стадии судебного следствия со всеми вытекающими из этого запоздания последствиями.

В Золотухинском р-не Курской обл. новый нарсулов в течение нескольких дней в подготовительном заседании прекратил 49 дел и 72 направил в СОС, причем по значительной части дел единственным «основанием» этого рода постановлений были соображения разгрузки (!). Райпрокурор на подготовительных заседаниях не присутствовал и абсолютно ничем не реагировал на такую практику расправы с делами.

Плохо, в частности, обстоит дело с участием прокурора в подготовительных заседаниях по делам о несовершеннолетних. Участие это выразилось в Ленинградской обл. 50%, в Московской—47%, Саратовской—16%, АЧК—10%.

В Западной области из 28 подготовительных заседаний нарсулов по делам о несовершеннолетних прокурор присутствовал на одном. Не далее, как 27/IX 1935 г. през. Саратовского крайсуда по докладу о результатах обследования нарсуда Фрунзенского р-на вынес постановление: «поставить перед краевым прокурором вопрос о положении выискания на гор. прокурора тов. **Репина**, который совершенно не обеспечивает участия прокуратуры в подготовительных заседаниях». В частности тот факт, что райпрокуроры, как правило, в подготовительных заседаниях не участвуют, отмечен в директивном письме Прокуратуры РСФСР в августе с. г. за № 90 на основе обследования ряда прокуратур примыкающих к Москве районов.

Недостаточное участие прокуроров в подготовительных заседаниях отмечает и президиум Удмуртского главсуда в постановлении от 24/X 1935 г.

С другой стороны, отдельные протесты на постановлениях заседаний не обоснованы и свидетельствуют об упорствовании в отстаивании явных ошибок предварительного расследования, в одних случаях, и о незнании дел — в других.

Так, например, по делу по обвинению гр. Сметова по закону 7/VIII 1932 г. подготовительное заседание Горьковского крайсуда 22/VI 1935 г. постановило: «обвинение переквалифицировать на ст. 109 и ч. 1 ст. 116 УК».

Прокурор на это постановление принес протест, настаивая на квалификации по закону 7/VIII. Этот протест был совершенно неоснователен ни по существу дела, ни формально. Сметову обвинение было предъявлено не по закону 7/VIII. Обвинительное заключение так же о законе 7/VIII ничего не говорило. Следовательно, в лучшем случае прокурор мог требовать направления дела к следованию, но не настаивать на непосредственной переквалификации в подготовительном заседании действий обвиняемого на закон 7/VIII.

Обращает на себя внимание крайняя несвоевременность принесения, а также и рассмотрение некоторых прокурорских протестов на постановления подготовительных заседаний.

По уголовному делу Свердловского горсуда по обвинению Степанова по ст. 109, 111 УК 3/II 1935 г. подготовительное заседание, учитывая, что общее положение на фабрике во время работы Степанова несколько улучшилось, постановило дело производством прекратить. Прокурор был несогласен с прекращением дела. Он принес протест, который в президиуме облсуда был рассмотрен только 13/X 1935 г., т. е. больше, чем 8 месяцев (!).

Ряд судов не вносит на подготовительные заседания те дела, которые согласно указаниям Верховного Суда, должны обязательно вноситься в подготовительные заседания.

Так, например, президиум Чечено-Ингушского облсуда 8/VIII с. г. отметил, что нарсулов 8 уч. дел в подготовительные заседания не вносит. Президиум Ивановского облсуда констатировал, что в Нагорьевском р-не подготовительные заседания проводятся нерегулярно.

Не менее серьезным недостатком в работе подготовительных заседаний в ряде судов продолжает оставаться недостаточно внимательная проверка материалов дел, в результате чего нередко подготовительные заседания вместо того, чтобы реально контролировать основательность предания суду, сводят свою роль к формальной механической штамповке подчас совершенно необоснованных материалов обвинения.

Наблюдаются также случаи нарушения подготовительными заседаниями пределов своих прав. Так, например, нарсулов Нагорьевского р-на, Ивановской области, одно дело, после того как оно было утверждено областным судом и мера наказания была дана — лишение свободы, по ходатайству общественных организаций вносит в подготовительное заседание, на котором, якобы, в связи с болезнью осужденного, заменяют лишение свободы и.т. р. Ясно, что в данном случае мы имеем грубое нарушение пределов полномочий подготовительных заседаний, извращение их функций, так как такие вопросы могут разрешаться только в порядке ст. 461 УПК.

Нельзя считать терпимым и то пренебрежительное отношение к оформлению протоколов подготовительных заседаний, которое еще имеет место в ряде судов, и в результате которого иногда даже нельзя понять из протокола, когда, кем и какое дело рассматривалось.

Практика двойной проверки обоснованности обвинений на подготовительном и на судебном заседаниях, казалось бы, должна была стимулировать прокурора к более тщательному и внимательному контролю при направлении законченных следствием дел в суд с обвинительным заключением. Между тем (и это можно проиллюстрировать на многих характерных примерах) мы до сих пор продолжаем сталкиваться с случаями легкомысленного направления дел в суд с случаями, свидетельствующими о штамповке обвинительных заключений следователей, невнимательном и безответственном просмотре дел.

Учитывая большое значение подготовительных заседаний и надзора за деятельностью их со стороны прокурора, необходимо добиться скорейшего устранения всех отмеченных выше недочетов. Было бы неправильно совершенно

игнорировать влияние таких моментов, как загрузка райпрокуроров, но все же не в этих объективных условиях основная причина указанных недочетов. Основная причина — это недооценка значения данного участка прокурорской работы. Некоторые же из так называемых объективных препятствий развертывания прокурорского надзора за деятельностью подготавливаемых заседаний вполне устранимы, в

частности, путем внесения большей плановости в работу судов и прокуроров, путем предварительного согласования с прокурорами календарного расписания подготовительных заседаний на тот или другой отрезок времени.

Подготовительные заседания могут и должны в этом отношении стать весьма не плохой школой.

Н. ЗОРЯ

За улучшение качества следственной работы

Давно уже стало общим местом то положение, что решающим звеном в работе прокурорско-судебного аппарата является предварительное расследование, продолжающее пока еще оставаться наиболее узким местом нашей работы. Однако отдельные работники и даже органы прокуратуры, усвоив это положение лишь внешне и не устая повторяя его в своих очередных докладах и циркулярах, в практической работе совершенно недостаточно борются за преодоление этого узкого места, объясняя свою неповоротливость недостатком полноценных кадров, технических возможностей и т. д. Это в значительной степени может быть отнесено и к Прокуратуре Туркменской ССР, которая не организовала борьбы за воспитание следственных кадров, свела фактически на-нет руководство ими и не знает работающих в следственном аппарате людей.

Между тем условия работы органов юстиции, и в частности следователей, в Туркмении, требуют от Прокуратуры Республики особого внимания к вопросам руководства.

Еще три года назад в органах юстиции Туркменской ССР распоряжались классовые враги. Буржуазные националисты Орашев, Непесов, Байрамов и Раджапов, тесно связанные с байско-феодалными элементами, захватив руководство Наркомюстом Туркменской ССР и используя политическую слепоту таких «прокуроров» как б. зам. прокурора Республики Кретов, пытались поставить органы юстиции на службу интересам баев, торговцев, б. эмирских чиновников и духовенства. Орашев, Непесов и КЧ систематически заменяли честных работников своими ставленниками, травили тех, кто выступал против них и устраняли из аппарата суда и прокуратуры всех мешавших им осуществлять буржуазно-националистическую политику.

Компартия и правительство советской Туркмении разгромили Байрамовых, Непесовых и их приспешников, а Верховный суд Союза ССР осудил их.

В борьбе против орашевищины и непесовщины были выдвинуты кадры судебно-прокурорских работников из среды дехан-колхозников и пролетариата Туркменской ССР, защищающие интересы широких колхозных и рабочих масс — действительных хозяев советской Туркмении. Вполне понятно, что деятельность контрреволюционеров-националистов усложнила борьбу

за кадры работников юстиции и в частности за кадры следователей в Туркменской ССР. Усложнялась и усложняется эта борьба так же своеобразными экономическими и географическими условиями Туркмении — этой бывшей колонии русского империализма, отдаленностью ряда районов от столицы республики и отдельных населенных пунктов от районных центров, недостатком средств передвижения и т. д.

Но именно в силу этих особых условий, учитывая их, необходимо поставить вопрос о том, как Прокуратура Туркменской республики борется за создание и выращивание следственных кадров, как она оберегает их, руководит ими, и вскрыть со всей решительностью все недостатки, имеющиеся в этой области.

Если взять официальные цифры, характеризующие следственные кадры Туркмении, которыми оперируют в Прокуратуре Республики, то внешне получается впечатление благополучия. Действительно из 55 следственных участков замещено 53. Нехватает всего лишь двух следователей до полного комплекта. 77% всех следователей говорят на туркменском языке, 50% следователей укомплектовано за счет местных национальностей. Имеются курсы по подготовке работников юстиции и т. д. Особого беспокойства эти цифры вызывать как будто не должны. Однако достаточно взглянуть на то, что скрывается за ними, чтобы от кажущегося благополучия не осталось и следа. Так, например, следаппарат, как было указано выше, укомплектован за счет местных национальностей на 50%, но туркменов-следователей насчитывается всего лишь 34% (остальные проценты идут за счет армян, казаков и других национальностей). 30% всех следователей имеет только низшее образование и какими то неведомыми судьбами в качестве следователя работает даже один — просто малограмотный. Партийная прослойка в следственном аппарате составляет всего лишь 10%, а по стажу работы среди следователей преобладают товарищи, работающие в органах юстиции не более 1 года (33%) и до 3 лет (34.5%).

Имея такой личный состав следователей, Прокуратура Туркменской ССР, наряду с подготовкой кадров на существующих юридических курсах, тем более должна была, во-первых, тщательно проверять каждого вновь посылаемого следователя и вести борьбу за правильную расстановку сил следственного аппарата и,

во-вторых, повседневно и продуманно руководить следователями, бороться за поднятие их квалификации и за то, чтобы следователи занимались следствием, а не превращались бы в помощника прокурора как это часто бывает в районах.

Проследим на конкретных примерах за тем, как Прокуратура Туркмении выполняла эти задачи. Комплектование следственного аппарата в Прокуратуре Туркменской ССР ведется недостаточно продуманно, от случая к случаю, без какого бы то ни было плана и очень часто при приеме нового следователя исходят не из того, как он будет и сможет вести расследование, а из перспективы приобретения лишнего работника в аппарате Прокуратуры.

Чтобы не обращаться за примерами далеко в районы, возьмем самое Прокуратуру Республики.

В Прокуратуре Республики в качестве ст. следователей уже в продолжении нескольких месяцев работают тт. Пеняков и Вазиков. Оба эти товарища не имеют опыта следственной работы и вообще никогда не работали в органах суда и прокуратуры. Тов. Пеняков, не имеющий специального юридического образования, до поступления в Прокуратуру Туркменской ССР работал в инспекции Туркменсауда (Туркменторга). Что же касается т. Вазикова, то хотя он и окончил несколько лет назад полугодовые юридические курсы, но до последнего времени работал в качестве преподавателя. Эти товарищи фактически непосредственно следственной работой незагружены (т. Вазиков, например, за 7 мес. не закончил ни одного следственного дела), а занимаются тем, что рассматривают почту отдела, истребованные в порядке надзора дела и т. д. Это, конечно, весьма незначительно увеличивает их квалификацию как следователей. Между тем общая подготовка этих товарищей такова, что при соответствующей работе с ними как со следователями можно было бы добиться неплохих результатов.

Неосмотрительность и недостаточная бдительность в подборе следственных кадров в отдельных случаях приводит к тому, что на работу в следственный аппарат Туркменской ССР попадают даже люди с уголовным прошлым.

Именно так обстояло дело со следователем Ашхабадской прокуратуры Султановым. В сентябре 1934 г. Вахаб Султанов был освобожден из Байкало-Амурского лагеря НКВД, в котором он отбывал 5 лет лишения свободы по ч. 2 ст. 110 и ст. 109 УК РСФСР. После освобождения Султанов приехал в Ашхабад и обратился с заявлением о принятии на работу в Прокуратуру Республики. При этом Султанов представил подложную копию трудового списка, заверенную печатью кассы взаимопомощи Ашхабадского физиотерапевтического института, где работала его жена. В этом «Трудовом списке» значилось, что Султанов в лагере был начальником фаланги и уволился по болезни. Немедленно Султанов был зачислен следователем при Прокуратуре Республики, а через некоторое время переведен на ту же должность в Прокуратуру гор. Ашхабада. Прокурор Республики запросил из лагеря НКВД деловую характеристику «нач. фаланги Султанова» и, получив в ответ на свой запрос характеристику на б. заключенного Султанова, в продолжении ряда месяцев не сделал из этого никаких выводов. Между тем Султанов за это время пы-

таясь незаконно освободить арестованного бандита, прекратил за взятки два дела, заставил вступить с ним в половую связь жену обвиняемого по делу о групповом изнасиловании, присвоил вещи этого обвиняемого среди которых были золотые часы и т. д.

Несмотря на все это, снятие и арест Султанова был произведен при прямом сопротивлении зам. горпрокурора г. Ашхабада Алмазова, выдавшего ему блестящую деловую характеристику.

Наряду с такими фактами необходимо отметить случаи непродуманного использования молодых кадров, выпускаемых юридическими курсами и обещающими после соответствующей практики быть неплохими работниками. Так, например, т. Азакова, совершенно не бывшая на самостоятельной работе, по окончании курсов была направлена Прокуратурой Республики следователем на Гаудастрэй, где наряду с чрезвычайно сложной обстановкой новостройки в отдаленной местности, где нет прокурора, райотделения милиции и т. д. Таким образом молодой работник, с первых шагов в своей работе был не только поставлен в сложнейшие условия работы, но и фактически лишен руководства. Точно так же 22-летний туркмен б. жел.-дэр. рабочий Караджа Аннаев был послан на труднейший участок в Красноводский район, где до него работал следователем имеющий высшее образование Набоков, запустивший участок до последней степени и оставивший после себя громадное количество дел, лежавших без движения с 1932—1933 гг. Показавшего полное неумение работать Набокова Прокуратура Республики перевела райпрокурором в другой район.

Как же Прокуратура Туркменской ССР осуществляет руководство работой следователей и как она борется за поднятие их квалификации? Издание каких бы то ни было методических писем, циркуляров по вопросам предварительного расследования Прокуратура Республики не практикует, и ни один из отделов этими вопросами не занимается. Нет также и методбюро, которое эту работу объединяло бы. Вся работа по руководству следствием носит характер случайности и спешки. О следствии и следователях вспоминается в циркулярах тогда, когда надо сказать о волоките, задержке рассмотрения дел и т. п. Так, например, после неоднократных циркуляров о борьбе с хищениями в системе потребкооперации, Прокуратура Республики 3/VIII 1935 г. издает еще один циркуляр по этому же вопросу, в котором указывает на двухлетнюю волокиту с расследованием в ряде районов (Серахский, Чарджуйский, Ташиавзский) дел этой категории и предлагает «проверить» все неоконченные дела, «обеспечив их немедленное» окончание и т. д. Райпрокуроры обязывались этим циркуляром к 15/VIII 1935 г. выслать в Прокуратуру Республики сведения о движении дел по хищениям и растратам. Это категорическое предложение было выполнено только девятью райпрокурорами. Остальные сведений не прислали. И это представляется вполне понятным, так как вслед за прокурором Республики и районные прокуроры, как правило, не ведут надзора за предварительным расследованием.

В Красноводске, где все следователи и прокуратура помещаются в одном доме, прокурор т. Бусыгин старый и достаточно опытный ра-

ботник, ни разу не дал ни одного указания по конкретному следственному делу и не знал, какие же дела находятся в производстве его следователей. Там же в течение того же периода было только одно совещание следователей (февраль 1935 г.), после которого не сохранилось даже протокола.

Аналогичное положение имеет место и в большинстве других районов (Мерв, Теджен, Ашхабад и др.). Нередко Прокуратура Республики, даже при ознакомлении с конкретными делами, сводит фактически на нет прокурорский надзор за предварительным расследованием. Подтверждением этого обстоятельства служит то, что по делам, где для привлечения к ответственности и для предания суду требуется санкция прокурора Республики (дела по обвинению инженерно-технического персонала, предколхозов и т. д.), эта санкция в ряде случаев дается не на основании проверки конкретных дел, а по телеграфным запросам, причем в отдельных случаях вопрос о даче санкций разрешается не прокурором Республики, а его старшим помощником.

Во время выездов на места работники республиканского аппарата мало или почти совсем не уделяют внимания следственному аппарату в районах. Иногда же при проверке ими следственного дела даваемые по этим делам указания не фиксируются, и сама проверка проводится весьма поверхностно. Так, например, в марте 1935 г. ст. пом. прокурора Республики т. Захаров произвел проверку дел следователей г. Красноводска и Красноводского района путем заслушивания доклада следователя, производившего расследование по данному делу. Лично же т. Захаров ознакомился лишь с двумя-тремя делами. При отсутствии письменных указаний по проверенным делам это обстоятельство фактически следователям ничего не дало. Некоторые дела (как, например, дело по обвинению спекулянта Макарова и др.) так и не получили со стороны т. Захарова должной оценки.

В более же отдаленных районах Республики, как, например, в Кара-Бугазском районе, представители республиканской Прокуратуры вообще не были.

Контроль исполнения в следаппарате отсутствует. Как правило, прокуроры, давая поручение следователю срочно расследовать такое-то дело, не контролируют исполнения своих поручений, и в результате десятки дел со «срочной» резолюцией прокурора лежат без движения по полгода, году и даже более.

Так обстоит дело с руководством следственным аппаратом в Туркменской ССР. В таком же положении находится и дело поднятия квалификации следователей. Например, Наркомюст и Прокуратура Республики не обеспечили и вообще просто не задумывались над вопросом снабжения следователей литературой по технике расследования, уголовному процессу и т. д. Да и что говорить о литературе по юридическим вопросам в то время, когда УК и УПК Туркмении даже на русском языке, в повседневной работе не только следователей, но и вообще всех работников юстиции Туркмении, являются предметами роскоши, а УК и УПК на туркменском языке совершенно отсутствуют. Лишь в октябре 1935 г. был поставлен вопрос о необходимости перевода этих кодексов на туркменский язык. Поэтому, когда, зная об этом факте, говорят о нарушении следова-

телями норм УПК, что безусловно имеет место, поневоле встает вопрос: всегда ли следователь знает, что он нарушил эти нормы. Если в таких условиях отдельные следователи все-таки повышают свою техническую квалификацию, то это делается помимо Прокуратуры Республики (чтобы не сказать вопреки ей), и наоборот, много молодых следователей, окончивших юридические курсы, попадая в районы, нередко очень отдаленные от республиканского центра и не имея ни руководства, ни помощи со стороны прокуратуры, теряют свои знания, не умеют ориентироваться в достаточно сложной обстановке района, снимаются с работы «как несправившиеся», уходят из органов прокуратуры и т. д.

Чрезвычайно интересно также отметить то обстоятельство, что на сентябрьском совещании работников юстиции Туркменской ССР вопросы следствия вообще не пользовались вниманием. В основных докладах наркома юстиции т. Коканова и прокурора Республики т. Стефанюк этим вопросам было отведено места ровно столько, сколько требуется для того, чтобы можно было сказать, что следствие молчанием обойдено не было, а председатель Верховного суда т. Мурадов, коснувшись вопросов следствия постольку, поскольку ему приходилось говорить о не всегда удачной судебной практике.

Вслед за основными докладчиками и выступавшие в прениях, как правило, не касались вопросов предварительного расследования. Исключением из нескольких десятков ораторов явились лишь т. Азакова, следователь Гауданстрой, рассказавшая о тех условиях работы, в которые она попала по окончании учебы и т. Лярский прокурор Карабугазского района, подвергший критике отсутствие руководства следствием со стороны Прокуратуры Республики. Этими выступлениями совещания работников юстиции Туркмении по существу и закончилось обсуждение вопросов предварительного расследования.

Было бы странным оправдывать приведенные выше дефекты только «специфическими особенностями» Средне-Азиатской Республики, отдаленностью от центра Союза, нехваткой национальных кадров и т. д. Устранение перечисленных дефектов работы, как это нетрудно понять, в очень и очень значительной степени зависит от работников Прокуратуры Республики, которые обязаны руководить предварительным расследованием и воспитывать следственные кадры. В противном случае Прокуратура Туркменской ССР не только не будет готовить новых кадров следователей, но и окажется не в состоянии сохранить уже существующие.

А то, что возможности для серьезной работы со следователями есть, свидетельствует хотя бы тот факт, что при всех этих условиях имеется ряд следователей, неплохо проводивших расследование по конкретным делам.

Таким делом, например, является дело работников Чарджуйской почты, по которому следователь по важнейшим делам при Прокуратуре Республики т. Шубин, в результате кропотливой работы вскрыл громадные хищения государственных средств; дело работников Красноводского горфо, по которому старшим следователем г. Красноводска т. Аникин, несмотря на местные влияния, добился привлечения к ответственности главных виновников

разбазаривания конфискованного имущества и т. д. Однако наряду с такими делами имеется целый ряд дел неосновательно возбужденных, заволокиченных, смазанных и потерявших в силу этого всякое общественно-политическое значение. Волокита в расследовании является поистине бичом следственного аппарата Туркмени. В Ашхабаде, Красноводске, Ташаузе — этих ведущих районах республики — более 40% всех следственных дел заканчивается в сроки, гораздо большие, чем два месяца. Эта волокита увеличивается в результате текучести личного состава следственного аппарата и слабости руководства следователями со стороны прокуратуры. Так например, в Ашхабадской и Мервской прокуратурах нельзя найти следователя, проработавшего бы в этих городах хотя бы один год. Каждый из работающих следователей исчисляет свой стаж в месяцах. За очень небольшим исключением у каждого нарследователя в сентябре 1935 г. имелся в производстве ряд старых дел, возникших в начале 1935, в 1934, 1933 гг., а иногда и в 1932 г. Эта волокита в расследовании дел приводит к тому, что очень часто следователи, не видя иного выхода из положения, выносят постановления о прекращении старых дел производством со стандартной формулировкой «в силу утраты или актуального значения». Нельзя, конечно, не признать, что эта формулировка, как правило, соответствует действительности. Таким образом следователь Ашхабадской прокуратуры т. Демина, закончив за время своей работы (10 месяцев) всего 83 дела, 38 из этих дел прекратила как утратившие всякое значение, следователь т. Бахолдина из 32 законченных дел по тем же мотивам прекратила 15 дел, красноводский следователь т. Набоков к моменту сдачи участка имел в своем портфеле несколько десятков дел, возникших в 1932, 1933, 1934 гг., которые потеряли всякое актуальное значение.

Вот примеры такой волокиты. 20 июня 1934 г. Ком. совконтроля переслала в Прокуратуру Туркменской ССР материал о крупных преступлениях на Ашхабадской базе Брынзо-треста. Этот материал в Прокуратуре Республики пролежал без движения 4 мес., после чего 14 октября 1934 г. был направлен в Прокуратуру г. Ашхабада. 14 октября 1934 г. зам. прокурора г. Ашхабада т. Алмазовым было предложено

следователю Мативосову «срочно» расследовать дело. После этой резолюции дело лежало без всякого движения в следственном аппарате горпрокуратуры 8 мес. Наконец, 13 июля 1935 г. следователь Гаврилов произвел первый допрос и передал все дело следователю т. Бахолдиной, у которой оно в октябре 1935 г. еще не было закончено.

25 июня 1934 г. к следователю Красноводского района т. Кувадову поступило заявление о том, что гр. Аман Маметов женился на несовершеннолетней. В заявлении достаточно подробно перечислялись свидетели обстоятельства женитьбы и т. д. Тем не менее т. Кувадов ограничился лишь наложением резолюции «завести дело» и не провел ни одного следственного действия. Точно так же оставил это дело без движения и следователь Набоков, принявший его от Кувадова в феврале 1935 г. Так это дело и не было начато расследованием до октября 1935 г. Все это имеет место в то время, как среднемесячная продукция следователя равняется 6—8 делам.

Не будем больше приводить список примеров волокиты и неудачного расследования, который, конечно, может быть значительно продолжен. Это к существу вопроса ничего нового не добавит. Сказанное же позволяет сделать вывод о том, что Прокуратура Туркменской ССР не уделяет должного внимания работе следственного аппарата и воспитанию следственных кадров.

Можно и нужно говорить о недостатке кадров, специфических трудностях работы и т. д. Но когда руководство следователями со стороны Прокуратуры Республики фактически отсутствует, а райпрокурор не знает, какие дела ведут его следователи, когда ст. помощник прокурора Республики, выезжающий в район, не дает прямых и ясных указаний по проверенному им следственному делу, когда вопрос о предании суду Прокуратурой Республики решается на основании краткой телеграммы, а из сообщения о том, что работающий в аппарате следователь до последнего времени был заключенным в лагере, не делается в течение ряда месяцев никаких выводов, то совершенно ясно, что дело не только в недостатке кадров и особых трудностях, а и в стиле, организации и направлении самой работы, от которых в значительной степени зависит преодоление этих трудностей.

„Чтобы успешно побеждать все и всякие трудности на нашем пути, нам теперь больше всего необходимо **ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЕ** желание **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** работать по-настоящему. Для этого мы обязаны настойчиво критиковать имеющиеся серьезные недостатки в работе, понимая, что и руководители не могут теперь работать по старым нормам, вчера еще считавшимся более или менее пригодными“.

МОЛотов

Дела и дни Московской коллегии защитников

В результате обследования Московской коллегии защитников Комиссия совконтроля осудила систему оплаты труда членов коллективов, назвав ее «своеобразной сдельщиной».

Действительно «сдельщина», практиковавшаяся в коллективах, весьма своеобразна и имеет очень мало общего с тем, что понимается под сдельной формой оплаты труда на любом производстве.

При сдельщине на производстве учитывается количество и качество труда, вложенного тем или иным работником. Максимальное количество высококачественного труда на производстве дает наибольший заработок и наоборот.

Таким образом сдельщина на производстве стимулирует и производительность труда и его качество.

«Сдельщина» в коллективах защитников не учитывает ни того, ни другого, стимулируя лишь только рвачество. В этом не трудно убедиться, присмотревшись к ее существу. При «сдельщине» в коллективах каждый ЧКЗ получал 50% гонорара, внесенного клиентом, а 50% того же гонорара шло в пользу коллектива, президиума коллегии, на покрытие рабочих расходов и т. п.

Размер же гонорара определялся по таксе в зависимости почти исключительно от формальных данных об имущественном положении клиента. Сложность, трудность и продолжительность дела почти не отражались на размере гонорара, а квалификация адвоката, ведущего дело, не имела в этом смысле никакого значения (размер гонорара по таксе одинаков, ведет ли дело первоклассный адвокат или едва лепечущий практикант).

Например, если в коллектив обращается служащий с большим заработком или кустарь по незначительному делу, не требующему длительной подготовки, то размер гонорара будет больше, чем при обращении служащего с небольшим заработком, который судится по серьезному делу, продолжающемуся значительный срок.

Все это создавало положение, когда каждому члену коллектива было выгодно гнаться за наиболее легкими, но хорошо оплачиваемыми делами, наряду с чем было прямо убыточно выступать по большим и серьезным делам, которые тянутся по несколько дней или недель. Общеизвестен ряд случаев, когда адвокаты высокой квалификации, ведущие большие дела, имели заработок гораздо меньший, чем приспосовившиеся к такой системе дельцы, умудрявшиеся при такой системе набирать легкие, незначительные дела и выступать в суде ежедневно чуть ли не по трем или четырем делам.

Заработок таких эквилибристов нередко доходил до трех-четыре тысяч рублей.

Средний заработок более чем средних адвокатов был чрезмерно раздут.

Такая система причинила большой вред, а между тем эта пресловутая «сдельщина» счи-

талась наиболее совершенной системой оплаты труда в коллективах.

Шестилетняя эволюция форм оплаты труда в коллегиях защитников знала самые разнообразные системы оплаты, начиная просто от твердых ставок до описываемой «сдельщины», причем за все это время не было выдвинуто ни одной удовлетворительной системы. Каждая из этих систем изобиловала недостатками и почти не имела никаких достоинств.

Да и действительно попытки устанавливать всякого рода твердые оклады неизбежно кончались неудачей, ибо твердые оклады никак не стимулировали работу, а всякого рода тарификации адвокатской массы вызывали перманентную склоку.

Казалось бы, отменяя «сдельщину», руководству коллегии следовало проработать вопрос о таксе оплаты труда ЧКЗ и о возможности построить сдельную систему на таких основаниях, которые соответствовали бы нормальным представлениям о сдельщине.

Если бы взимаемые гонорары соответствовали количеству и качеству выполняемой работы, то не имела бы места такая сдельщина в кавычках.

Тут вопрос упирался в таксу и нужно было или переработать таксу таким образом, чтобы взимание гонорара отвечало отмеченным требованиям, и тогда можно было не отменять сдельщину, или при оставлении старой таксы следовало наметить такие формы оплаты, которые не вели бы прямиком к уравниловке.

На деле получилось иное: на смену «сдельщине» пришла так называемая марочно-сдельная система, которая с внешней стороны как бы устраняла дефекты «сдельщины», а в действительности возрождала ту же «сдельщину», да еще в худших формах.

При этой новой системе все члены коллективов разбиты на категории: высшая категория получает 5 марок плюс 35% гонорара, уплачиваемого клиентом, следующая категория те же 5 марок и 25% того же гонорара, далее 5 марок и 20% гонорара, затем 4½ марки и 20% гонорара и затем 4, 3 и т. д. марки плюс 20% гонорара.

Подавляющая масса ЧКЗ была тарифицирована по третьей, четвертой и пятой категориям, меньше четырех марок в коллективах получают лица, насчитывающиеся единицами, из которых кое-кому вообще вряд ли следует работать в коллегии защитников.

Ко всему этому сложному исчислению заработка введен корректив такого порядка, что никто из ЧКЗ не должен получать более 50% своей валовой выработки, т. е. общей суммы гонораров, уплаченных клиентами.

Что же получается на деле при применении этой системы?

Попробуем проследить заработок лиц, входящих в отдельные категории, при валовой выработке каждого, например, в 2 тыс. руб., оценивая марку, примерно, в 100 руб.

По этой системе отнесенный к высшей категории должен будет получить 500 руб. по маркам и 700 руб. процентного вознаграждения, а всего 1200 руб., но так как эта сумма больше 50% валовой выработки, то он может получить лишь 1000 руб.; по такому же расчету отнесенные ко второй категории получают также 1000 руб., отнесенные к третьей категории 900 руб., к четвертой категории 850 руб. и к пятой 800 руб., т. е. в пяти группах почти отсутствует ощутимый разрыв в зарплате, а имеются налицо классический образец уравниловки.

Далее, при валовой выработке в 2500 руб. отнесенный к высшей категории получит 1250 руб., он же при выработке в 3000 руб. получит 1500 руб., при выработке в 3500 руб. — 1725 руб., т. е. до валовой выработки в 3500 руб. включительно будет получать те же 50% гонорара, что и при практиковавшейся ранее «сдельщине», и лишь при выработке, начиная от 4000 руб. будет получать то, что ему причитается по новой системе, причем эти новые цифры будут также близки к цифрам исчисляемым по «сдельщине».

Иметь же валовую выработку больше 4000 р., при добросовестном отношении к делу, в условиях теперешней таксы, почти не возможно.

Даже из этих примеров очевидно, что новая система является довольно уродливой маскировкой сдельщины в кавычках.

Несомненно, что при применении старой таксы процентные отчисления с гонораров так же не достигают цели, как отчисления половины гонораров при «сдельщине», и что новая система концентрирует в себе осужденные недостатки «сдельщины» и недостатки других давно уже брошенных систем.

В связи с методами распределения доходов в коллективах создалась такая обстановка работы, при какой-либо слово коллектив остается только вывеской, прикрывающей собою организацию, не имеющую никаких оснований так называться, так как процветающие там нравы и формы работы так же мало коллективны, как действующая там «сдельщина» далека от действительной сдельной формы оплаты труда.

Не будет преувеличением сказать, что в данный момент коллектив защитников представляет собой нечто среднее между плохой адвокатской конторой и довольно своеобразной биржей, где адвокаты получают дела, отчисляя часть заработка президенту коллегии.

Способы рекламы и конкуренции между такими конторами носят не всегда удобный характер. Достаточно отметить, что забор у дверей Мосгорсуда пестрит разноцветными вывесками коллективов, предлагающих свои услуги клиентам, такие же вывески можно найти в значительном количестве у дверей многих нарсудов.

Некоторые коллективы рассылают в провинцию рекламные проспекты, содержащие уверения в том, что в данном коллективе работают высококвалифицированные специалисты по всем отраслям права и т. п.

Если клиент войдет в любой коллектив и назовет фамилию защитника, работающего в соседнем коллективе, то получит не блестящий предупредительный ответ: «Он у нас не работает», или «откуда мы знаем где он работает», тогда как в коллективе прекрасно знают, где работает этот ЧКЗ, а если предположить,

что и не знают, то, казалось бы, как просто взглянуть в справочник и ответить.

В таком, примерно, духе протекает конкуренция между коллективами.

О том, как в этом направлении обстоит дело внутри коллективов, можно получить достаточное представление, лишь близко и пристально присмотревшись к существу самой этой кухни.

Достаточно яркое пример, к сожалению не являющийся анекдотом: в одном из коллективов долго дебатировался вопрос о найме швейцара и этот вопрос был решен отрицательно, в силу того практического расчета, что польза от приглашения швейцара ограничится тем, что каждый будет спокоен за судьбу своих галос и верхнего платья, тогда как вред будет превалировать, ибо швейцар может сделаться первоисточником рекомендации клиентам того или иного ЧКЗ.

Каждая форма оплаты труда сразу находила отражение в характере клиентуры у отдельных ЧКЗ: когда были твердые ставки, персональных обращений было мало, едва лишь появилась «сдельщина», как обезличенные ранее клиенты стали значиться обратившимися персонально к тому или иному защитнику, причем персональная клиентура появилась даже у людей, которые никогда ни одного персонального клиента не имели и не имеют и вряд ли могут иметь.

Появились случаи, когда на регистрационной карточке значилось, что клиент обратился персонально к защитнику X, тогда как из опроса клиента выяснялось, что он никогда не слышал фамилию этого ЧКЗ X и стал персональным клиентом только после случайного разговора тут же в консультации с этим ЧКЗ X.

Комбинационное творчество в деле уловления и, так сказать, персонализации обезличенного ранее клиента получило широкий и вряд ли допустимый расцвет.

Распределение дел в коллективе находится в руках так называемого старшего консультанта.

Стол этого ст. консультанта является очагом материального благополучия или неблагополучия отдельных членов коллектива. Теперь старшими консультантами обычно назначаются одни и те же лица, опыт частой смены лиц за этим столом приводил к необычайному и необоснованному росту клиентуры у лиц, попавших в ст. консультанты или у их близких приятелей.

Проблема распределения дел зачастую разрешается так, что на звание по серьезным и ответственным делам направляются защитники, нормальная работа которых мыслится лишь в диапазоне от дачи справки о размере квартплаты до составления простенького искового заявления по алиментному делу, а по делам о мелких кражах предлагается выступать адвокатам высокой квалификации.

Никаких коллективных методов и форм работы в коллективах защитников нет.

К сожалению, единственным и пожалуй довольно распространенным видом коллективного обслуживания клиента бывает такой способ, когда один член коллектива принимает клиента и назначает гонорар, другой ведет дело этого клиента в суде первой инстанции, третий ведет дело в кассационном суде, четвертый пишет надзорную жалобу, а пятому уж приходится

объясняться с тем же клиентом, пострадавшим от такого вида коллективного обслуживания

В большинстве коллективов нет не только минимально необходимой библиотеки или самых элементарных справочников по тем или иным вопросам, но зачастую нельзя даже найти кодексов последних изданий.

Ни серьезная консультация, ни даже просто спокойный разговор с клиентом в стенах коллектива не возможен: в обстановке хаоса и царящего там шума бывает возможно лишь выписать ордер на ведение дела, а всю работу по делу надо целиком проводить вне коллектива.

Безрадостное впечатление оставляет работа, точнее говоря отсутствие всякой серьезной работы с практикантами: практиканты не посещают серьезных процессов, не прорабатывают дела с высококвалифицированными защитниками, а сидят сиднем в коллективах на даче советов, а иногда прикрепляются к разным старцам из бывших присяжных поверенных, поучающим их затрепанным, часто отжившим адвокатским приемам и рассказывающим сказки о своих, никогда не бывших судебных успехах.

В коллективах в целях пополнения кассы весьма расширилась практика по надзорным делам: «для ведения надзорного производства» часто принимаются абсолютно безнадежные дела, которые не принял бы ни один уважающий себя ЧКЗ вне коллектива.

Не нужно доказывать, что многие из дефектов в работе коллегии защитников обусловливаются слабостью и не авторитетностью руководящего состава, тогда как на содержание этого состава отчисляются большие суммы и штат руководящего и административного аппарата сильно раздут.

Как правило, руководители коллективов, а иногда и коллеги не соответствуют своему значению и совершенно не ориентируются в сложной специфике адвокатской работы.

Достаточно указать, что многие из руководителей не только не могут выступить в суде даже по самому простому делу, но и не имеют никаких организационных способностей и навыков.

Такое положение нетерпимо ни в одной советской организации, а в коллегии защитников это стало правилом.

Трудно в самом деле представить себе председателя суда, который не мог бы судить и не ориентировался бы в технике судебной работы, трудно представить себе, чтобы в хозяйственной организации держали на ответственном посту лицо, элементарно не ориентирующееся в работе своего учреждения, в руководящем же составе коллективов лица, не могущие и не умеющие работать далеко не редкость.

Коллегия обратилась в аппарат плохо управляемый громоздким штатом людей, изобретающих нелепейшие формы работы, практикующих составление в большом количестве всякого рода ведомостей, отчетов, сводок и анкет с десятками вопросов и не ведущих никакой живой работы.

Наряду с этим подавляющая масса ЧКЗ привыкла хранить заговор молчания по поводу безобразной постановки работы в коллективах.

Этим в значительной мере можно объяснить, что за время шестилетнего существования так называемых коллективов защитников, монополизировавших в своих руках юрпомощь населению, не вскрыто самое нутро этих организаций и не подведены соответствующие итоги их деятельности.

А. ГЕРЦЕНЗОН

Новые данные о преступности и репрессии в странах капитала

(Обзор)

I

В настоящее время в большинстве капиталистических стран опубликованы материалы официальной уголовной статистики за период 1929—1932 гг. и отчасти за 1933—1934 гг.

Настоящий обзор преследует задачу — осветить динамику преступлений и наказаний в странах капитала в период всеобщего кризиса капитализма.

С этой целью мы рассматриваем динамику преступлений и наказаний после мировой войны до начала «относительной стабилизации», в период «относительной стабилизации», в годы кризиса до наступления «депрессии особого рода», на которой обрываются статистические данные, которыми мы располагаем в настоящее время. Используемые нами статистические данные взяты как из официальных источников и отдельных исследований буржуазных авторов, так и из материалов Исполнительного комитета МОСР.

Экономический кризис, разразившийся в капиталистических странах во время и после мировой войны, повлек за собой колоссальный рост преступлений. Этот рост имел место не только в странах-побежденных, но и в странах-победительницах. «Империалистическая война, — говорил Ленин, — так пошатнула положение этих государств, что кризис не только не завершился там — до сих пор (1921 — А. Г.), но, напротив, как раз к предстоящей весне везде без исключения, в самых богатых передовых странах, экономический кризис все усиливается и усиливается. Капитал — зло международное, но именно потому, что это зло международное, все страны оказались уже так связаны между собой, что гибель одних потянет за собой в пропасть все остальные. Богатые страны нажились, конечно, их капиталисты нажились за время войны, но в силу полного разорения не только России, но такой страны, как Германия, в силу придавленности, в силу обесценения денег, в громадном большинстве

стран, несмотря на все, торговые отношения подорваны, нарушены, богатейшие страны задыхаются, не имея возможности продавать продукты своей промышленности, так как деньги обесценены, безработица во всех странах растет неслыханно, **растет невиданный экономический кризис во всем мире**»¹.

Число преступлений в большинстве капиталистических стран интенсивно возрастает, начиная с 1919 г. Так, в Австрии число осужденных за преступления и проступки в 1919 г. достигает 195 тыс. чел. против 71 тыс. в 1918 г. (рост за один год на 48%). В 1920 г. эта цифра вновь повышается до 123 тыс. чел. Несмотря на последовавшее в дальнейшем некоторое снижение, число осужденных все же превышало уровень 1919 г. Рассматривая движение отдельных видов преступлений в Австрии, мы отмечаем, что максимум краж приходится на 1920 г., когда число их превысило уровень 1918 г. на 57%. Если кражи и их динамика в Австрии дают некоторое представление о глубине кризиса в те годы, то исключительный рост осужденных за государственные преступления характеризует подъем революционного движения австрийских трудящихся масс и усиление репрессии буржуазии. Так, в 1919 г. в Австрии было осуждено за государственные преступления в два раза больше чем в 1918 г., а в 1921 г. соответственно в три раза больше.

Еще более резкий подъем преступлений произошел в Германии. Здесь в 1920 г. число осужденных повышается за пределы 600 тыс. чел. против 342 тыс. в 1918 г. (рост на 78%). Наивысшая точка приходится в Германии на 1923 г., когда число осужденных достигло рекордной цифры в 842 тыс. (рост по сравнению с 1918 г. почти в 2½ раза). Уже в 1920 г. осужденные за имущественные преступления превышают 400 тыс. чел. (в 1918 г. — 257 тыс.) и в 1923 г. почти достигает 600 тыс. чел. В 1923 г. Германия характеризуется, таким образом, почти 600-тысячной армией воров, грабителей, мошенников. Росту общеуголовных преступлений должен быть противопоставлен подъем революционного движения в Германии, о чем свидетельствует усиление репрессии по государственным преступлениям: в 1920 г. за эти «преступления» было осуждено в 3,7 раза больше чем в 1918 г., а в 1923 г. и в особенности в 1924 г. в 6—8 раз больше.

Мы уже отмечали, что послевоенный кризис обусловил рост преступлений не только в побежденных странах, но и в победивших странах, ибо кризис, как отчетливо показал Ленин, охватил весь капиталистический мир.

«Цены продуктов повысились в среднем в Соединенных штатах Америки на 120%, а заработная плата возросла там только на 100%. В Англии — продукты на 170%, заработная плата на 130%. Во Франции цены продуктов — на 300%, заработная плата на 200%. В Японии — продукты на 130%, заработная плата на 60%... Ясно: дело, что при таком положении рост возмущения рабочих, рост революционных настроений и идей, рост стихийных массовых стачек неизбежен. Ибо положение рабочих становится невыносимым. Рабочие убеждаются на опыте, что капиталисты безмерно нажились

на войне и сваливают расходы и долги на плечи рабочих»¹.

В Англии число обвиняемых в 1919 г. выросло на 22% (по сравнению с 1918 г.), а в 1920 г. — даже на 49%. Наиболее тяжкие виды имущественных преступлений в своем количестве возросли на 58%.

В Италии число донесений о преступлениях и проступках в 1918 г. составляло 735 тыс., в 1919 г. — 841 тыс., а в 1920 г. составило уже 1064 тыс., рост — 46%. Из отдельных видов преступлений особенно выросли разбой и грабеж (с 11 на 100 тыс. в 1918 г. до 24 в 1920 г.), кража (соответственно 470 и 742). Вместе с тем в Италии, так же как и в других капиталистических странах, отмечается и должен быть противопоставлен рост революционного движения в период послевоенного кризиса; одним из показателей этого процесса является усиление борьбы с государственными «преступлениями» (35 на 100 тыс. в 1918 г. и 62 в 1921 г.).

Наконец, во Франции число обвиняемых за преступления и проступки непрерывно растет в период 1919—1921 гг., превышая исходный год на 58%. При этом число обвиняемых за кражу возрастает с 37 тыс. в 1918 г. до 71 тыс. в 1920 г., число обвиняемых за бродяжничество соответственно поднимается с 4 тыс. до 13 тыс. и т. д.

Таким образом рост преступлений в годы послевоенного кризиса отмечается во всех основных «ведущих» странах капитализма как победивших, так и побежденных.

Динамика преступлений в колониальных странах, в особенности в условиях великобританского империализма, характеризуется прогрессивным ростом, начавшимся в 1919 г. продолжавшимся в течение всего периода послевоенного кризиса и не приостановившимся даже в период относительной стабилизации капитализма. В английских колониях и доминионах число осужденных составляло: в 1918 г. — 1443 тыс., в 1920 г. — 1584 тыс., в 1924 г. — 1846 тыс. О размахе и специфичности репрессии английского империализма позволяют судить данные по Британской Индии. В 1918 г. в Индии было приговорено: к смертной казни 554 чел., к розгам — 9321 чел., к тюрьме — 161 420 чел., к ссылке и уголовному рабству — 2138 чел. В 1919 г. было выслано уже — 15 048 чел., приговорено к тюрьме — 233 396 чел., сослано 2676 чел. и т. д.

II

Обратимся к рассмотрению динамики преступлений в период «относительной стабилизации» капитализма. Отмечая наступление этого периода, товарищ Сталин в докладе на XV съезде ВКП(б) иллюстрирует рядом цифр за 1925 и 1926 гг. тот основной факт в области капиталистического производства, что «производство капиталистических стран за эти два года, за отчетный период перевалило за довоенные нормы, пошло дальше довоенных норм».

Констатируя наступление «относительной стабилизации капитализма», товарищ Сталин, давший еще в 1926 г. блестящий прогноз последующему мировому кризису капитализма, подчеркнул:

¹ Ленин, т. XXVI, с. 153. Подчеркнуто нами — А. Г.

¹ Ленин, т. XXV, с. 336.

«Из частичной стабилизации вырастает усиление кризиса капитализма, нарастающий кризис разваливает стабилизацию, такова диалектика развития капитализма в данный исторический момент»¹.

Как же отразилась временная, «относительная стабилизация» капитализма на динамике преступлений в капиталистических странах? Общий, суммарный ответ на этот вопрос может быть дан следующими красноречивыми цифрами: в 1921 г. в период максимального подъема преступлений в связи с кризисом в 16 странах число осужденных составило 5,4 млн. чел. В 1927 г. в тех же 16 странах число осужденных достигло 6,1 млн. чел. (дальнейший подъем на 13%).

Непосредственный вывод, к которому мы приходим состоит в том, что относительная стабилизация капитализма не только не привела к снижению преступлений, но обусловила дальнейший их подъем.

Обращаясь к рассмотрению движения преступлений в основных странах капитала, мы констатируем, во-первых, большую устойчивость подъема преступлений, во-вторых, нарастание темпа этого повышения к концу стабилизации, в-третьих, неравномерность этого процесса в отдельных странах капитала. Так, в Англии максимум преступлений приходится на 1926 г., после которого происходит некоторое незначительное понижение к 1928 г., когда все же уровень преступлений был выше уровня 1924 г. Аналогичная в общем картина наблюдалась в Италии. Во Франции максимум приходится на 1928 г., в Польше на 1927 г. и т. д. В Германии и Австрии подъема преступлений не наблюдалось, но нужно учесть предшествующий период 1922—1923 гг. — период рекордных цифр германской юстиции, после которого произошла своеобразная «стабилизация» преступлений на повышенной основе.

Тенденция непрерывного роста преступлений ясно выражена в данных по английским колониям и доминионам. Если в 1924 г. там было осуждено 1,8 млн. чел., а в 1926 г. 2,0 млн. чел., то в 1928 г. число осужденных повысилось до 2,3 млн. (рост на 28%). Приведенные данные, как основанные на официальной уголовной статистике капиталистических стран, могут служить лишь бледной характеристикой действительного усиления репрессии в период «стабилизации» и в особенности в преддверии кризиса. Однако и из этих официальных данных мы видим, что число осужденных за кражу и другие имущественные преступления даже в разгар «стабилизации» сколько-нибудь значительно не снижаются по сравнению с годами послевоенного кризиса, а в ряде стран даже продолжает расти (Франция, Польша). С другой стороны, продолжает увеличиваться подавление сопротивления эксплуатируемых, продолжает возрастать число осужденных за государственные «преступления». А в тех странах, где официальная статистика показывает снижение числа осужденных судебными органами за политические преступления, резко возрастает применение внесудебных мер, распространяется белый террор.

Статистические данные о репрессии являются крайне неполными: в ряде стран статистика

показывает репрессию лишь по тяжким преступлениям, в других странах — по преступлениям и проступкам и лишь в некоторых странах показан общий объем репрессии. Несмотря на такую неполноту данных можно отметить бесспорный для стран капитала факт **послабления судебной репрессии** в период относительной стабилизации капитализма.

Незначительное — по сравнению с общим размахом судебной репрессии — снижение числа приговоренных к тюремному заключению и каторжным работам уравнивается увеличением приговоренных к штрафу с заменой его лишением свободы. С другой стороны, — и это необходимо особенно подчеркнуть — **методы внесудебной расправы, применяемые буржуазией, дают в целом обострение репрессии в период «относительной стабилизации».**

Статистика белого террора и классовой юстиции вносит яркий свет в изучение уголовной политики буржуазии.

В период 1925—1928 гг. по далеко не полным сведениям, касающимся 38 стран, было:

	1925	1926	1927	1928
Арестовано (тыс.) . . .	62	134	97	112
Ранено (тыс.) . . .	18	20	50	53
Убито (тыс.) . . .	9	9	64	142

Бесспорная картина усиления репрессии буржуазии по отношению к эксплуатируемым, осуществляемой во внесудебном порядке.

Внесудебная расправа по числу жертв и по ее распространению идет далеко впереди судебной репрессии. Уже в период относительной стабилизации капитализма буржуазия в борьбе с революционным движением переключалась в значительной степени на белый террор и внесудебную расправу.

Итоги, к которым пришел капитализм к концу своей «стабилизации», крайне для него неутешительны. Многомиллионная армия осужденных, не только не снизившаяся в этот период, но даже продолжавшая возрастать; миллионы приговоренных к тюремному заключению, каторге, уголовному рабству, ссылке, штрафу; миллионы томящихся в капиталистических застенках; сотни тысяч избитых, замученных, раненых, убитых — вот итоги «стабилизации» капитализма в области уголовной политики.

III

Переходим к рассмотрению динамики преступлений и репрессий в период мирового экономического кризиса. Товарищ Сталин на XVI съезде ВКП(б), давая исчерпывающий анализ особенностей нынешнего мирового кризиса, подчеркивал, как известно, что «нынешний экономический кризис является самым серьезным и самым глубоким из всех существовавших до сих пор мировых экономических кризисов».

Как же отразилось начало мирового кризиса капитализма на динамике преступлений?

Мы констатируем увеличение числа осужденных в 1929 г. в большинстве стран. Сравнительное движение числа осужденных в 1929 и 1928 гг. по сопоставимому числу стран (18 стран), мы отмечаем увеличение в 1929 г. на 4%. Производя аналогичное сопоставление за 1930 и 1929 гг., мы отмечаем дальнейшее увеличение на 7%. В 1930 г. происходит, таким образом, нарастающий подъем чи-

¹ Сталин, Политический отчет ЦК XV съезду ВКП(б).

сла преступлений. Так как мировой кризис развертывался неравномерно и в частности в Западной Европе он фактически разразился лишь в 1930 г., то приводимые нами данные в целом еще не могли отразить происшедшего в 1930—1931 гг., в особенности в 1932 г., роста преступлений.

Как указывает товарищ Сталин, кризис раньше всего развернулся в Польше, Румынии, на Балканах и, с другой стороны, в странах Северной и Южной Америки (конец 1928 — начало 1929 г.).

Подвергая анализу наши данные о движении числа осужденных в связи с временем наступления кризиса, мы отмечаем, что наибольший рост преступлений в 1929—1930 гг. имел место в Румынии (13%), в Канаде (17%) и т. д., т. е. как раз в тех странах, которые раньше всего подверглись воздействию кризиса. Наоборот, в других странах, вступивших в период кризиса позже, в 1929 и 1930 гг. роста преступлений не наблюдалось, а в некоторых даже произошло незначительное снижение числа осужденных. Несмотря на то, что уголовная статистика 1929—1930 гг. в основном еще не отразила влияния кризиса на динамику преступлений, все же важно подчеркнуть, что уровень преступлений в 1929—1930 гг. не только уже сравнялся с уровнем преступлений в период послевоенного кризиса, но в ряде стран, в особенности колониальных, значительно его превысил (Канада—82%, Новая Зеландия—26%, Южная Африка—87% и Британская Индия—43%).

Указанные особенности динамики преступлений в 1929—1930 гг.—неравномерность движения преступлений в различных странах подтверждаются при анализе отдельных видов преступлений.

Так, например, в Германии имущественные преступления, в противоположность незначительному повышению общего числа осужденных по всем преступлениям, возрастают в 1929—1930 гг. весьма интенсивно: число осужденных за простую кражу возрастает в 1930 г. на 8%, за квалифицированную кражу на 32%, за мошенничество на 20%, за разбой на 51%. В Пруссии число осужденных за кражу в 1930 г. возросло по сравнению с 1928 г. на 31%, а в 1931 — даже на 49%.

Число краж в Пруссии (тыс.)

1928 г. . . . 184 1930 г. . . . 242
1929 г. . . . 204 1931 г. . . . 274

В 1929—1930 гг. имущественные преступления еще не обнаружили того роста, который произошел в дальнейшем, начиная с 1931 г.

В результате кризиса «обнажились и обострились противоречия между буржуазией и пролетариатом в капиталистических странах. Кризис уже успел усилить нажим капиталистов на рабочий класс. Кризис уже успел вызвать новую весну капиталистической рационализации, новое ухудшение положения рабочего класса, рост безработицы, расширение постоянной армии безработных, снижение заработной платы. Неудивительно, что эти обстоятельства революционизируют обстановку, обостряют борьбу классов и толкают рабочих на новые классовые бои¹. В связи с обострением классовой борьбы в странах капитала особый

¹ Сталин, Политотчет ЦК XVI съезду ВКП(б).

интерес представляет анализ политических «преступлений». Этот анализ, однако, ни в какой мере нельзя основывать на данных официальной статистики, которая учитывает лишь судебную репрессию, и естественно совершенно замалчивает белый террор, внесудебную расправу. Однако и по судебной линии в 1929—1930 гг. произошло увеличение абсолютных чисел осужденных за государственные преступления, хотя как увидим ниже, удельный вес судебной репрессии по государственным преступлениям резко упал. Так, в Австрии число осужденных за беспорядки возросло на 112%, в Германии число осужденных за мятеж возросло на 151%, в Польше число осужденных за измену возросло на 29% и т. д.

В период кризиса, начиная с 1929 г., изменяется характер судебной репрессии буржуазных государств. Это изменение состоит в усилении применения ареста, тюремного заключения, каторги. Так, в Австрии число приговоренных к строгому аресту и тюремному заключению, притом только за тяжкие преступления с 15 тыс. в 1928 г. повышается до 20 тыс. в 1930 г., в Германии число осужденных в тюрьму и каторгу растет с 176 тыс. в 1928 г. до 197 тыс. в 1930 г. и т. д. С другой стороны, приговоры к штрафу все более переключаются на тюремное заключение и приговоренные к денежным взысканиям отбывают различные сроки лишения свободы. Так, например, в Норвегии процент заключенных, которым штраф заменен тюремным заключением, в 1929—1930 гг. достиг 43, в Финляндии даже 77%.

Соответственно увеличению применения тюремного заключения в судебной репрессии капиталистических стран в 1929—1930 гг. вырастает численность тюремного населения.

Так, в Польше число заключенных в 1930 г. возросло на 21%, в Финляндии на 31%, в Румынии на 21%, в США число прибывших заключенных в 1930 г. возросло на 12%, а в 1931 г. на 20%.

Говоря о судебной репрессии в капиталистических странах в 1929 и 1930 гг., нужно отметить, что судебные приговоры к смертной казни, судя по данным официальной статистики, в своем числе не возросли. Но как увидим ниже, эти годы характеризуются растущим разгулом внесудебной расправы. Переключая расправу с эксплуатируемыми на внесудебные методы, буржуазия хочет гласную юстицию представить в качестве «гуманной» и «исправительной».

Данные МОПР — единственный источник, позволяющий статистически ориентироваться в разгуле белого террора. Несмотря на весьма существенную неполноту этих данных, они все

Показатели белого террора в период мирового кризиса капитализма (в тысячах)

Показатели	1928	1929	1930	1931	1932
Число арестованных.	117	138	307	360	654
Число раненых . . .	68	66	160	241	252
Число убитых . . .	146	141	196	370	346
Общее число жертв, вкл. и приговоренных к разным наказаниям	361	368	877	1090	1351

же рисуют яркую картину роста белого террора (см. табл. на стр. 32).

С началом мирового кризиса капитализма происходит скачкообразное усиление и углубление фашистского террора. За четыре года — 1929—1932 гг. — в буржуазных государствах было убито, ранено, избито, арестовано свыше 3½ млн. чел.; из них убитых — свыше 1 млн. и раненых свыше 650 тыс. Эти цифры напоминают своими масштабами итоги мировой бойни. Обострение классовой борьбы в странах капитала приводит к колоссальному усилению внесудебной репрессии. Так, перед кризисом по сравнению с годами относительной стабилизации, число арестованных возросло в 2 раза, число раненых — в 3 раза и число убитых — в 12 раз.

В 1932 г. по сравнению с 1925 г. число арестованных возросло в 11 раз, раненых в 12 раз и число убитых в 29 раз. Эти цифры красноречиво говорят о растущем подъеме революционного движения и о лихорадочных попытках буржуазии задержать революционную волну встречной кровавой волной фашистской репрессии.

В известной мере борьба с революционным движением и период мирового кризиса осуществлялась и в рамках обычной юстиции.

Приводимые нами сопоставимые данные о числе убитых во внесудебном порядке и о числе казненных по приговорам судов, с одной стороны, о числе арестованных, раненых и убитых и о числе осужденных к тюремному заключению и к штрафу, с другой, наглядно рисуют процесс фашизации репрессии в капиталистических странах.

Если в 1930 г. смертная казнь по приговору суда составляла около ¼ всех убитых и казненных в судебном и внесудебном порядке, то в 1932 г. она составляет лишь 2,3%. Подавляющая масса — 97,7% — убито в порядке осуществления методов белого террора.

Рассматривая другие формы репрессии — аресты, избиения, ранения, с одной стороны, и судебные приговоры к лишению свободы и штрафу, мы убеждаемся в том, что подавляющая масса репрессирована во внесудебном порядке: из каждой сотни репрессированных на осужденных в судебном порядке приходится от 5 до 9 чел. В целом же судебная и внесудебная репрессия буржуазии дополняют друг друга и с этой точки зрения представляют «гармоничное» целое.

Соотношение судебной и внесудебной репрессии в период мирового кризиса капитализма

	Убито	Казнено	Итого
1930	65,5	34,5	100,0
1931	80,2	19,8	100,0
1932	97,7	2,3	100,0

	Арестовано, ранено, избито	Осуждено к тюрьме и штраф	Итого
1930	95,3	4,7	100,0
1931	95,4	4,6	100,0
1932	90,7	9,3	100,0

Данные МОПР вскрывают лживость и лицемерие буржуазной юстиции. Данные МОПР

вместе с тем вскрывают лживость и лицемерие буржуазной уголовной статистики. Стоит только сопоставить сотни тысяч и миллионы жертв белого террора со «скромными» сотнями или в лучшем случае тысячами осужденных за государственные преступления, с точной юридической квалификацией «государственной измены», «мятеж» и т. д. Стоит только сопоставить стотысячные колонки цифр убитых и замученных пролетариев с единицами и десятками приговоренных к смертной казни, значащихся в прилизанных графах буржуазной статистики.

Общие «итоги» белого террора и классовой буржуазной юстиции за последние 10 лет выражаются в следующих цифрах:

Общее количество жертв . . . 9 509 930

В том числе:

арестовано 3 901 496

ранено 2 487 736

убито 2 580 373

Десятимиллионная армия жертв белого террора возростала из года в год нарастающими темпами. В этом отношении рекордным оказался 1934 г. Если сопоставить число жертв белого террора в 1934 г., с числом жертв в 1928 г., то мы должны будем отметить такой рост:

Числа арестованных . . . на 1134%

Числа раненых на 1586%

Числа убитых на 419%

В 1934 г. из внеевропейских стран попрежнему на первом месте стоит белый террор в Китае, где общее число жертв достигает миллионных цифр. В Европе первое место принадлежит Германии, Австрии и Испании.

Общий вывод о белом терроре и классовой буржуазной юстиции мы формулируем словами товарища Сталина на XVII съезде партии:

«Буржуазия уже не в силах властвовать старыми методами парламентаризма и буржуазной демократии, ввиду чего она вынуждена прибегнуть во внутренней политике к террористическим методам управления».

IV.

Ниже мы приводим более подробные данные, характеризующие динамику преступности и наказаний в двух капиталистических странах, — в Англии и в Германии.

Опубликованные в настоящее время материалы официальной уголовной статистики Англии позволяют исследовать динамику преступлений за период 1929—1932 гг. включительно. Для этой цели мы располагаем двоякого рода данными: сведениями о числе преступлений, ставших известными полиции, и сведениями о числе обвиняемых за тяжкие преступления и проступки¹.

В таблице мы приводим данные о числе преступлений, ставших известными полиции.

¹ В настоящем обзоре мы анализируем лишь данные о преступлениях.

Преступления	Среднегодовое						
	1910—1914	1915—1919	1920—1924	1925—1929	1930	1931	1932
I класс: преступления против личности	4 332	3 304	4 372	5 181	5 669	5 283	5 180
II класс: преступления против собственности с насилием	12 284	10 260	17 331	20 505	26 248	31 671	40 509
III класс: преступления против собственности без насилия	76 838	68 807	82 182	97 823	110 159	117 099	156 339
IV класс: истребление имущества	648	259	359	306	351	408	408
V класс: подделка денег	708	382	732	904	1 072	1 141	1 525
VI класс: преступления против государства и общественного порядка	3 114	1 604	1 861	2 921	3 532	3 676	3 914
Итого	97 924	84 616	106 837	127 640	147 031	159 279	208 175

Как видно из приведенной таблицы, послевоенный период в Англии характеризуется непрерывным ростом числа преступлений.

Если среднегодовое число преступлений за период 1910—1924 гг. принять за 100, то для последующих лет мы получим следующие цифры:

1925—1929 гг.	120	1931 г.	149
1930 г.	137	1932 »	194

Уровень преступности в Англии, таким образом, почти удвоился к 1932 г., когда произошло резкое увеличение темпа роста преступности.

Основную массу преступлений в Англии составляют имущественные преступления. Так, в 1925—1929 гг. имущественные преступления всех видов составляли 93% всего числа обнаруженных преступлений; преступления против личности — 4,0% и преступления против государства и общественного порядка—3,0%. В 1932 г. на имущественные преступления уже приходится 94,9%, на преступления против личности 2,5% и на преступления против государства и общественного порядка — 2,6%.

Имущественные преступления за рассматриваемый период обнаружили и наибольший темп роста: процент роста имущественных преступлений с насилием в 1932 г. по отношению к 1925—1929 гг. — 97; процент роста имущественных преступлений без насилия в 1932 г. по отношению к 1925—1929 гг. — 49.

Наиболее интенсивно возросли, таким образом, имущественные преступления с насилием.

Судя по официальным данным, число преступлений против государства и общественного порядка относительно невелико. Однако и в отношении этих преступлений должен быть отмечен интенсивный темп роста; на 80% возросло число преступлений в виде «бунта», в 2½ раза возросло число «незаконных собраний» и т. д.

Преступления против денежного обращения также значительно увеличились. Так, например, подделка и сбыт фальшивых денег за рассматриваемый период возросли на 68%, чеканка — на 185% и сбыт — на 73%.

В целом преступления против денежного обращения за 1925—1932 гг. рисуют картину непрерывного роста, усилившегося в 1932 г., когда число этих преступлений возросло по сравнению с предкризисным периодом на 68%.

Выше мы уже указывали на исключительно интенсивный рост имущественных преступлений. Детализируя общие данные о динамике имущественных преступлений, мы наблюдаем такую картину роста наиболее серьезных видов имущественных преступлений.

Англия и Уэльс. Преступления против собственности с насилием, ставшие известными полиции (1925—1932 гг.)

Преступления	1925—29 гг.	1930 г.	1931 г.	1932 г.
Все преступления против собственности с насилием	20 505	26 248	31 671	40 509
В том числе:				
кража со взломом	1 260	1 449	1 488	1 925
домашняя кража со взломом	7 613	9 720	12 261	16 408
магазин. кража со взломом	9 533	11 846	14 278	17 240
покушение на кражу со взломом	1 603	2 492	2 899	3 711
владение орудиями взлома	160	267	338	450
разбой	132	217	208	342
вымогательство	55	89	71	100

Число краж со взломом возросло на 53%, число домашних краж со взломом возросло на 116%, число магазинных краж возросло на 81%. Также значительно возросло и число покушений на эти виды краж. С другой стороны, резко увеличилось число случаев разбоя и грабежа (на 159%) и вымогательства (на 82%).

Рассматривая динамику тяжких видов имущественных преступлений по годам (1930 — 1932 гг.), мы должны отметить увеличение темпа роста: так, в 1930 г. число преступлений возросло на 25%, в 1931 г. еще на 30% и в 1932 г. еще на 42%.

Из других имущественных преступлений, отнесенных к более тяжким их видам, нужно указать на поджог и так называемые способы истребления или повреждения чужого имущества. Число этих преступлений возросло в целом на 33%.

Менее интенсивно, но все же значительно, увеличилось число имущественных преступлений, совершенных без насилия.

Прежде всего необходимо отметить усиление темпа роста имущественных преступлений, совершенных без насилия:

В 1930 г. на 12%

В 1931 г. на 7%

В 1932 г. на 41%

Рост должен быть отмечен по всем категориям преступлений, относимых английской статистикой к имущественным преступлениям без насилия. В процентах этот рост характеризуется следующими цифрами: квалифицированная кража — на 67%, простая кража — на 66%, присвоение — на 12%, мошенничество — на 39%, укрывательство — на 28%.

Если в отношении имущественных преступлений должен быть отмечен исключительно быстрый темп роста преступлений, то в отношении преступлений против личности в 1930 — 1932 гг. наблюдалась несколько иная картина.

Общее число преступлений против личности за рассматриваемый период по сравнению с 1935—29 гг. не увеличилось. По некоторым категориям преступлений может быть отмечено даже некоторое снижение (например, убийство, аборт, изнасилование).

Рост обнаружил такие преступления, как противоестественный разврат и педерастия (рост на 30 и 52%).

Англия и Уэльс. Преступления против личности, ставшие известными полиции (1925—1932 гг.)

Преступления	1925—29 гг.	1930 г.	1931 г.	1932 г.
Все преступления против личности . . .	5 181	5 669	5 283	5 180
В том числе:				
убийство	406	391	375	385
тяжкие телесные повреждения	152	192	165	195
аборт	82	98	98	78
противоестественный разврат	408	445	444	533
педерастия	170	203	178	258
изнасилование	105	89	90	72
половые преступления над женщинами	1 844	1 871	1 668	1 590
растление	354	460	461	347
двоеженство	382	374	323	338

В общем динамика преступности в Англии за 1930—1932 гг. характеризуется исключитель-

ным подъемом имущественных преступлений, ростом «государственных преступлений» и незначительным снижением некоторых видов преступлений против личности.

V.

Если исходить из общих цифр германской судебной статистики, то можно было бы прийти к выводу, что годы мирового кризиса не отразились на динамике преступлений в сторону их роста; данные за период 1928—1932 гг. говорят о почти неизменном уровне числа осужденных в эти годы.

Обращаясь к рассмотрению абсолютного числа осужденных, мы видим, что за преступления и проступки в Германии было осуждено в 1931 и 1932 гг. по 564 тыс. чел. Однако при стабильности таких массовых преступлений, какими являются преступления против личности отмечается рост убийств, смертельных повреждений, аборт; за три года число осужденных за убийство возросло на 11%, за смертельные повреждения — на 60% и за аборт — на 11%. Значительно возросло и число осужденных за имущественные преступления: за три года число осужденных за разбой возросло на 67%, за простую кражу — на 9% и за квалифицированную кражу — на 41%. Нельзя не указать на очень высокий уровень числа осужденных за мошенничество, на которых приходится $\frac{1}{10}$ всего числа осужденных за преступления и проступки в Германии.

Первый вывод, к которому следует прийти при анализе данных германской уголовной статистики, — это рост наиболее тяжких видов преступлений против личности и общий подъем имущественных преступлений. О преступлениях «государственных» мы беремся судить не на основе официальных данных, а на основе данных МОПР, так как официальная статистика не дает никакого представления о классово-юстици и белом терроре в Германии. См. таблицу на стр. 36.

Приведенные нами показатели говорят об исключительном развитии в Германии белого террора и методов внесудебной расправы с революционным движением.

Возвращаясь к анализу данных официальной статистики Германии, мы констатируем непрерывный рост рецидива, достигнутого в Германии в настоящее время наиболее высокого уровня. Если в 1925 г. процент рецидивистов среди осужденных составлял 25, то в 1932 г. он уже почти удвоился достигнув 43. Общее число рецидивистов в 1925 г. составляло около 144 тыс.; в 1931 г. эта цифра достигла 232 тыс. Наиболее значительно возросло число многократных рецидивистов — с 38 т. в 1925 г. до 70 т. в 1931 г.

$\frac{1}{2}$ осужденных приходится на рабочих, причем основная масса падает на индустриальных и торговых рабочих. Классификация социального состава в Германии построена так, что не представляет возможным выявить безработных, составляющих в действительности значительную часть осужденных.

Распределение осужденных по возрасту указывает, что в Германии $\frac{1}{4}$ осужденных приходится на молодежь в возрасте до 25 лет. Сопоставляя изменения возраста осужденных за три года — 1929—1931 гг., — мы обнаруживаем увеличение удельного веса осужденных в возрасте 18—25 лет.

Показатели	Г о д ы					
	1928	1929	1930	1931	1932	1933
Арестовано	1 308	5 397	17 844	47 327	12 276	219 943
Ранено	601	1 490	10 137	22 265	2 738	160 083
Убито	18	48	74	113	220	2 664
Домашние обыски	702	3 208	805	2 717	756	837 421
Запрещение общественных организаций	62	385	214	821	354	1 075
Политзаключенные	сведений нет		—	7 000	5 000	145 000

Основную массу осужденных в Германии составляют трудящиеся в возрасте 18—30 лет.

Рассматривая наказания, примененные германскими судами в 1929—1932 гг. мы констатируем несомненное усиление репрессии. Так, процент приговоренных к смертной казни вырос на 33, процент приговоренных к каторге вырос на 36, процент приговоренных к тюремному заключению вырос на 33; нужно указать, что наиболее значительно возросло долгосрочное тюремное заключение.

Применение в качестве наказания штрафа заметно уменьшилось — с 406 тыс. чел. в 1929 г. до 317 тыс. чел. в 1932 г., т. е. на 22%.

½ всего осужденных в Германии приговорено к тюремному заключению. В отношении целого ряда групп осужденных тюремное заключение оказывается даже преобладающей мерой наказания; это относится к преступлениям против нравственности, абортam, кражам, разбою, мошенничеству. К смертной казни, применение которой за последние годы даже в судебном порядке значительно возросло, приговорены осужденные за убийство и за некоторые другие преступления. К каторге приговорены, главным образом, осужденные за имущественные преступления.

Общий вывод — тюремное заключение и отчасти каторга в Германии вновь более становятся универсальным наказанием. Рост смертной казни и белого террора сочетается, таким образом, с ростом удельного веса тюрьмы.

Размах белого террора в Германии, как отмечается в воззвании ИККИ (XIII пленум) выражается в весьма красноречивых цифрах 1933 г.: 2,5 тыс. убитых фашистами коммунистов и 130,0 тыс. заключенных в концентрационных лагерях.

Сопоставляя данные МОПР о белом терроре в Германии за ряд последних лет (1928—1933 гг.), мы наблюдаем такую картину:

Эти, еще раз подчеркиваем, далеко не полные цифры жертв фашистского террора в Германии, рисуют совершенно небывалую картину увеличения арестованных, раненых и убитых в двести (!) раз. Если же учесть, что данные за 1933 г. относятся лишь к первой половине, что белый террор в Германии во второй половине 1933 г. отнюдь не ослабел, то следует признать, что темп роста жертв фашизма был еще более значителен.

Сопоставляя данные за первые полугодия 1932 и 1933 гг., мы отмечаем также исключительные темпы роста; обысков в 1076 (!) раз, арестованных — в 15 раз, раненых — в 61 раз,

Число арестованных, раненых и убитых в Германии в 1928 и 1933 гг.

	1928 г.	1 полу- вина 1933 г.	Во сколь- ко раз возросло (средне- месячн.)
Число арестованных	1 308	107 123	в 164
Число раненых	661	84 055	в 1255
Число убитых	18	1 550	в 172
Итого	1 987	192 728	в 193

убитых — в 19 раз. За одно только полугодие 1933 г. произошло колоссальнейшее увеличение «деятельности» фашистов и их организаций в борьбе с революционно-коммунистическим движением.

	За пять лет 1928—1932 гг.	За 1 половину 1933 г.
Убито	473	1 550
Ранено	37 291	84 056
Арестовано	84 152	107 123
Итого	121 916	192 728

В результате таких темпов роста внесудебной расправы германская политическая юстиция отнесена на задний план.

Годы	Всего подверглось репрессиям	В том числе:	
		без суда	по суду
1928—1932	100,0%	77,8	22,2
1933	100,0%	99,9	0,1

Если в предшествующем пятилетии германская политическая юстиция в борьбе с рево-

люционно-коммунистическим движением игра-ла некоторую роль, и каждый пятый, подверг-шийся репрессии, оказался осужденным судом, то ныне белый террор играет основную роль, и из каждой тысячи репрессированных 999 по-несли наказание без суда и лишь один осужден судом. Ныне Германия по размаху белого тер-рора стоит на первом месте во всем капита-листическом мире.

Жертвы германского фашизма (в процентах к чи-слу жертв белого террора во всех странах капи-тала)

1928 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.
0,6	2,1	3,9	7,6	2,2	52,4

Эти цифры говорят о том, что германский белый террор после прихода к власти фаши-

стов настолько возрос, что в 1933 г. дает боль-ше половины всех жертв внесудебной репрес-сии во всех странах капитала.

Процент убитых, раненых и арестованных в Гер-мании к общему числу во всех странах капита-ла

	1928 г.	1933 г.
Убитые	0,01	3,5
Раненые	1,5	61,8
Арестованные	1,1	56,6

Приведенные цифры весьма красноречивы. Они рисуют, хотя и далеко не полно, процесс обострения классовой борьбы в странах капита-ла, в особенности в тех из них, которые всту-пили на путь фашизма.

САФОНОВ, РЕНЕВ

Близорукие судьи

Партия и правительство неоднократно ста-вили перед органами прокуратуры и суда за-дачу беспощадной борьбы со всеми вылазками классовых врагов и их агентуры, против удар-ников и знатных людей производства.

С целью усиления судебной репрессии по де-лам этой категории 20 февраля 1932 г. введе-на в УК специальная статья 73^а ч. 1 и 2.

В связи с изданием этого закона в практике органов юстиции выработалась твердая линия, помогающая развитию ударничества и повыше-нию производительности труда.

Однако еще продолжают кое-где иметь ме-сто случаи политической близорукости некото-рых судей, извращающих директивы партии и правительства.

Ярким примером может служить дело Водно-транспортного суда Горьковского участка по обвинению Синегубова, Утова и Голыгина по ч. 2 ст. 73^а УК.

Синегубов и Утов работали в Горьковском затоне на ледокольных работах, а Голыгин—плотником там же. В конце февраля 1935 г. увольняется за лжеударничество и рвачество Синегубов. Инициатором разоблачения Синегу-бова был премированный ударник и лучший общественник Тюрин, член группы содействия прокуратуре. Таким же порядком Тюрин по-ступил и с лжеударниками Утовым и Голыги-ным, которых он разоблачил на общем собра-нии. С этого момента разоблаченные рвачи за-таили против Тюрина злобу и желание ото-мстить ему. Иногда эта злоба прорывалась на-ружу и об угрозах отомстить Тюрину стало известно некоторым рабочим, которые боялись отпускать Тюрина по вечерам одного из обще-жития. Утов и компания ненавидели Тюрина не только за его разоблачение. Их ненависть питалась также и завистью к нему, так как Тюрин, будучи лучшим из лучших ударников, зарабатывал больше их в четыре и даже пять раз и кроме того неоднократно премировался. Развязка произошла 5 мая. Тюрин вечером шел в красный уголок. По дороге на него напала

утовская тройка, предварительно подкрепив-шаяся для храбрости литровкой. Избиение Тю-рина увидела работница — ударница, член пар-тии т. Евдошина, которая бросилась выручать Тюрина. Последний вырвался и убежал в крас-ный уголок. Утовцы, упустив Тюрина, поряд-ком избили Евдошину. Неудовлетворившись «победой» над Евдошиной, Утов и компания остались караулить возвращения Тюрина из красного уголка. Однако им не повезло. Вме-сто Тюрина они по ошибке схватили и начали избивать похожего на Тюрина сторожа Те-рентьева. Послушаем, что рассказывает на су-де потерпевший Терентьев.

«Пьяные хулиганы Голыгин, Утов и Синегу-бов стали искать Тюрина, и Утов, увидя меня, закричал: братко, вот где Тюрин! Все эти лица, признавая меня за Тюрина, стали избивать. Утов ударил меня несколько раз по лицу, раз-бил мне нос и расшиб лицо. Я стал кричать,— за что вы меня бьете?! Тогда Синегубов, взгля-нув мне в лицо, сказал: Это дядя Яша. И по-бой были прекращены».

После этого вся тройка ввалилась в крас-ный уголок, но там Тюрина уже не было. Пре-ступники, пригрозив что они еще покажут Тю-рину, удалились домой. Свои угрозы Утов и ком-пания не успели осуществить, так как проку-ратура Горьковского участка возбудила против них уголовное дело. Однако прокуратура с первых же шагов следствия допустила оши-бку, не арестовав Утова и его сообщников. Кро-ме того исключительное несложное, с точки зрения следствия, дело расследуется два меся-ца. Не говорит ли эта волокита о том, что про-курор не понял политического значения дела. К сожалению, и суд вместо исправления углубил ошибку, допущенную прокурором: имея воз-можность на подготовительном заседании пере-смотреть вопрос о мере пресечения к обвиня-емым, суд этого не сделал. В результате после назначения дела к слушанию, один из винов-ников (Синегубов) скрылся. Между тем обще-ственность прекрасно уяснила политическое

значение дела и как бы предупреждала суд о недопущении ошибок, что видно из протокола общего собрания рабочих и ИТР затона, потребовавшего сурового наказания виновникам расправы с Тюриным, расценивая факт преступления как вылазку классового врага.

Местный комитет профсоюза, характеризуя Синегубова, Утова и Гольгина как рвачей и лодырей, считал Тюрина лучшим ударником производства и самым активным общественником затона. Больше того местком прямо указывал, что Тюрин пострадал в результате своей активной борьбы с лодырями и рвачами. И вот то, что было ясно рабочим затона, то не ясно было горе-судьям, потерявшим классовую бдительность. Водно-транспортный суд Горьковского участка в составе председательствующего Бояркина и членов Исаева и Курносова, заслушав дело 20 июля, прекратил его по следующим мотивам:

1) нерозыск главного обвиняемого Синегубова;

2) характер преступления какой-либо особой злобности не представляет;

3) само дело утратило общественный интерес, так как факт преступления имел место несколько месяцев назад».

В. ТАДЕВОСЯН

Овчинка выделки не стоит

В самом деле, будет прокурор заниматься такими пустяковыми делами как взыскание нескольких десятков рублей с одного гражданина в пользу другого! «Мировые» масштабы прокурорской деятельности прокурора Бярятинского района Западной области не позволяют ему заниматься такими мелочами. Тем более не к лицу областному прокурору снисходить до таких дел, в которых овчинка выделки не стоит.

Но послушаем, как об этом деле рассказывает в своей жалобе на имя прокурора СССР гр-ка Забродскова-Петрова, истица по делу:

«Я, Забродскова-Петрова, Прасковья Филипповна, села Посконь того же сельсовета Мясковского района Западной области с 1918 года, состоя вдовой с двумя малыми детьми, влачила жалкое бедняцкое существование. За много лет скопила 9 штук овчин и отдала их в выделку овчиннику Чеклецову, Павлу Агафонову, дер. Холмы, Бярятинского района, Западной области. Чеклецов овчины растратил и лишил меня с детьми необходимой одежды, на что и пожаловалась в Бярятинский райсуд. Суд присудил взыскать с Чеклецова стоимость овчин, которые были оценены крайне низко, лишь в 48 руб., на что и был выдан исполнительный лист за № 2179 от 23 июля 1931 г. Судисполнитель гр-н Логутенко деньги взыскал, но мне не уплатил.

23 августа 1931 г. я обратилась к прокурору Бярятинского района, который никаких мер к уплате мне денег не принял.

29 сентября 1931 г. я повторила мою жалобу тому же прокурору, но также напрасно.

Конечно это постановление Верховный суд отменил и предложил суду заслушать дело по существу.

Однако и при втором рассмотрении дела, тот же состав суда, признавая дело сугубо политическим, делает совершенно неожиданный вывод, приговорив Утова и Гольгина к недопустимо мягкому наказанию: Утова к 1 году и-т. работ, а Гольгина — к 8 месяцам и-т. работ по месту работы.

По протесту прокурора, приговор был отменен Верховным судом и дело снова возвращено для нового рассмотрения.

Таким образом, следствием, прокуратурой и особенно судом был допущен ряд ошибок: неправильное применение меры пресечения, волокита со следствием, потеря судьями классовой бдительности. Сейчас, когда стахановское движение могучей лавиной разливается по всем отраслям народного хозяйства нашей страны, когда перед органами суда и прокуратуры стоит задача гарантировать стахановцам полную безопасность от вылазок классовых врагов и возможность дальнейшего развития стахановского движения вглубь и вширь, уроки настоящего дела должны быть учтены каждым прокурором, каждым судьей и работником следствия.

21 ноября 1931 г. я обратилась в Зап. обл. исполком и тоже напрасно.

7 марта 1932 г. я обратилась в редакцию «Рабочей газеты», Москва, которая также направила в Зап. обл. исполком на расследование, но успеха не имело.

10 февраля 1933 г. я обратилась во ВЦИК за № 10/8, которое было направлено также в Зап. обл. исполком, что также успеха не имело и т. д.».

И вот, наконец, в 1935 г. новое письмо о том же было послано прокурору Союза ССР, так как деньги за овчинки в течение более 4 лет так и не были вручены истице.

Неугомонная истица покою не дает, все пишет и пишет. Так нередко бывает, особенно за последние годы, когда вместе с невиданным ростом культуры в нашей стране растет в ней и нетерпимое отношение ко всяким чиновникам и бюрократам. А бывает теперь очень часто именно так, что не дают покоя бюрократу, жалуются на его действия вплоть до самых высших инстанций.

Какое, однако, хладнокровие, больше того, преступное равнодушие проявляют иногда те, которым надлежит бороться с бюрократизмом!

Вы думаете, возмущился сколько-нибудь прокурор Западной области, когда ему стало известно из письма прокурора Союза обо всем вышеизложенном? Нисколько! Наоборот, нам кажется, что на его лице появилась легкая усмешка по адресу тех, которые заставляют прокурора области (подумайте только!) заниматься такими делами: овчинка выделки не стоит.

Во всяком случае, получив письмо прокурора СССР от 28 июля 1935 г. с предупреждением срочно проверить и о принятых мерах сообщить, прокурор Западной области не дал никакого ответа ни в августе, ни в сентябре, ни в октябре, ни в ноябре. Ничто не могло нарушить спокойного состояния совести прокурора области, он не отвечал на повторные письма и требования Прокуратуры Союза. И только после того, как новое письмо прокурора СССР грозно напомнило о возможных последствиях подобной волокиты, последовал локанический ответ зам. прокурора области т. Болдырева от 9 декабря 1935 г.: «Доношу, что 48 руб. взысканы и пересланы Загородской-Петрвовой». И все.

Как-будто бы ничего и не было, все шло нормально и правильно. И стоит ли вообще портить кровь и волноваться из-за каких-то несчастных овчинок. Да и прокурор СССР, не будет же он из-за этого настаивать на представлениях ему объяснений по поводу волокиты.

Нет, он будет! Да еще через печать — этого лучшего помощника в борьбе с насквозь прогнившими бюрократами.

Но прокурор Союза ССР не ограничился помощью печати; бюрократизм т. Болдырева и безобразные порядки в прокурорских органах Западной области нашли свою оценку в соответствующем приказе Прокуратуры Союза.

Пусть это послужит уроком для других!

Судебно-надзорная практика Прокуратуры Союза

Нарсуд 2-го участка Октябрьского р-на г. Москвы в числе других приговорил по закону 7/VIII к 10 годам лишения свободы Ашмарина и Решетова.

В магазине № 157, в котором работали эти обвиняемые в качестве заместителей зав. гастрономической секцией, за период с 10/VI по 17/IX 1934 г. оказалась недостача в сумме 11 348 р. 75 к. Суд пришел к выводу, что недостача эта образовалась вследствие хищений, совершенных названными обвиняемыми.

В качестве оснований для такого вывода суд в своем приговоре приводит три конкретных факта:

1. Отпуск Ашмариним Решетову без оплаты продуктов на 31 руб. Передача Ашмариним чека на 14 руб. (по которому уже однажды был отпущен товар) гр. Савицкой, которая пыталась по этому чеку получить товар вновь, и отпуск продавцом Щукиным гр. Федоровой продуктов на 20 руб. без оплаты по записке от имени Ашмарина, составленной Черемисовым в целях изблечения преступной деятельности Ашмарина.

На этих трех доказательствах, говорящих о незаконном отпуске продуктов в общей сложности на 75 руб., зиждется обвинение обоих обвиняемых в расхищении товаров на 11 348 руб.

Не говоря уже о том, что обоснование серьезного обвинения, квалифицируемого по закону 7/VIII, только этими, приведенными выше фактами, само по себе является мало убедительным, что при рассмотрении этого дела суд не учел целого ряда серьезнейших обстоятельств, проходивших по делу и освещавших действительные причины недостачи товаров в этом магазине, сами эти, приводимые судом факты, материалами дела не подтверждаются.

Отпуск Ашмариним Решетову бесплатно продуктов на 31 руб., как видно из материалов дела, произошел при следующих обстоятельствах. Самый отпуск продуктов Решетову разрешен зам. зав. магазином Рыженковым и ничего незаконного в себе не заключал. Продукты были отпущены Решетову Ашмариним. В момент отпуска продуктов Решетову, уже окончивший работу и уходивший домой, вместо того, чтобы уплатить деньги непосредственно в кассу, передал их Ашмарину с тем, чтобы тот внес их в кассу. В тот же день через 2 или 3 часа Ашмарин эти деньги в кассу внес через рабочего Хренова. Это подтверждает и Черемисов, и рабочий Хренов. При этих условиях и Решетову и Ашмарину можно было поставить в вину только то, что они злоупотребили своим положением, не оплатив стоимости товара до его отпуска. Но расценивать этот эпизод как бесспорную улику, изблещающую их в попытке расхищения товаров, у суда оснований не было.

Случай с чеком в 14 руб., по которому обвиняемая Савицкая пыталась получить товар, основан, главным образом, на показаниях свидетелей Павлова и Инкрамуера. Они видели, якобы, как Ашмарин вместо того, чтобы наколоть 14-рублевый чек (по которому был отпущен товар) на наколку, этот чек спрятал. На показании обоих этих свидетелей чрезвычайно противоречивы. На дознании Павлов показал, что он видел как Ашмарин спрятал чек «в карман». На суде же он уже меняет свои показания, он видел, как чек был спрятан Ашмариним «в руку». Другой свидетель, Инкрамуер, на дознании ни словом не упоминает, что Ашмарин прятал чек. На суде он заявляет, что видел как Ашмарин прятал чек в карман. Но свидетеля Инкрамуера тут же на суде опровергает Павлов: «Ког-

да Ашмарин брал чек, видел лишь я один, Инкрамуера я в этот момент не видел и он этот случай подтвердить не может». Самого факта передачи чека Ашмариным Савицкой никто не видел. Таким образом обвинение Ашмарина в незаконной передаче Савицкой чека не имеет под собой достаточных оснований так же, как и обвинение Савицкой в пользовании этим чеком.

Случай с этим чеком суд истолковывает как доказательство систематической совместной преступной деятельности Ашмарина и Савицкой. При рассмотрении этого дела в надзорном порядке президиум Мосгорсуда, заменяя Савицкой лишение свободы годом и-т. работ условно нашел, что «материалами дела не устанавливается со стороны Савицкой систематического получения преступным путем продуктов из магазина» и что она «изообличается в попытке получения продуктов на сумму только 14 руб.». При этих условиях, казалось бы, перед президиумом Мосгорсуда должен был встать вопрос об обоснованности обвинения и Ашмарина. Президиум же прошел мимо этого обстоятельства и оставил приговор в отношении его без изменения.

Наконец, последний факт, приводимый судом в подтверждение вины Ашмарина, — это **отпуск продавцом Щукиным продуктов** по записке, составленной от имени Ашмарина обвиняемым Черемисовым. Суд должен был подойти с особой осторожностью к этой «улике», целиком искусственно созданной обвиняемым Черемисовым, заинтересованным в изобличении Ашмарина, поскольку это снимало с него, как зав. секцией ответственность за недостачу. Записка, по которой Щукин отпустил продукты Федоровой, писалась не Ашмариным, ее писал Черемисов, сделав подложную подпись Ашмарина. В этой записке, как рассказывает сам Черемисов, было написано всего три слова «Щукин отпусти. Ашмарин». Какие основания имеются для того, чтобы отпустить продукты по этой записке, писанной не Ашмариным, а от его имени кем-то другим, считать уликой против Ашмарина? Это могло служить уликой лишь при том условии, если бы хоть чем-нибудь было подтверждено, что Ашмарин находился в преступной связи с Щукиным, что случаи незаконного отпуска продуктов Щукиным по распоряжению Ашмарина были и раньше и т. д. Ничего этого решительно не установлено, наоборот, на протяжении всего следствия проходил целый ряд показаний о том, что Ашмарин ни разу ни в каких хищениях не был замечен.

Если в отношении Ашмарина, в силу изложенного, отпадает обвинение в хищениях, то еще меньше оснований для такого обвинения в отношении Решетова. О нем суд приводит единственный случай с получением продуктов на 31 руб. — о необоснованности этого обвинения сказано выше. Каких-либо других изобличающих его данных не приводит и сам приговор. Показания единственной свидетельницы Волковой, изобличавшей Решетова, не могут служить обоснованием для обвинения ввиду совершенно очевидной их надуманности и противоречивости. На дознании она утверждала, что видела через зеркало, как Ашмарин и Решетов при ней накладывали продукты в карман. Когда, какие продукты, почему она тут же об этом никому не заявляла, ничего об

этом она не говорит. На суде та же свидетельница дает уже совсем другое показание утверждая, что «за Ашмариным я не замечала, чтобы он брал продукты».

Сосредоточив все свое внимание на изложенных выше трех эпизодах и неправильно их истолковав, суд совершенно игнорировал целый ряд существеннейших обстоятельств, объяснявших образовавшуюся недостачу. Целый ряд данных, проходивших по делу, свидетельствуют о том, что в магазине имела место недопустимая обезличка, что оборудование магазина совершенно не обеспечивало хищение со стороны, что из-за отсутствия места для хранения товаров они складывались «в коридоре на ходу» с свободным доступом к ним посторонних лиц, что в магазине систематически задерживались и отправлялись в милицию подозрительные лица с фальшивыми чеками (многочисленные акты об этом имеются в деле), что за период работы Ашмарина и Решетова было уволено свыше 20 продавцов, подозреваемых в хищениях, и, наконец, то, что и после увольнения Ашмарина и Решетова недостачи из-за всех этих причин не только не снизились, а продолжали расти. Игнорирование всех этих обстоятельств как на предварительном следствии, так и на суде исказили перспективу дела и направили его по ложному пути.

Имея в виду, что никаких оснований для квалификации действий Ашмарина и Решетова по закону 7/VIII 1932 г. нет, что в их действиях имеют место признаки ст. 111, что наказание, которое они должны понести, не может быть более тяжелым, чем то, которое понес заведующий секцией Черемисов, в первую очередь отвечающий за беспорядки в магазине, и что, учитывая личность обоих осужденных, нет никакой необходимости лишать их свободы, Прокуратура Союза ССР опротестовала приговор в отношении Ашмарина и Решетова и Савицкой, поскольку с отпадением обвинения против Ашмарина, передававшего якобы ей 14-рублевый чек, отпадает и обвинение против нее.

Коллегия Верховного Суда РСФСР по уголовным делам, рассмотрев протест Прокуратуры Союза ССР, определила преступление Ашмарина и Решетова квалифицировать по ст. 111 УК и определить им наказания по 1 году и-т. работ по месту новой работы, с удержанием 20% зарплаты. Приговор нарсуда в отношении Савицкой отменить и дело в отношении ее производством прекратить. Щукину наказание снизить до 1 года и-т. работ на общих основаниях, зачесть ему отбытое заключение и от дальнейшего отбывания наказания освободить.

Гражданский иск в порядке ст. 411 ГК определить с осужденных Ашмарина и Решетова по 2000 руб. с каждого.

**

Нарсуд 1-го участка Пролетарского р-на г. Москвы, рассмотрев 21—23/II 1935 г. в показательном процессе дело по обвинению ряда работников треста Нарлит о невыполнении постановления ЦИК и СНК СССР 9/IX 1934 г. об обязательном клеймении гирь и весов, в числе других, приговорил зав. филиалом столовой № 21 Бычкова П. Г. по ст. 111 УК к 3 годам лишения свободы.

Определением кассационной коллегии МГС 5/III 1935 г. приговор был утвержден, а при последующем рассмотрении этого дела в порядке

надзора 4/V 1935 г. в президиуме МГС и 29/VI 1935 г. в судебной коллегии Верховного Суда РСФСР приговор в отношении Бычкова был оставлен в силе, а в отношении всех других осужденных по этому же делу к лишению свободы изменен и назначенное им наказание заменено и.т. работами.

Прокуратура Союза ССР опротестовала приговор в отношении Бычкова по следующим основаниям:

Осужденному Бычкову инкриминировано халатное отношение к служебным обязанностям, выразившееся в том, что он не принял мер к приведению в порядок весового хозяйства филиала столовой № 21, заведующим которого он состоял с октября 1934 г. по 1/1 1935 г.

Из материалов дела видно, что в филиале столовой № 21 обнаружены были гири по 200 г с клеймом 1932 г., одна гиря в 200 г без клейма, одна гиря в 500 г с клеймом 1929 г., одна гиря в 50 г с клеймом 1932 г., одна гиря в 500 г и три гири по 100 г с клеймом 1932 г., одна гиря в 500 г с клеймом 1929 г. и одна гиря в 500 г без клейма.

При исследовании этих гирь Палатой мер и весов не была установлена их неполновесность, в то время как в отношении множества гирь, отобранных в других столовых, работники которых были привлечены в качестве обвиняемых по настоящему делу, имелись прямые указания на их неполновесность.

Кроме того в деле нет никаких указаний на то, что хотя бы одному потребителю был отпущен товар из филиала столовой № 21 неполным весом.

Из показаний Бычкова и его помощницы Соановой устанавливается, что так как филиал столовой № 21 представлял собою только буфет, где крупным весом потребителю ничего не отпускалось, а отпускались только бутерброды и другие продукты небольшим весом, то обнаруженные без надлежащих клейм крупные гири, находившиеся в филиале еще до прихода туда на работу Бычкова, фактически не употреблялись, часть их находилась в кладовой, а часть лежала на прилавке в виде подставок.

Таким образом свидетельскими показаниями не подтверждено использование этих гирь, а экспертизой не подтверждена их неполновесность.

При таких условиях не было никаких оснований к избранию в отношении Бычкова, раньше несудимого, пенсионера-инвалида, имеющего хорошие характеристики с мест работы, члена партии с 1929 г., меры наказания, связанной с его изоляцией, тем более, что руководители треста Нарпит, на которых лежала основная ответственность за организацию весового хозяйства, осуждены к и.т. работам.

Президиум Верховного Суда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза ССР, постановил снизить Бычкову меру наказания до фактически им уже отбытого срока.

*

Нарсуд Краснохолмского р-на Калининской обл. 10/VII 1935 г. приговорил Варченко В. И. по ст. 109 УК к 2 годам лишения свободы. Определением ЖК Калининского облсуда приговор был оставлен в силе.

Суд признал Варченко виновным в том, что он, состоя в должности бухгалтера-инспектора

плодоовощного объединения Красно-пресненского ОП «Коммунар» и будучи направлен в Краснохолмскую межрайонную базу ОП для налаживания работы бухгалтерии и составления годового отчета, вместо налаживания работы и выявления растратчиков, давал незаконные распоряжения по списанию растратченных сумм, этим самым укрывая растратчиков. Суд при этом ссылается на тот факт, что Варченко допустил выписку зав. пунктом Кашинскому приходного ордера задним числом, без внесения наличных денег с тем, чтобы последний покрыл путем этой операции числящуюся за ним подотчетную сумму в 585 руб. Кроме того суд признал, что Варченко не проверил составленный по базе годовой отчет, который не отражал действительного состояния работы базы. Наконец, суд вменяет в вину Варченко, что он участвовал в попойках с руководством базы и работниками бухгалтерии как в конторе, так и на квартирах.

По делу установлено, что случай с Кашинским действительно имел место. Однако, как видно из показаний свидетелей Петропавловского и Алексея Варченко, разрешая выписку Кашинскому приходного ордера на 575 руб., действовал не с какой-либо корыстной целью и не ради укрытия растраты, а с единственной целью ускорить составление баланса, так как эта сумма «висела на балансе».

Суд не учел, что Варченко работником базы не являлся, бывал на базе изредка, и так как Кашинский до этого имел под отчет большие суммы и аккуратно в них отчитывался, у Варченко не было основания предполагать растрату, тем более, что, как видно из показаний Петропавловского и Кашинского, у последнего на руках имелись документы в частичное покрытие подотчета, кроме того Кашинский имел встречную претензию к администрации по командировочным расходам. Следует отметить, что позднее Кашинский в 585 руб. отчитался.

Таким образом, деяние Варченко в данном случае признаков уголовного преступления не носит, а должно быть признано служебным проступком.

Непроверка годового отчета, составленного бухгалтерией базы и не отражающего действительного положения вещей, хотя и может быть поставлена в вину Варченко, но так же лишь в порядке квалификации этого случая, как халатности, предусмотренной ст. 111 УК, а не 109.

Что касается обвинения Варченко в участии в пьянках с работниками бухгалтерии, то хотя по делу и установлено два случая, когда Варченко участвовал в выпивках, это не может служить основанием для того, чтобы признать, что Варченко вместе с остальными составляли одну преступную компанию.

По этим основаниям Прокуратура Союза ССР опротестовала приговор нарсуда в отношении Варченко.

Президиум Калининского облсуда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза ССР, постановил деяние Варченко квалифицировать по ст. 111 УК, определив ему меру наказания в 1 год и.т. работ с вычетом из зарплаты 25%.

Байков работал в столовой № 153 Ленинского треста в качестве зам. зав. и кладовщика с июня по октябрь 1934 г.

За это время у Байкова была обнаружена недостача продуктов на 938 р. 52 к., что по коммерческой цене составляло 2550 руб.

Недостача продуктов и по собственному признанию Байкова произошла вследствие того, что он не составлял акты на списание испортившихся продуктов. Гражданский иск к Байкову был предъявлен из расчета коммерческой стоимости недостающих продуктов.

Нарсуд по делам Моснарпита признал Байкова виновным по ст. 111 УК и приговорил его к и.-т. работам сроком на 6 мес. с удержанием 20%.

При обсуждении вопроса о гражданском иске суд определил в силу ст. 411 УК взыскать с Байкова 1000 руб.

Кассколлегия горсуда, приняв во внимание, что в результате халатного отношения Байкова к служебным обязанностям в столовой образовалась недостача товаров на сумму 2550 руб. и что Байков в 1933 г. уже судился за халатность, нашла приговор суда мягким, отменила его и передала на новое рассмотрение.

10/III 1935 г. нарсудом Моснарпита Байков был осужден по тому же самому обвинению уже к 2 годам лишения свободы с взысканием в пользу треста нарпит 2550 руб.

Кассколлегия горсуда этот приговор утвердила.

Прокуратура Союза СССР опротестовала определение КК горсуда 24/1 1935 г. и вытекающий из него приговор, по которому Байков был осужден к лишению свободы, по следующим основаниям: фактически недостача продуктов у Байкова составляет 938 руб. и кассколлегия не имела никаких оснований утверждать, что недостача эта составляет 2550 руб. так как эта сумма является результатом переоценки оказавшихся у Байкова в недостатке продуктов по коммерческой стоимости и так как этот вопрос мог иметь значение лишь при обсуждении размеров гражданского иска, который подлежал присуждению с Байкова.

Между тем размеры недостачи (938 руб. или 2550 руб.) имели существенное значение при определении меры наказания Байкову.

Что касается судимости Байкова, то действительно в 1933 г. он был осужден по ст. 111 УК к 4 мес. и.-т. работ, которые и отбыл.

Это обстоятельство, также фигурирующее в определении кассколлегии как само по себе, так и исходя из содержания преступления, которое инкриминировалось Байкову по настоящему делу, не могло служить основанием к усугублению ответственности Байкова.

Президиум Мосгорсуда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза СССР, постановил оставить в силе первый приговор нарсуда, которым Байков был приговорен к 6 мес. и.-т. работ по месту работы, с удержанием 20% из зарплаты и со взысканием в пользу Ленинского треста нарпит 1000 руб.

**
*

Нарсуд 2 участка, Ленинского р-на 25/IV 1935 г. приговорил Аникина Е. С. по ст. 109 УК к 3 годам лишения свободы, удовлетворив гражданский иск магазина № 1 лит. «Б» Горта в 7309 р. 50 к.

УКК Мосгорсуда кассжалобу Аникина оставила без последствий.

Прокуратура Союза СССР опротестовала приговор нарсуда и определение УКК Мосгорсуда по следующим основаниям.

Аникину вменяется в вину, что он, работая в должности заведующего зеленой и молочной секцией магазина № 1 лит. «Б» Горта с 1/X 1934 г. по 1/XI 1934 г., допустил небрежное хранение товаров, в результате чего товар гнил, а также производил прием товаров без веса. Действия Аникина причинили Горту материальный ущерб в 7309 р. 50 к.

Из материалов дела устанавливается, что Аникин к работе относился добросовестно, оставался для приемки товаров ночью и в выходные дни.

Товары завозились в магазин больше пропускной способности его и из-за отсутствия соответствующих подсобных помещений для хранения овощей и фруктов они оставались на ночь на дворе и портились.

Вопрос о причинах увеличенного завоза товаров, приведших к порче их, остался невыясненным как во время расследования дела, так и на судебном заседании.

Суд не допросил ни одного работника магазина, ограничившись вызовом в судебное заседание лишь одного бухгалтера, который поступил на работу в магазин Горта уже после снятия Аникина.

Суд не проверил также заявление Аникина о том, что о всех безобразиях, творящихся в магазине, он своевременно сигнализировал Центральному управлению Горта.

Экспертиза не приняла ряд документов по формальным основаниям как ненадлежаще оформленные. Следовательно, необходимо было проверить их путем допроса работников магазина и лиц, подписавших таковые. При этих условиях размер гражданского иска, подлежащего взысканию с Аникина, недостаточно обоснован.

В момент рассмотрения дела Аникин отбывал наказание по приговору нарсуда 2-го участка Фрунзенского р-на 1/IV 1935 г. по ст. 109 УК — 3 года лишения свободы за злоупотребления, допущенные им во время работы зав. магазином № 27 ФРОП с 19/1 1933 г. по 6/V 1933 г.

Нарсуд рассмотрел дело в отсутствие Аникина, ограничившись посылкой извещения о доставке его в судебное заседание. В данном случае суд не имел права при отсутствии согласия обвиняемого на заочное рассмотрение дела рассматривать дело в отсутствие Аникина, который, находясь под стражей, не мог свободно распоряжаться собой. Мотивировка суда о невозможности доставки обвиняемого Аникина в судебное заседание не может явиться основанием для заочного рассмотрения дела.

Президиум Мосгорсуда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза СССР, постановил приговор нарсуда и определение кассколлегии отменить и дело передать на новое рассмотрение в тот же суд в другом составе.

**
*

Нарсуд г. Краматорска приговорил по ст. 99 УК УССР к 3 годам лишения свободы Капдуна И. А., зав. магазином Юрс. Приговор этот был утвержден кассколлегией Донецкого облсуда и в порядке надзора уголовно-судебной коллегией Верхсуда УССР.

Прокуратура Союза ССР опротестовала приговор в отношении Каплуна по следующим основаниям.

Материалами дела установлено, что осужденный Каплун 20/XII 1933 г. был назначен заведующим магазином № 10 Орса металлургов.

В этот же период времени Орсом был назначен в качестве помощника заведующего магазином № 10 Савченко.

В процессе совместной работы с Савченко Каплун установил такой порядок, по которому на обязанности Савченко лежала сдача в банк денежной выручки магазина. Воспользовавшись этим и получив для сдачи в банк 3/II 1934 г. 4110 руб. и 4/II 1189 руб., Савченко фактически сдал в банк 110 и 189 руб., а для сокрытия этого преступления учинил подлог в приемных квитанциях банка. 6/II 1934 г., получив для сдачи в банк 2760 руб.; Савченко с этими деньгами скрылся. Таким образом Савченко присвоил 7760 руб. Преступление Савченко было вскрыто путем сличения отчетов магазина с авизо банка.

Помимо растраты Савченко этой суммы, в магазине была обнаружена недостача еще 547 руб. Происхождение этой недостачи материалами дела не установлено, но весьма вероятно, что она также явилась результатом преступных действий Савченко.

В результате привлеченным по настоящему делу оказался зав. магазином Каплун.

В основном обвинение его сводится к излишней доверчивости к своему помощнику Савченко.

Это обвинение усложнено еще следующими обстоятельствами:

суд в своем приговоре пишет, что Каплун «сразу же начал доверять ему (Савченко) не только дела в магазине, но и сдавать в банк деньги», несмотря на то, что в магазине имела специальная кассирша, нанятая самим же Каплуном.

Кассколлегия облсуда в своем определении мотивирует правильность осуждения Каплуна тем, что Каплун, «замечая за пом. заведующего (Савченко), что он является ненадежным лицом, однако доверял ему большие суммы денег».

Наконец, уголовно-судебная коллегия Верховного суда в своем определении по этому вопросу считает, что «Каплун, недостаточно изучив вновь принятого работника Савченко, доверял ему сдавать в банк значительные суммы денег», а кроме того, «принимая от него поддельные документы, не проверял правильность их в банке».

Все эти утверждения перечисленных судебных инстанций не находят подтверждения в материалах дела и явно несостоятельны, особенно если учесть, что ни одна из них не поинтересовалась тем, что такой порядок сдачи выручки существовал в торговых предприятиях Орса и таким образом, по существовавшему в Орсе порядку, распределялись обязанности между зав. магазином и его помощником.

Без проверки этих основных вопросов не представлялось возможным решить вопрос и о том, являлся ли излишняя доверчивость Каплуна к Савченко уголовно-наказуемой или нет.

Нарсуд в своем приговоре признал необходимым возбуждение уголовного преследования в отношении директора Орса Куприна за без-

ответственную посылку Савченко на работу на должность пом. заведующего.

Между тем Куприн, показания которого по делу Каплуна могли иметь существенное значение, по этому делу вообще допрошен не был.

Президиум Верховного Суда УССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза ССР, постановил приговор Краматорского нарсуда отменить и дело направить на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

Нарсуд 2-го участка Сокольнического р-на г. Москвы приговорил 7/II 1935 г., зам. зав. галантерейным отделом центральной торговой базы МСПО Крылова и агентов транспортной экспедиции той же базы Хромеева и Морозова по ст. 111 УК к 2 годам лишения свободы каждого со взысканием с них в пользу центральной торговой базы МСПО с первых двух по 693 р. 80 к., а с Морозова 1041 р. 94 к.

Прокуратура Союза опротестовала приговор нарсуда в отношении Крылова, Хромеева и Морозова по следующим основаниям:

Крылову вменены в вину халатность, выразившаяся в том, что, приняв 256 ящ. мыла, он не проверил правильности наличия мыла и оставил его в другой кладовой без присмотра, в результате чего было похищено 2500 кусков туалетного мыла; Хромееву — халатность, выразившаяся в том, что при перевозке и доставке 806 ящ. мыла, 550 ящ. никому не сдал; мыло пролежало 51 день без присмотра, в результате чего имело место хищение 2500 кусков туалетного мыла, и Морозову — халатность, выразившаяся в несдаче кому-либо под ответственность привезенного им на базу трикотажа, в результате чего произошло хищение его на сумму 1041 р. 94 к.

Между тем по имеющимся в деле материалам устанавливается следующее: на центральную торговую базу МСПО через транспортную экспедиционную контору базы завезено было 806 ящ. туалетного мыла. Так как администрацией базы не было заготовлено помещение для хранения этого мыла, то принимавший его дежурный комендант Жуков вынужден был это мыло складывать в кладовые без оформления сдачи мыла кладовщикам, которые категорически отказались расписаться в получении завезенного им туалетного мыла, так как не имели возможности обеспечить хранение его, вследствие чего и не хотели брать на себя ответственность.

Свидетельскими показаниями Уховского, Павлухина и Андриевского установлено, что кладовщики неоднократно ставили в известность начальника экспедиции Уховского о том, что мыло никем не принято, хранится в недопустимых условиях и расхищается.

Уховский в свою очередь ставил в известность начальника центральной базы о положении дела, но никто из администрации никаких мер не принимал.

При таких условиях Крылов, который не был заранее поставлен в известность о том, что ему надлежит обеспечить помещение для 250 ящ. мыла, и который не имел технической возможности изъять мыло из кладовой экспедиции, где оно хранилось под ответственностью кладовщика, так как помещение трикотажно-галантерейного отделения было совершенно загружено, и Хромеев, к обязанности которого от-

носились только погрузка и перевозка мыла, но не приемка его, которая производилась дежурным агентом Жуковым, не могут нести ответственности за тот хаос, который был в ЦТБ и в результате которого явилась недостача мыла.

Равным образом неправильно и привлечение и ответственности Морозова за недостачу трикотажа.

По приказу управляющего ТЭЖ т. Рураш, Морозов был командирован в комитет резервов для отправления в адрес ЦТБ трикотажа. Погрузку трикотажа Морозов производил в течение 24 час. без перерыва. Весь отправляемый Морозовым трикотаж отвозился без сопровождения и принимался дежурным комендантом базы.

Против такого способа перевозки товаров Морозов категорически возражал, указывая на ненормальность такой перевозки и угрозы хищения товаров в пути. Не взирая на возражения Морозова, т. Рураш свое распоряжение об отгрузке товаров без сопровождения ответственных лиц подтвердил, указав Морозову на то, что приемка трикотажа не обеспечена.

Подтверждением того, что трикотаж завозился на базу без повреждения упаковки (следовательно, без следов хищения) является отсутствие актов со стороны дежурных комендантов, принимавших трикотаж.

При таких условиях осуждение Морозова, который трикотаж не сопровождал и не сдавал на базу, а лишь погрузил с места отправления, является неправильным.

Президиум Мосгорсуда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза ССР, постановил приговор нарсуда и определение кассколлегии отменить и дело для нового рассмотрения со стадии предварительного следствия направить в Московскую городскую прокуратуру. Из-под стражи Крылова, Хромеева и Морозова освободить.

Нарсуд 1-го участка Моздокского р-на приговорил гр.гг. Орищенко Карпа, Орищенко Ефима и Орищенко Алексея по ст.ст. 107 и 72 УК к 10 годам лишения свободы каждого.

Определением КК Северокавказского крайсуда приговор этот был утвержден.

Основанием к осуждению братьев Орищенко послужили: обнаруженные у Алексея Орищенко незаполненный воинский билет, а у Ефима Орищенко — конская учетная карточка, текст которой был стерт, два составленных 19/V 1932 г. в поселковом совете Хонжонково на Украине протокола о наложении на Алексея и Ефима Орищенко штрафа за торговлю ботинками без выборки ими регистрационного удостоверения и показание свидетельницы Савенко о том, что она видела, как Орищенко Карп продавал на базаре один стакан подсолнечного масла за 3 р. 50 к.

Вынесенный нарсудом в отношении гр. Орищенко Карпа, Алексея и Ефима приговор Прокуратура Союза ССР опротестовала по следующим основаниям:

по делу ничем не установлено, чтобы обнаруженные у Алексея и Ефима Орищенко чистый бланк воинского билета и учетная конская карточка были ими подделаны. Алексей Орищенко объяснил, что бланк воинского билета найден был им на улице и хранился у него без намере-

ния воспользоваться им. Ефим Орищенко показал, что учетная конская карточка принадлежит ему и текст карточки был стерт его детьми.

Объяснения эти судом проверены не были. При таких условиях, поскольку ни воинский билет, ни учетная карточка в таком виде, в каком они были обнаружены у осужденных, не имели значения документов, у суда не было никаких оснований хранения этих бланков квалифицировать как подделку документов по ст. 72 УК, а тем более применять эту же статью к Орищенко Карпу, который никакого отношения к этим бланкам не имел.

Составленные в мае 1932 г. на Украине протоколы о беспатентной торговле Алексея и Ефима Орищенко обувью сами по себе, при отсутствии в материалах дела данных о том, при каких обстоятельствах эти протоколы были составлены, не могли служить основанием к привлечению их к ответственности за спекуляцию, а тем более к применению санкций закона 22/VIII 1932 г., который не имеет обратной силы.

Показание свидетельницы Савенко, удостоверяющей единственность ей известный случай продажи на рынке Карпом Орищенко одного стакана масла за 3 р. 50 к., при отсутствии в ее показании указаний на то, когда и при каких обстоятельствах последний продавал масло, также не могло служить основанием к привлечению его к ответственности за спекуляцию.

Президиум Северокавказского крайсуда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза ССР, постановил приговор нарсуда и определение кассколлегии отменить и дело производством за недоказанностью по п. «б» ст. 4 УПК прекратить.

Приговор, по которому обвиняемый Покальнис был осужден к 10 годам лишения свободы, был вынесен с серьезными нарушениями правил ведения следствия и судебного процесса.

Обвиняемому ставится в вину, что он растратил 2830 руб., принадлежащих Кирторгу. Осужденный признал себя виновным в присвоении только 1280 руб. Относительно остальных денег обвиняемый и на следствии, и на суде, и в своей кассационной жалобе утверждал, что у него на квартире имелись оправдательные документы, снимающие с него ответственность за эту сумму, и что, будучи под арестом, он просил, чтобы ему предоставили возможность в присутствии представителя органа дознания найти эти документы, но в этом ему было отказано, между тем ни суд, ни кассколлегия не обратили на это внимания и этот вопрос не обсудили.

Обвиняемый утверждает, что ему не было вручено судом обвинительного заключения. Эта жалоба обвиняемого вполне основательна, ибо в деле действительно нет никаких следов вручения подсудимому обвинительного заключения, что является серьезнейшим нарушением ст. 235 УПК, тем более нетерпимым, что речь идет об осуждении по закону 7/VIII 1932 г.

Протокол судебного заседания в нарушение ст. 80 УПК судьей не был подписан, подлинный экземпляр приговора оказался каким-то образом, с нарушением ст. 317 УПК, отпечатанным на машинке.

Наконец, суд совершенно неосновательно постановил обратить взыскание в покрытие растраченной обвиняемым суммы «на отобранные облигации». Как видно из материалов дела, облигации, которые имеет в виду суд, были внесены в качестве залога в порядке ст. 153 УПК г. Краминой, и на основании ст. 156, поскольку обвиняемый не уклонился от суда, должны были быть ей возвращены. Если же суд считал, что эти облигации принадлежат обвиняемому, то это обстоятельство во всяком случае должно быть обследовано.

Принимая во внимание изложенное выше нарушение правил ведения следствия и суда и то, что суд не обосновал применение к осужденному столь тяжелой меры, какая применена в данном случае, что, учитывая личность осужденного и размер присвоенных им сумм, суду следовало при правильном рассмотрении дела поставить перед собою вопрос о применении в данном случае не закона 7/VIII 1932 г., а ст. 116 УК, Прокуратура Союза ССР опротестовала приговор нарсуда и определение кассколлегии.

Президиум Южноказахстанского облсуда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза ССР, постановил преступление Покальнис переквалифицировать на ч. 1 ст. 116 УК и соответственно этому меру наказания определить 3 года лишения свободы.

*
*

Приговором Бакинского нарсуда, утвержденным кассационным отделением Бакгорсуда Авнилов Миши и Шимиев Ханука по ст. 141 УК АзССР были приговорены к лишению свободы на 3 года каждый.

Основанием к осуждению их явились сведения о том, что они занимаются спекуляцией, а также результаты произведенного у них обыска, которым обнаружено: у Шимиева различная галантерея (1500 женских головных гребней, тесьма, иголки, мануфактура, резина, нитки, застежки и пр.), а у Авнилова — несколько отрезков мануфактуры (всего около 83 м.).

Как Шимиев, так и Авнилов виновными себя в предъявленном им обвинении не признали. Шимиев ссылался на то, что во время происшедшей у него свадьбы галантерея была оставлена у него на квартире неким Исмаиловым, а Авнилов, что обнаруженную у него мануфактуру он как ударник и пайщик кооператива получал в разное время по своим кооперативным книжкам.

Приговор этот был опротестован Прокуратурой Союза ССР в президиум Верхсуда АзССР, который протест отклонил.

Прокуратура Союза ССР опротестовала приговор нарсуда, определение КК и постановление президиума Верхсуда по следующим основаниям:

Суд признал Шимиева виновным в спекуляции на основании факта обнаружения у него чемодана с промтоварами, без проверки факта принадлежности ему чемодана, что явно недостаточно.

Совершенно не выяснено происхождение найденных при обыске у Авнилова 83 м мануфактуры. Обвиняемый Авнилов утверждает, что эту мануфактуру он как ударник и пайщик кооператива приобрел для себя в разное время.

Дело по обвинению Шимиева и Авнилова в спекуляции возникло на основании сообщения

об этом его соседей Варганиана, Савельева и др.

Между тем осужденные Шимиев и Авнилов представили в Прокуратуру Союзу ССР подписку последних о том, что подобного рода заявление ими не подавалось и что, если такое имеется, то подписи их на этом заявлении подложны. Обстоятельство это, весьма существенное для дела, подлежит также проверке.

Судебно-надзорная коллегия Верхсуда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза ССР, постановила приговор нарсуда и последующие постановления вышестоящих судебных инстанций отменить и дело во вновь возникшим обстоятельствам передать на новое рассмотрение со стадии предварительного расследования.

*
*

Нарсуд Березинского р-на признал виновным зав. магазином № 4 Беллицеторга Минковича А. А. в растрате 6470 руб. и приговорил его к лишению свободы сроком на 5 лет. Вайнштейн Э. был признан виновным в том, что, зная о растрате Минковича и желая помочь ему скрыть эту растрату, отпустил ему взаимобразно на время производства ревизии водки на 5723 руб. и приговорен нарсудом к лишению свободы сроком на 3 года.

Кассколлегии БССР отменила приговор нарсуда ввиду недоследованности дела и направила его на новое рассмотрение. По протесту Березинского райпрокурора президиум Верхсуда БССР определение КК отменил, оставив в силе приговор нарсуда.

Прокуратура Союза ССР опротестовала этот приговор по следующим основаниям:

вывод суда о виновности Вайнштейна в сокрытии растраты основан исключительно на косвенных уликах. Ни Вайнштейн, ни Минкович в этом не сознались и ни один из свидетелей, допрошенных по делу, не подтвердили этого обстоятельства.

Первым аргументом суда в обоснование виновности Вайнштейна является указание на то, что Вайнштейн, производя торговлю водкой в розницу, отпустил ее Минковичу оптом. Это утверждение противоречит материалам дела. Как видно из показаний свидетеля Родштейна и других представителей спиртоводочного завода, допрошенных судом, в связи с затовариванием магазинов Центроспирта, а главное в связи со стесненностью многих торгующих организаций в транспортных средствах некоторым магазинам Центроспирта, в том числе и березинскому, было дано разрешение отпускать водку оптом.

Свидетель Годес показал, что у Вайнштейна столько было водки, что не хватало места для ее хранения в помещении и она находилась во дворе.

Свидетель Фунднер подтвердил, что в первых числах октября он купил у Вайнштейна водки для Райсоюза.

Свидетель Кац, присутствовавший при переговорах Минковича с Вайнштейном, подтвердил указания Вайнштейна, что водку он продал Минковичу, а не дал взаимобразно.

Все вышеуказанные показания опровергают вывод суда о том, что Вайнштейн, отпуская водку Минковичу, преследовал цель помочь ему в сокрытии растраты.

Вторым доказательством виновности Вайнштейна А., по мнению суда, является факт позд-

ней выписки счета Вайнштейном. Суд считает, что Вайнштейн скрывал отпуск водки Минковичу, а затем лишь, боясь образования у себя недостачи, решил довести до сведения завода о сделке с Минковичем.

Вывод этот также неоснователен. Как видно из показаний свидетеля Каца, Вайнштейн, выдав водку Минковичу, получил от него соответствующую расписку и эту расписку тут же через свидетеля Каца направил заводу. Таким образом версия суда о желании Вайнштейна скрыть отпуск вина отпадает.

Судебно-надзорная коллегия Верховсуда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза ССР, постановила приговор суда Березинского р-на и постановление президиума Верховсуда БССР отменить и передать дело на новое рассмотрение со стадии судебного следствия.

* * *

Нарсуд Касум-Измайловского р-на Азербайджанской ССР признал виновным Шириняна Айрапета в том, что работая в качестве закупщика скота для Мингечаурского совхозрабкооп «Красный чобан», он присвоил 6959 р. 85 к. из полученных им одновременно от указанного рабкооп авансов на покупку скота и по ст. 151 УК АзССР приговорил его к 8 годам лишения свободы.

Приговор этот был утвержден кассационной инстанцией, а принесенный Прокуратурой АзССР в президиум Верховсуда АзССР протест был постановлением последнего отклонен.

Прокуратура Союза ССР опротестовала приговор нарсуда Касум-Измайловского р-на и постановление президиума Верховсуда АзССР по следующим основаниям:

вопреки требованию ст. 371 УПК АзССР дело было заслушано нарсудом с участием прокурора и без защитника Шириняну. Как абсолютно неграмотный, он не в состоянии был опровергнуть неправильные выводы обвинительного заключения, несмотря на наличие у него соответствующих документальных данных; приговор суда основан на данных двух актов бухгалтерской проверки лицевого счета гр. Шириняна. По выводам первого акта, числящаяся за Шириняном подотчетная сумма определена в 8679 р. 85 к., а по второму акту 6959 р. 85 к., причем вторая экспертиза, приняв без проверки данные первой экспертизы, уменьшила размер числящейся за Шириняном подотчетной суммы путем списания с его счета некоторых сумм по представленным Шириняном документам.

Между тем выводы обоих актов находятся в прямом противоречии с данными представленного Шириняном в прокуратуру третьего акта, составленного бухгалтерами Мингечаурского совхоза «Овцевоод» и неприобщенного к делу.

В то время как в первых двух актах, лица, производившие проверку лицевого счета Шириняна, ограничиваются общими выводами, не проводя анализа и динамики этого счета, в третьем акте проводится тщательный анализ состояния счета Шириняна.

Отмечая крайнюю запутанность и халатность бухгалтерии рабкооп, лица, проверявшие лицевой счет Шириняна, зафиксировали случаи утери части отчетов Шириняна, непроводку по бухгалтерии некоторых счетов, запись отчетов Шириняна другим поставщиком и т. д. Анализом движения сумм по счету Шириняна за вре-

мя с сентября 1931 г. по январь 1933 г. установлено было, что остаток на 1/1 1933 г. в пользу рабкоопов составлял 7733 р. 35 к. Вместе с тем за этот же отчетный период не были проведены по счету Шириняна отчеты на ряд сумм. Причиной непроведения этих сумм являлась утеря отчетов б. бухгалтером рабкооп Нестеренко, впоследствии скрывшимся, что устанавливается представленными Шириняном копиями соответствующих его отчетов с расписками о сдаче их в бухгалтерию. При учете этих сумм, уплаченных Шириняном за купленный для рабкооп картофеля, который был задержан по распоряжению местных органов власти, остаток в пользу Шириняна выражается в сумме 6693 р. 65 к.

Вместе с данными за 1933 г. по акту от 24/VI 1933 г. общая сумма причитающихся от рабкооп Шириняну денег составляет 8268 р. 65 к.

Как видно из представленных Шириняном прокуратуру справок, образование такой большой задолженности ему со стороны рабкооп объясняется тем, что до настоящего времени рабкооп не уплатил крестьянам за приобретенный Шириняном скот.

Все изложенное свидетельствует о крайней недостаточности проведенного по делу Шириняна предварительного и судебного следствия.

Судебно-надзорная коллегия Верховсуда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза ССР, постановила приговор нарсуда и последние постановления судебных органов отменить и дело передать на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

* * *

24/XI 1934 г. двумя выстрелами из револьвера был убит заведующий Орсом ферро-марганцевого завода т. Окрошидзе. Задержанный убийца гр. Данаелия, б. зав. магазином Орса, при допросе показал, что убил он своего б. начальника потому, что тот отказал ему в требовании прекратить возбужденное против него, Данаелия, уголовное дело о растрате средств Орса.

Сначала действия Данаелия были квалифицированы по ст. 58^а УК ССР Грузии (терракт), и дело было направлено в порядке закона 1/XII 1934 г. в военный трибунал ККА, но определением 17/1 1935 г. в распорядительном заседании военный трибунал переквалифицировал преступление на ст. 144 УК (убийство из мести) и направил его в Верховсуд ССР Грузии, приговором которого 3/III 1935 Данаелия был признан виновным в убийстве Окрошидзе по мотивам личной мести и на основании ст. 144 УКГ осужден к 10 годам лишения свободы.

Прокуратура Союза опротестовала определение военного трибунала ККА 17/1 1935 г. и приговор Верховсуда ССР Грузии по следующим основаниям:

1. По делу бесспорно доказано, что убийство Окрошидзе совершено было, Данаелия ввиду того, что Окрошидзе, стоя на страже верной его заботам государственной социалистической собственности, не поддавался ни на какие уговоры и угрозы Данаелия, требовавшего от него прекращения дела, возбужденного против последнего за растрату. Эта непреклонность Окрошидзе в защите соцсобственности и непримирность в борьбе с ее расхитителями и привела к его гибели от пули растратчика.

Поскольку, таким образом, установлено, что в основе настоящего дела лежит охрана основных соображений — собственности, а не какие-либо личные счеты между убитым и убийцей, постольку выстрел Даниеля не может рассцениваться, как акт личной мести, а приобретает определенно выраженный политический характер террористического акта.

Сам Даниеля по характеристике бюро райкома «подозрительная личность, растратчик, дебошир и примазавшийся элемент» имеет уже судимость — 1½ года лишения свободы за покушение на убийство своего б. компаньона — саженника Кашибадзе, после досрочного освобождения вторично покушался на убийство своего товарища по артели, члена ВКП(б) Качкашвили за то, что считал последнего виновником снятия его с работы председателя артели. Таким образом убийство Окрошидзе является уже третьим за последние 6 лет случаем стрельбы Даниеля по живому человеку. Все это характеризует его как особо социально опасного преступника, действующего методами террора. Судебно-надзорная коллегия Верховного Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила приговор Верховного Союза ССР Грузии отменить и передать дело на новое рассмотрение по признакам ст. 58 УК ССР Грузии со стадии судебного следствия.

**

Горьковский крайсуд приговорил Курбатова Василия Дмитриевича по закону 8/ХП 1933 г. к 5 годам лишения свободы.

Приговор этот был утвержден кассколлегией Верховного РСФСР и президиумом Верховного РСФСР.

По приговору суда вина Курбатова заключается в том, что он, являясь техническим директором завода им. Орджоникидзе, «выпустил 469 шт. недоброкачественных планшайб для токарных станков завода «Красный пролетарий».

Как видно из материалов дела, завод «Красный пролетарий», находящийся в г. Москве, 7/1 1934 г. заключил с муромским заводом им. Орджоникидзе договор на поставку планшайб для токарных станков. Три партии планшайб в количестве 469 шт., направленные заводу «Красный пролетарий» оказались браком.

Завод «Красный пролетарий» 19/II 1934 г. поставил в известность завод им. Орджоникидзе, что планшайбы совершенно непригодны и что массовый брак их срывает задачу готовой продукции. Одновременно завод «Красный пролетарий» дал согласие на реализацию забракованных планшайб на рынке при условии уплаты понесенных убытков. Завод им. Орджоникидзе с предложением завода «Красный пролетарий» согласился, и забракованные планшайбы были проданы через отделение Моснабсбыта, а завод им. Орджоникидзе уплатил заводу «Красный пролетарий» 7973 руб.

Как видно из материалов дела, планшайбы, будучи непригодными для использования на станках «Красный пролетарий», могли быть использованы на станках, которым не предъявляются особые требования в смысле точности.

По разъяснению Главстанкоинструмента Муромский завод является заводом, «где проверяется целесообразность конструкций зажимных приспособлений для металлорежущих станков, главным образом, токарных самоцентрирующих

патрон планшайб, проверяются методы изготовления выше поименованных приспособлений и на основе работ Муромского завода вырабатываются технические условия на изготовление продукции в условиях серийного производства. В частности Муромский завод в 1933 и 1934 гг. был обязан проверить в производстве технологический процесс фирмы «Самсон-Верке» по токарным патронам и планшайбам».

Далее, Главстанкоинструмент утверждает, что инженером Курбатовым «лично впервые в Советском союзе составлены технические условия на изготовление планшайб, по инициативе и по расчетам Курбатова нарезка кулачков планшайб, производившаяся ранее на немецком станке полуавтомате, была заменена нарезкой на отечественном станке самой простой конструкции, в результате чего значительно улучшилось качество планшайб». И далее, Главстанкоинструмент утверждает, что дефекты, имевшиеся в планшайбах (469 шт.), отправленных заводу «Красный пролетарий», «присущи первому периоду освоения производства планшайб».

Имеющиеся в деле характеристики рисуют инженера Курбатова как весьма ценного специалиста, активно боровшегося за качество выпускаемой заводом продукции, и принимавшего все меры к тому, чтобы наладить производство планшайб.

Судебно-надзорная коллегия Верховного Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза ССР, постановила приговор Горьковского крайсуда, определение кассколлегии Верховного суда, определение президиума Верховного РСФСР в отношении Курбатова Василия отменить и дело в уголовном порядке производством прекратить.

**

Приговором Уральского облсуда зав. финансовым отделом Свердловского горсовета Григорьев, инспектор особого участка Вальтер и экономист Талан были признаны виновными в хищении общественной (социалистической) собственности и по закону 7/VIII осуждены — Вальтер и Талан к высшей мере наказания — расстрелу, а Григорьев к лишению свободы на 10 лет.

Кассколлегией Верховного РСФСР заменила Вальтеру и Талану расстрел — лишением свободы, указав на то, что «материалами дела установлено, что действия осужденных Талана и Вальтера полностью основывались на распоряжениях Григорьева» и что суд без достаточных оснований применил высшую меру социальной защиты в отношении лиц, занимавших подчиненное положение.

Прокуратура Союза ССР опротестовала приговор Уральского облсуда в части квалификации совершенного осужденным Таланом преступления по закону 7/VIII по следующим основаниям:

Основные действия, поставленные в вину Талану, относятся к апрелю, маю и июню 1932 г. Действия эти согласно приговору состояли в следующем:

В финансовом отделе Свердловского горсовета хранились ценности, изъятые у неплательщиков налогов. Заведующий горфо Григорьев распорядился сдать хранившиеся в финотделе ценности в Торгсин, и на бонусы, выданные в обмен на эти ценности, приобрести мануфак-

туру и другие предметы. Операция эта была выполнена осужденными Вальтером и Таланом.

Приобретенная на боны мануфактура в количестве 1000 м была сдана в хирургическую больницу, которая расплатилась за нее с горфо в советской валюте по ценам ниже действительной ее стоимости. Кроме того два велосипеда, купленные на боны, были обращены на премирование работников Уралторга, линолеум пошел на отделку квартиры Григорьева, а часть приобретенных в Торгсине предметов передана была осужденным Вальтеру и Талану и другим сотрудникам горфо, которые рассчитались за полученные ими предметы в советской валюте по ценам ниже их действительной стоимости.

В частности установлено, что осужденный Талан приобрел таким путем кожаное пальто, электрический чайник и электрический утюг.

Приговор инкриминирует Талану также получение отреза бостона, однако никаких материалов в деле, устанавливающих факт получения Таланом этого отреза, нет, и обвинение последнего в получении отреза бостона основано исключительно на предположениях.

Кроме того Талан вменяется в вину получение со склада по удешевленным ценам двух больших воротников.

Все изложенные факты относятся к периоду, предшествовавшему изданию закона 7/VIII. Оснований для придания этому закону обратной силы в данном случае не имеется.

Наконец, в приговоре Талану инкриминируется еще одно обвинение, относящееся к периоду после издания закона 7/VIII.

Заведующий горфо Григорьев организовал непредусмотренный законом фонд, из которого оказывалась помощь сотрудникам горфо. Деньги этого фонда хранились на специальном счету в сберегательной кассе.

В сентябре 1932 г., когда Талан находился в отпуску, ему было выдано из этого фонда 800 руб.

По утверждению Талана, находящему подтверждение в представленных им в Прокуратуру Союза ССР документах, деньги эти ему были отпущены заимообразно ввиду утраты им аккредитива на 500 руб., и сумма этого аккредитива, по истечении установленного срока, была обращена в погашение указанной задолженности.

При указанных условиях квалификация этого деяния Талана по закону 7/VIII также неправильна.

Президиум Верховного РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза ССР, постановил, учитывая второстепенную роль подсудимого Талана в совершенных преступлениях квалифицировать его действия по ст. 109 УК и определить ему меру наказания в 5 лет лишения свободы.

Нарсуд 2-го участка г. Смоленска 9/IV 1935 г., рассмотрев дело по обвинению Павлова П. И. и Судовского Н. И. по ст. 109 УК, приговорил первого к 3 годам лишения свободы, второго к 2 годам лишения свободы.

УКК Западного облсуда 17/IV 1935 г. кассжалобы Павлова и Судовского оставила без последствий.

Прокуратура Союза опротестовала приговор нарсуда и определение УКК по следующим основаниям:

Павлову и Судовскому вменяется в вину, что, работая в течение 3½ лет — первый зав. складом БСО БВО, второй кладовщиком этого склада, допускали злоупотребления: брали на дом патефоны, меняли новые сапоги на старые; произвели наценку на махорку с 25 коп. до 30 коп. В результате инвентаризации склада была выявлена недостача продуктов на 1580 р. 87 к. и промтоваров на 514 р. 11 к., всего на 2094 р. 98 к.

Суд, не выявляя конкретной вины каждого из обвиняемых, пришел к выводу, что преступления ими совершены по согласованию между собой. Между тем материалов в деле о согласованности их действий не имеется. Павлов утверждает, что Судовский часто пьянствовал и что у него во время нахождения Павлова в отпуску образовалась недостача в 75 кг конфект. Суд эти обстоятельства не проверил.

В деле имеются две ведомости о недостаче продуктов, имеющие довольно значительную разницу между собой. По первой ведомости недостача выражается в сумме 1234 руб., по второй — 2094 руб.

Из материалов судебного заседания не видно, что суд вошел в обсуждение вопроса, которая же из ведомостей является правильной. Из показаний членов комиссии по проверке склада (свидетель Донкин) на суде видно, что работа комиссии производилась наспех. При таком положении необходимо было провести тщательную бухгалтерскую экспертизу с учетом обвинений обвиняемых по недостаче каждой группы продуктов.

Обвинение Павлова в злоупотреблении с патефонами, необоснованно, судебным следствием установлено, что помещение склада было сырое, патефоны отсырели и от этого портились, обвиняемые брали их на дом для ремонта и очистки от ржавчины.

Вывод суда о том, что обвиняемые брали со склада новые сапоги, недостаточно обоснован материалами дела и подлежит проверке, так как Павлов указывает, что сапоги им были обмненены с разрешения зам. начальника 6-го сектора БСО БВО Харченко в то время, когда он уже не был начальником склада.

Суд в приговоре указывает, что излишек, полученный вследствие превышения цен на 5 коп. на махорку, обвиняемые присвоили. Между тем Павловым представлена справка бухгалтерии склада 27/VI 1935 г. о том, что деньги, вырученные за продажу махорки, полностью сданы в кассу склада, следовательно, этот вопрос также не был выяснен судом с достаточной полнотой.

Президиум западного облсуда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза ССР, постановил приговор нарсуда и определение СКК облсуда отменить, а дело передать для нового рассмотрения в тот же суд в ином составе со стадии предварительного расследования.

По союзным республикам

РСФСР

Стахановец под защитой закона

Развернувшееся по всему Советскому союзу могучее стахановское движение поднимает производительность труда на небывалые высоты. Ряд конкретных бесчисленных фактов стахановских методов труда по всему Советскому союзу опрокидывают и отбрасывают отжившие старые, теперь не пригодные технические нормы.

Западная область — область льноводческого, лесного, сельского и промышленного хозяйства, охваченная великим и могучим стахановским движением, с честью выполняет и перевыполняет поставленные перед нею партией и правительством задачи по государственному хозяйственному плану. Сотни, тысячи стахановцев в сельском хозяйстве, промышленности области, в лесу и на обработке льна все мощнее и могущественнее подают свой стахановский клич за овладение высокой производительностью труда.

Оказывая бешеное сопротивление стахановскому движению, классовый враг, вредитель, лодырь, рвач всеми мерами и всякими способами, исподтишка и воткрытую, пакостит и вредит делу рабочего класса. Как никогда должна быть заострена классовая революционная бдительность, для того чтобы вовремя разглядеть классово-преступные происки врага.

Конкретные факты тормозов и прямого вредительства стахановскому движению в нашей области, расследованные областной прокуратурой за последнее время, свидетельствуют о том, что классовая заостренность на местах в районах не везде на должной высоте.

29 ноября 1935 г. в областной газете «Рабочий путь» была опубликована заметка о том, что на Кульневском участке классово враждебные элементы избивали стахановцев по лесоразработкам Горбачева и Демидова. Произведенным следствием установлено, что в октябре 1935 г. в Кульнево на лесоразработки прибыл из Жуковского р-на рабочий Горбачев вместе со своим братом; с первых дней Горбачев стал давать невиданную здесь ранее норму дневной выработки, заготавливая в день по 35 кубометров при существующей норме выработки 12—15 кубометров.

В последующие дни Горбачев, не только не снизил норму, но добился неслыханного рекорда, доведя выработку до 45—47 кубометров, что составляет более 300% установленной нормы.

Столь рекордной выработки Горбачев добился не путем физического перенапряжения и удлинения рабочего дня, а путем правильной организации своего труда и особо тщательной предварительной подготовки инструмента — пилы.

Одновременно с Горбачевым приехавшие из других районов на заработки колхозники-возчики Демидов Прохор и др. также показали стахановские методы работы, вывозя на лоша-

ди до 10 кубометров древесины при норме 3—5 кубометров, что составляет около 240% установленной нормы.

Этих показателей Демидов со своими товарищами добились также путем хорошей организации своего труда, хорошего приспособления упряжи и хорошего ухода за лошадьми.

Основной рабочей силой на Кульневском лесоучастке являются одиночники дер. Малое Полпино, расположенной в одном километре от названного участка.

Часть одиночников всячески старалась использовать затруднения Леспромхоза с рабочей силой, не выходя на работу, а в критический момент заготовок, — используя эти затруднения в целях рвачества.

Приезд на Кульневский участок посторонних рабочих и возчиков не понравился полпинским одиночникам, считавшим своей монополией работу и диктовавших свои расценки и нормы. Когда Горбачев и Демидов дали рекорды выработки и о них стали говорить как о лучших людях участка, то это обстоятельство породило озлобление со стороны отдельных антисоветски настроенных одиночников.

Стахановца Горбачева вскоре узнали не только на лесоучастке, где он работал, но и в Брянске, куда он был вызван на слет стахановцев и на торжественный вечер лесных рабочих.

7 ноября по случаю Октябрьских торжеств на Кульневском участке был устроен обед для рабочих, на котором начальник участка в своей речи отметил стахановца Горбачева. Горбачев стал рассказывать о стахановских методах своей работы, а окружающие его за столом полпинцы подсмеивались.

По окончании обеда Горбачев из конторы участка направился на улицу. За ним тут же пошли и полпинцы, которые в коридоре стали подталкивать Горбачева и подсмеиваться над ним, а Кузин Кузьма схватил Горбачева за руку и стянул с крыльца, второй — Митин Аксен ударил его рукой по носу, разбив до крови, говоря «вот тебе стахановец».

Спустя 10 дней у стахановца-возчика Демидова Прохора исчезла с телеги привязанная цепь, без которой он не мог выехать на работу. Так как конюх лесоучастка Лосев Василий восхищался этой цепью и выражал желание ее похитить, то Демидов и заподозрил его в краже цепи, тем более, что кроме Лосева к возчику никто посторонний не ходил.

17 ноября, утром, Демидов пошел разыскивать Лосева и, найдя его в конторе, спросил его о своей цепи. Лосев в начале ответил, что цепь не брал, а затем, вызвав Демидова во двор, сразу набросился на него и ударил кулаком по лицу, затем схватил кирпич и ударил Демидова по затылку. Преступники Кузин, Митин и Лосев заключены в тюрьму.

Не менее характерен второй факт. В Сухиничах, на черепичном заводе, работница на прессе выработывала по норме 1300 шт. черепиц, в связи со стахановским движением эта же работница удвоила норму до 2400 шт. Десятник смены пригрозил стахановке, заявив: «я посмотрю,

как эта стахановка у меня выполнит завтра свою стахановскую норму», а на следующий день в пресс работницы попал железный болт и пресс вышел из строя.

Приведенные на выдержку конкретные факты, возбужденные во всех случаях по сигналам только печати, достаточно подтверждают, что антисоветские люди занимают травлей, издевательством в отношении лучших людей, героев стахановцев. Эти люди по вскрытым фактам преданы суду, привлечены к уголовной ответственности и часть до суда заключена в тюрьму.

Прокуратура Западной области взяла под особый неослабный надзор работу по защите прав стахановцев.

Болдырев.

Нужно разъяснение

В № 11 журнала «Соцзаконность» помещена статья т. Тадевосяна «Борьба с преступлениями несовершеннолетних».

У меня, как практического работника, ведущего дела о преступлениях несовершеннолетних, в связи с рядом положений, приведенных в статье, возникло несколько вопросов, тем паче, что имеющаяся практика не совпадает с ними и они требуют разъяснения.

По смыслу закона 7/IV несовершеннолетние должны привлекаться лишь за те преступления, которые указаны в законе. И прав т. Тадевосян, когда он фиксирует внимание на ошибках в применении закона 7/IV, на формальном толковании закона, так как с подобными фактами, мне кажется, и у нас приходится сталкиваться.

«Формально истолковывая закон 7/IV, некоторые из них (речь идет о работниках юстиции — М. В.) додумываются до того, например, что предлагают считать возможным судить несовершеннолетних только за кражи, но не хищения социалистической собственности, за грабежи и бандитизм», говорит т. Тадевосян.

Тут возникает вопрос о квалификации отдельных дел.

Мы, работники мест, не раз получали директивы с предупреждением «не толковать закон 7/IV расширительно». Такое предупреждение правильно, но будет ли расширительным толкование закона 7/IV в таком деле:

Два несовершеннолетних — воры-рецидивисты. Совершали они кражи и до издания закона и после; были кражи со взломом из магазинов. Привлекли их к уголовной ответственности. Суд приговорил их к лишению свободы. Из места лишения свободы подростки не раз совершали побег, пытались путем взлома решетки в окне бежать из тюрьмы. Находясь в бегах, продолжали воровскую деятельность, опять-таки специализируясь на кражах со взломом из магазинов. Всего ими, за это время, т. е. после первого суда, совершено около десяти краж.

Учитывая личности этих подростков, их действия, систематичность краж, перед нами встал вопрос о применении закона 7/VIII, но область дала указания квалифицировать действия по ст. 162 УК.

В связи с этим возникает вопрос, возможно ли применение закона 7/VIII к несовершеннолетним? Ведь если говорить о возможности привлечения их за бандитизм, как об этом указывает т. Тадевосян, то спрашивается, приме-

ним ли в отдельных конкретных случаях закон 7/VIII?

Аналогичный вопрос возникает и о применении ст.ст. 165 и 167 УК.

Вопрос принудительного порядка требует разъяснения.

Дальше, вполне прав т. Тадевосян, когда он отмечает практику отказа от привлечения к ответственности за мошенничество, рассматривая эту практику с отрицательной стороны, как непонимание на местах смысла закона 7/IV, как неправильное применение его. Не избежали этих ошибок и мы в своей практике (правда, случаи мошенничества были незначительны, но мы исходили, при этом, не из значительности, а из непредусмотренности законом). И такие ошибки, очевидно, свойственны не только нам. Это опять требует официального разъяснения.

Мое пожелание таково: мы имеем уже значительный материал по практике применения закона 7/IV, и, как видно, не всегда правильно его понимают, допуская ошибки. Назрела необходимость и полезность в издании по линии Прокуратуры Союза инструктивного письма, в котором надо дать местам указания по фактам наиболее часто встречающихся ошибок, что позволит их устранить.

М. Викторов

УССР

Друзья и враги кривоносовцев на Донецкой ж. д.

Стахановско-кривоносовское движение завоевывает широчайшие массы трудового народа во всех отраслях нашей промышленности.

Пролетарии Донбасса с энтузиазмом разворачивают стахановско-кривоносовский почин.

Происходивший в ноябре п. г. в Артемовске слет машинистов-кривоносовцев Донецкой жел. дороги с участием знатных людей страны Алексея Стаханова, Петра Кривоноса и др., явно свидетельствует, как широко и с каким знанием дела кривоносэвцы Донецкой жел. дор. перекрывают ими же установленные рекорды форсировки котла.

Л. М. Каганович показал путь, по которому надо идти, чтобы победить.

— Надо поднять техническую скорость.

— Мы дадим — ответил т. Кривонос — и дал 53 км. в час. вместо нормы в 30 км.

Для полноценного использования паровоза, как это требует т. Л. М. Каганович, нужно прежде всего овладеть форсировкой котла, ибо она в конечном счете решает успех работы машины. Лучший машинист Донецкой дороги т. Кривонос своими поездками с высокими форсировками котлов блестяще доказал, какие огромные резервы для улучшения работы паровозов скрываются в заниженных форсировках котла.

Форсировка котла, приведенная т. Кривоносом, навсегда поломала «нерушимые» теории пределов.

Если раньше на участке. Лозовая-Славянск по графику техническая скорость в нечетном направлении была 26,4 км. в час и четном — 21,9 км. в час, то теперь установлены скорости: в нечетном направлении — 36,5 и в четном — 31,5.

Кривоносэвцы перекрывают и этот новоустановленный график.

На участке Основа-Лиман средняя техническая скорость была: нечетное — 30,6, четное — 29,2.

Сейчас установленная скорость: нечетное — 41,0, четное — 39,1.

Стахановско-кривоносовское движение встречает бешеное сопротивление со стороны осколков разбитых капиталистических классов.

Все методы борьбы, начиная открытым выступлением и кончая лжекривоносцами, широко используются врагами.

Постараюсь коротко осветить работу Донецкой транспортной прокуратуры в борьбе с врагами кривоносовских методов работы на транспорте.

Нелегко был путь т. Кривоноса в борьбе за новые методы форсировки котла. Паровоз т. Кривоноса в его отсутствие был вымазан грязью и с него были похищены некоторые части оборудования паровоза. Машинист Лиманского депо Шукин открыто заявлял, что он учинит над всей семьей Кривоноса «Варфоломеевскую ночь».

Расследование установило, что Шукин — летун, рвач, дезорганизатор производства — ложными заявлениями в разные учреждения, угрозами, всячески пытался опорочить т. Кривоноса и его методы работы.

Шукин был предан суду и приговорен к 5 годам тюрьмы.

Машинист-ударник депо «Запад»-Дебальцево К. В. Бучко — один из первых в депо начал применять кривоносовские методы работы, своим примером вовлекая остальных машинистов на борьбу за выполнение приказа т. Кагановича об использовании паровоза.

24/X п. г. машинист того же депо Волощук схватил за грудь т. Бучко и заявил последнему: «ты хочешь выслужиться и ездишь на большой клапан» и т. п.

Расследование этого случая выявило, что Волощук систематически вел антисоветскую агитацию, имел переписку с изгнанниками из СССР помещиками Мицкевичами. У Волощука было обнаружено письмо к одному из его приятелей, в котором Волощук опорочивал кривоносовские методы использования паровоза.

Там же в Дебальцево, в творческом порыве, кривоносцы опрокидывают старые технические нормы и завоевывают новые технические скорости, и в этот момент, когда лучшие люди транспорта под руководством любимого наркома т. Кагановича направляют все силы, чтобы вывести железные дороги в передовые ряды социалистического строительства, заклятые враги народа нашли себе поддержку в лице зам. начальника депо, Хихля, и инженера техн. бюро Иванова, запугивавших машинистов, которые своей ездой опрокидывали пресловутые пределы, повышая техническую скорость паровоза.

Произведенное расследование это полностью подтвердило.

Начиная с октября п. г. на Иловайском узле широко развернулось стахановско-кривоносовское движение среди составительских бригад, направленное на ускорение формирования поездов по примеру лучшего ударника-кривоносца ст. Дебальцево т. Краснова. Составители кривоносцы Кириченко, Токарев, Савицкий вместо нормы в 43 мин. добились составления поездов в Иловайске в течение 15 мин. Маневровые диспетчеры этой же станции Кривобок

и Товстуха поезд, составленный составителями-кривоносцами в 15 мин., показывали как составленный в 43 мин.

Следствие установило, что эти диспетчеры помимо злоупотреблений вели разлагательскую работу среди составительских бригад. Например диспетчер Кривобок заявил: «Составить поезд за 15 минут у нас никак нельзя, а если, кто составляет таковые, тот врет, в дальнейшем, если так будут составлять поезда, то у нас заберут часть паровозов и мы останемся на бобах».

Диспетчер Товстуха, разделяя мнение Кривобока, утверждал, «что составители врут, так как составить поезд за 15 минут ни в коем случае невозможно и на это требуется минимум 35 минут, и если мы будем формировать поезда за 15 минут, то у нас часть маневровых единиц заберут; и хорошо делает составитель Ловчиков, который никогда не сообщает время начала и окончания маневровых работ, поэтому неизвестно, кто за сколько составляет поезда и нет погони за минутами».

Следствие также установило, что Кривобок и Товстуха, в прошлом судимые, все время занимались очковитирательством, выводя неправильные графики.

Приведенные факты свидетельствуют, что Транспортная прокуратура дороги активно ведет борьбу со срывщиками стахановских методов работы. Особо нужно отметить работу Транспортной прокуратуры Славянского участка. Неплохо было бы перенять систему работы этого участка другим прокурорам. Славянская прокуратура имела крепкий актив созаемстителей из машинистов, помощников, рабочих пути и др. Когда выезжает на работу кто-нибудь из созаемстителей прокурора, на паровоз садится и прокурор или следователь и по пути следования не только устраняют различные дефекты, тормозящие правильное, по графику, движение состава, но и принимают меры в отношении срывщиков графика.

Приведу два факта. Машинист Славянского депо Петров, созаемститель славянского прокурора, выехавший совместно с представителем прокуратуры, установил, что на ст. Краматорская поезд был задержан на 30 мин., записано же было, что поезд простоял только 15 мин. Этот же машинист Петров, выезжая со станции Константиновка (в это время на паровозе был представитель прокуратуры), не получил предупреждения от дежурного по станции о том, что на перегоне происходит ремонт пути и рельсы разобраны.

Крушение было предупреждено благодаря лишь бдительности т. Петрова.

Практика поездки представителей прокуратуры совместно со своим созаемстителем существует также и на Красно-Лиманском участке. На этом участке следователь Транспортной прокуратуры т. Бугочич совместно с созаемстителем прокурора машинистом паровоза «ФД» Воскобойником не плохо изучил причины обрывов на подъемах, а также состояние пути, на участке Красный-Лиман-Основа.

Тесная деловая связь работников прокуратуры с ударниками Славянска и Красного Лимана помогает стахановцам транспорта быстрее преодолевать сопротивление врагов стахановско-кривоносовского метода работы на транспорте.

А. Гречка.

В институте уголовной политики

В секции процесса и расследования Института уголовной политики был заслушан доклад А. Е. Брусилковского об основах итальянского судоустройства и судопроизводства.

Опираясь на работы VII конгресса Коминтерна, докладчик прежде всего пытался очертить различия германского и итальянского фашизма. С этой целью докладчик дал анализ особенностей экономической и социально-политической обстановки, условий и форм классовой борьбы к моменту прихода к власти фашизма в Италии и Германии и в период дальнейшего его развития.

Докладчик вместе с тем подчеркнул, что различия между германским и итальянским фашизмом не должны уводить от выявления общей классовой сущности фашизма, как «открытой террористической диктатуры наиболее реакционных, наиболее шовинистических, наиболее империалистических элементов финансового капитала». В области идеологии докладчик усматривает указанное различие в том, что основной идеей итальянского фашизма, выдвигаемой для оправдания своей террористической практики, является концепция «государства-личности», в то время как для германского фашизма типична концепция «расы, крови и народности», причем понятие государства играет только подчиненную роль.

Уголовная политика итальянского фашизма, являясь выражением общей его политики, также связывается с указанной концепцией государства.

Очертив лоскутный, демоэргический и несамостоятельный характер этой теории, докладчик подробно остановился на различных ее источниках и составных частях.

Докладчик пытался показать, как это построение антилиберального, антидемократического, всепроникающего, самовластного государства получает воплощение в фашистских уголовном и уголовно-процессуальном кодексах, в организации судоустройства и карательных учреждений. Под флагом этой идеи идет фашизация судебного аппарата, упразднение суда присяжных, организация особого трибунала для защиты государства.

В области процесса идет свертывание правовых гарантий, разложение буржуазно-демократической правой формы, ухудшение положения обвиняемого, усиление власти суда и превращение прокурора в фактического распорядителя процесса.

Докладчик особенно подчеркивал необходимость совместного изучения фашистских УК и УПК, тесно связанных друг с другом не только терминологически и технически, но и по их общему характеру и духу. Двойственность и лоскутность фашистского УК неизбежно отражается на фашистском УПК. Совместное нахождение двух взаимноисключающих друг друга начал: «моральной ответственности» и «социаль-

ной опасности», механическое сочетание наказания и мер социальной защиты в фашистском УК 1930 г. неизбежно отражается на построении целого ряда институтов фашистского УПК: в частности положение, в силу которого «каждый предполагается невиновным, пока он не будет признан виновным по суду» (так называемая «презумпция невиновности», выраженная в ст. 9 «Декларации прав человека и гражданина»), уже по одному тому теряет всякое значение, что фашистский УК выявление социальной опасности строит на целом ряде не подлежащих оспариванию законных предположений. Двойственность проникает не только фашистский УК, но и фашистский УПК, создавая особый упрощенный порядок для применения «мер безопасности», вверая применение этих мер единоличному «судье по надзору», деятельность которого протекает вне каких бы то ни было правовых гарантий для обвиняемого. Если при анализе фашистского УК даже фашистские правоведы вынуждены говорить о «чрезмерном расширении полицейского права за счет уголовного», о «втором, невидимом уголовном праве», о «сумерках кодексов», то засилие полицейского произвола еще резче видно при применении «мер безопасности», когда прокуратура и «судья по надзору» окончательно идут на поводу у полиции безопасности.

Давая общую характеристику УПК 1930 г., докладчик прежде всего остановился на анализе его специфически фашистских черт, затем на тех особенностях, которые связаны в нем с ликвидацией принципов буржуазно-демократической доктрины — в полном согласии с фашистской концепцией государства: сокращение так называемых гарантий личной свободы, отказ от правила, в силу которого «каждый предполагается невиновным, пока он не будет признан виновным по суду» («презумпция невиновности»), отказ от начала «равенства всех перед законом», от принципа «стыскания материальной истины», как одной из задач процесса и пр. Для этой цели докладчик подробно остановился на анализе отдельных институтов и норм фашистского УПК.

В заключение докладчик остановился на анализе новейшей итальянской литературы по уголовному процессу (Маннини, Сабатини, Романо Фалько, Панен, Флорини и пр.), вскрывая кризис и бессилие фашистской правовой мысли и противоречивость попыток построить фашистский уголовный процесс по старому принципу «юридического отношения».

Доклад вызвал оживленные прения. Проф. Н. Н. Полянский сделал ряд общих замечаний и фактических дополнений. Н. Н. Полянский нашел, что докладчик игнорировал идею авторитарности государства в понимании германского фашизма, подчеркнув лишь момент «расы, крови и народности». Далее, отправным пунктом при критике фашистского УПК

должна быть идея «личной свободы», а не «презумпция невиновности», играющая скорее подчиненную роль. Оппонент, далее, не согласен, что классический буржуазный процесс ставил себе одной из задач «раскрытие материальной истины». По мнению оппонента, такую цель ставил себе именно инквизиционный процесс. Принцип состязательности в его чистом виде как раз противоречит возможности раскрытия материальной истины. Принцип законной силы решения не совместим с принципом раскрытия материальной истины. В английском процессе признание вины со стороны обвиняемого влечет за собою применение наказания коронным судом без передачи дела на рассмотрение присяжных, а ведь сознание может быть и неверным.

Проф. М. С. Строгович в качестве достоинств доклада отметил, что идеологическая сторона его не являлась простой «шапкой», как это часто бывает, а проникала весь доклад. М. С. Строгович не согласен с Н. Н. Полянским: во всех классических буржуазных работах по уголовному процессу принцип отыскания материальной истины выдвигается как одна из основных задач расследования и судебного разбирательства; это — одно из культурных завоеваний, от которого не следует отказываться. Принципу состязательности в чистом его виде история не знает, но этот принцип, несомненно, задуман, как наиболее пригодная форма именно для раскрытия истины, делая отступления только в интересах обвиняемого. Наоборот, инквизиционный процесс, вымогая сознание пыткой, вводя систему формальных доказательств, едва ли пригоден для раскрытия истины. Вот почему полезно подчеркнуть, как символический, отказ от этого принципа у фашистских процессуалистов.

И. Д. Ильинский, соглашаясь с лоскутным, демогиическим и несамостоятельным характером фашистской концепции «государства», находит, что докладчик недостаточно подчеркнул эту несамостоятельность, а равно не вскрыл тех источников, из которых итальянский фашизм заимствовал различные стороны в построении этого понятия. А между тем для раскрытия этих источников большой материал имеется в литературе. В частности оппонент подчеркнул влияние идей Маккиавели. Оппонент также считает, что докладчик недостаточно подчеркнул неофихтианство Джентиле и не дал сравнительного анализа философии Джентиле и Кроче.

Тов. Галунский выразил сожаление, что докладчик не довел до конца сравнительный анализ германского и итальянского фашизма. Этому анализу докладчик уделил большое внимание в общей части своего доклада. Было бы интересно, если бы эта параллель была продолжена и в части сопоставления конкретного законодательного материала. Коснувшись проблемы раскрытия материальной истины в уголовном процессе, т. Галунский привел ряд соображений, в силу которых он не находит возможным согласиться с точкой зрения т. Полянского по этому вопросу. Основной целью инквизиционного процесса было террористическое воздействие на массу, для которого нужно было найти более или менее подходящий объект. Кто окажется этим объектом, не являлось существенным. Пытка была способом получения формальных оснований для террори-

стического приговора. Вот почему неправильно рассматривать инквизиционный процесс, как ставящий себе задачей раскрытие материальной истины.

Тов. Лаговьер, давая положительную оценку доклада, указал, что докладчик, однако, недостаточно остановился на дилемме процесса и, уделив внимание более общим проблемам, не сосредоточился достаточно на анализе отдельных процессуальных институтов.

Секция постановила доклад опубликовать, предложив докладчику при окончательной редакции доклада учесть те возражения и дополнения, какие были сделаны в прениях.

По криминалистическим журналам

(Техника расследования)

Следы пальцев

Обнаружение на месте преступления отпечатков пальцев доказывает только присутствие их владельца в этом месте, но еще не доказывает виновность в этом преступлении. Нужно еще доказать, что обладатель данного пальцевого узора оставил его на этом месте в момент совершения преступления. Практика знает много случаев, когда на месте преступления найдены были пальцевые отпечатки, но они не принадлежали тому, кто совершил преступление. Локар приводит характерный случай. В г. По был обокраден ювелирный магазин. Свидетели показали, что они видели как некто В. ночью бродил около магазина. На стеклянной витрине были обнаружены отпечатки пальцев. По установлению они принадлежали В. В. отрицал свою вину, но все же был осужден, на основании этих улик, на несколько лет тюрьмы. Через некоторое время в Тулоне был задержан вор, который сознался, что он ночью обокрал в г. По ювелирный магазин. Оказалось, что В. тайно навещал дочь владельца магазина и оставил на витрине отпечатки своих пальцев в один из последних своих визитов.

В связи с этим интересно привести данные о сохранности пальцевых отпечатков. Если отпечатки были защищены от насильственного стирания и непогоды, их можно различить даже при прошествии нескольких лет. Известен случай, когда след пальцев на стакане был опознан через три года. Степень ясности отпечатка зависит от влажности руки, от расположения пор и химического состава кожи. Вопреки общепринятому мнению, сухая рука оставляет более четкий след, чем потливая.

Уже в течение многих лет пользуются порошками для обнаружения следов. Этот метод стал стандартным, и есть ряд случаев, когда он является единственно возможным. В основном техника его проста. Однако необходимо уделять постоянное внимание выбору того или иного порошка и способа его наложения на след. Дело в том, что редко удается найти совершенный отпечаток. В каждом отпечатке важна каждая черточка. Рекомендуется опустить в порошок щеточку и затем, слегка постукивая по ручке, осторожно опылять след. Два условия должны быть соблюдены: требуемая густота слоя порошка и равномерность его распре-

деления по поверхности следа. Лучшим порошком, дающим хорошие результаты, считается сурик и углекислый свинец, а также перекись бария и углекислый барий. Фотографирование опыленных следов производится при боковом освещении.

(«Ревю Интернациональ де криминалистик»).

Находки на месте совершения преступления

Необходимо при осмотре места совершения преступления обращать внимание на все мелочи обстановки, какими бы незначительными они первоначально ни казались. Каждый, даже самый ничтожный с виду предмет, может иметь громадное значение при разъяснении дела. Например общая картина происшествия наталкивается сначала на заключение, что здесь имело место самоубийство, и в этом духе составляется протокол. Через несколько недель поступают новые данные и возникает подозрение, что покойный был жертвой убийцы. Начинают вспоминать, как лежал револьвер, как далеко он находился от трупа, куда отлетела гильза, где лежал окровавленный платок и т. п.

Но время уже упущено и картина преступления уже не может быть установлена, в результате расследование чрезвычайно затрудняется.

По возможности каждый предмет должен быть всесторонне исследован и подробно описан. Пятна, следы, волосы, кусочки материи, использованные билеты в кино, окурки и т. п. — все это может пригодиться для раскрытия дела.

После того, как найденное осмотрено, описано, сделаны карандашные наброски, а иногда и фотографические снимки, нужно установить, какие из обнаруженных предметов находятся в связи с преступлением и могут фигурировать в качестве вещественных доказательств. При нахождении трупа в глухой местности эта задача не представляет особых затруднений. Другое дело, когда тело обнаружено в постоянно посещаемом месте, где на земле всюду разбросаны клочки бумаги, брошены трамвайные и ж.-д. билеты, окурки, остатки продуктов и т. п. Как определить, имеет ли данная вещь отношение к совершению преступления. Ответить на это очень трудно. Поэтому, чтобы не упустить иногда очень важное обстоятельство, приходится рекомендовать зафиксировать все возможное.

(«Криминалистише Монатсхефте»).

Применение автоматической фотографии в борьбе со взломщиками

Инженеры Нелькен и Левен сконструировали специальный аппарат для автоматического фотографирования взломщиков на месте преступления. Аппарат вделывается в стену оберегаемого помещения и защищается от разрушения снаружи стальной пластинкой. В пластинке имеется небольшой клапан. Недалеко от аппарата помещается потайная электрическая лампа «молния», которая параллельно соединена с сигнализацией. Когда взломщик проникает в помещение, получается контакт, поднимается клапан и открывается затвор аппарата. Легкий сигнальный свист привлекает внимание взломщи-

ков в сторону спрятанной лампы «молнии». Лампа зажигается и освещает преступника, аппарат автоматически делает снимок, клапан захлопывается, начинает действовать пронзительный тревожный звонок. Аппарат может быть снаружи легко замаскирован. Особое значение Нелькен придает своему изобретению для охраны архивов государственной важности, посольств, секретных конструкторских бюро, лабораторий и т. п.

(«Криминалистише Монатсхефте»).

Способность зрачка к деформации как признак действительной смерти

Известна трудность раннего констатирования наступившей смерти, непостоянство признаков действительной смерти и сложность получения наиболее верных доказательств таковой. Римский доктор Тоннели указывает как на самый надежный признак, к тому же легко констатируемый, это на способность зрачка действительно умершего человека к деформации под давлением. На основании изучения 655 случаев автор утверждает, что у живого человека, хотя бы он находился в состоянии мнимой смерти, давление, производимое пальцами в одном или нескольких местах глазного яблока, не сопровождается никакими изменениями в форме зрачка, остающейся круглой. Наоборот, у трупа даже при осторожном надавливании яблока пальцами зрачек деформируется, становится овальным, треугольным или многоугольным, в зависимости от характера давления.

Сравнительная простота констатации таким способом действительной смерти дает этому приему большое значение для криминалистики. Выводы Тоннеля нуждаются в опытной проверке.

(«Иль Поликлинико»).

Следы ног как улика

При известных условиях следы ног могут служить уликой такой же силы, как, например, отпечатки пальцев. Многое зависит от умения наглядно представить материал, подлежащий сравнению, и защитить экспертизу.

В очень редких случаях бывает возможно сохранить следы ног в оригинале путем вырезывания их вместе с грунтом. Большей частью приходится ограничиваться воспроизведением следов. Для этой цели служат: срисовывание следа, его фотографирование и отливка. Какой из этих приемов должен быть употреблен в каждом данном случае — зависит от конкретной обстановки.

Необходимо различать случаи, когда следы могут являться непосредственно уликами против того или иного лица, от дел, где они недостаточно четки и годятся только как вспомогательное средство при расследовании, как, например, для определения направления, в котором удалился преступник, скорости, с которой он шел, и т. д. Если мы хотим установить на основании следов ног особенности находки их владельца, следует прибегнуть к измерениям и срисовыванию ряда последовательных отпечатков ног.

Что касается методов сохранения отдельных следов, могущих служить для непосредственно-го уличения виновника, автор в общем рекомендует пользоваться преимущественно отливкой. Фотография, по его мнению, не в состоянии наглядно представить особенности следа. Мы получаем, с одной стороны, плоский снимок, с другой — пластическую форму ботинка, что мешает сравнению.

Рисунок следа носит индивидуальный характер и зависит от точки зрения. Предлагается срисовывать след следующим образом. На подставке кладется горизонтально рамка со стеклом так, чтобы стекло накрывало след; сверху на стекло кладется прозрачная бумага, и след срисовывается.

Обращается внимание, что между стеклом и следом неизбежно сохраняется расстояние в

несколько см, что дает опасность искажения изображения вследствие перспективы; затем рисовальщик часто забывает двигаться по направлению своего карандаша, ввиду чего угол зрения меняется. В целом, даже при пользовании приемом Гнелпера, правильность передачи продолжает в основном зависеть от индивидуальных особенностей рисовальщика.

Отливка применяется при наличии пластических следов. Она имеет то достоинство, что особенности, скрытые даже при внимательном рассматривании следа в оригинале невооруженным глазом, выступают на отлитой форме с полной наглядностью. Пластический характер отливки облегчает сравнения с ботинками заподозренного. Отливка приобретает убедительное значение для суда.

(«Криминалистише Монатсхепте»).

Трассе-процесс-судобустройство в капиталистических странах

Итальянский уголовно- процессуальный кодекс 1931 г.

Фашистский уголовно-процессуальный кодекс 1930 г. вступил в действие с 1/VI 1931 г. — одновременно с фашистским уголовным кодексом, с которым он тесно связан не только технически и терминологически, но и по всему общему его характеру. Это первый уголовно-процессуальный кодекс уже чисто фашистского типа. В нем интерес представляют не только отдельные нормы, но и весь его дух, его основные установки, нашедшие наиболее яркое выражение в объяснительной записке к его первоначальному проекту, написанной итальянским министром юстиции того времени Альфредо Рокко и вытекающей из фашистской концепции антилиберального, «авторитарного» государства.

В этой записке А. Рокко пишет: «В проекте поистине все процессуальные институты полностью согласованы с основными принципами закрепленными той духовной революцией, которая создала современный политический режим. Из проекта полностью устранены применения той либерально-демократической доктрины, для которой личность противостоит государству, для которой власть рассматривается, как коварная притеснительница отдельного лица, а обвиняемый, даже пойманный на месте преступления, предполагается невиновным. Эти применения либерально-демократической доктрины были устранены из проекта вместе с той общей, благоприятной для преступников тенденцией — плода ложной и болезненной сентиментальности, — которая так ослабила репрессию и так содействовала распространению преступности». В дальнейшем Рокко снова повторяет: «Уголовно-процессуальный кодекс целиком вдохновляется основными концепциями фашистской доктрины государства».

Вот почему мы начнем с выявления специфически фашистских черт в построении этого УПК и принципов, положенных в его основу, а затем в самых общих чертах дадим характеристику движения процесса, как оно определено в кодексе.

Фашистский УПК 1931 г. состоит из 675 статей и распадается на пять книг: 1) общие положения, 2) предварительное следствие, 3) судебное рассмотрение дела, 4) исполнение приговора и 5) отношения с иностранными властями в деле отправления правосудия.

Первая книга, самая большая, состоит из 218 статей. Она содержит «общие постановления»; в своей записке Рокко говорит, что это в известном смысле общая часть УПК.

Она распадается на следующие части: 1) об истре, 2) о судьях, 3) о сторонах, 4) о процессуальных действиях.

Вторая книга, посвященная предварительному следствию, распадается на следующие части: 1) общие положения, 2) формальное следствие, 3) суммарное следствие и 4) возобновление следствия.

Третья книга, посвященная судебному рассмотрению дел, распадается на следующие части: 1) действия, предшествующие судебному рассмотрению дела, 2) рассмотрение дел в судах первой инстанции, 3) рассмотрение дел в порядке обжалования.

Четвертая книга, посвященная исполнению приговора, распадается на следующие части: 1) общие положения, 2) исполнение уголовного приговора, 3) гражданские последствия уголовного приговора, 4) споры по исполнению приговора и 5) приведение в исполнение мер безопасности.

Пятая книга для нас интереса не представляет и на ней мы останавливаться не будем.

Обширные размеры кодекса (он на 22 статьи больше УПК 1913 г.) объясняются тем, что он перегружен техническими, научно-техническими и даже судебно-психологическими правилами

(таковы, например, судебный эксперимент и правила по производству опознания лиц и вещей).

УПК 1930 г. не только преследует задачу дать в руки фашистским судьям орудие быстрой расправы с противниками фашистского режима, но и задачу обеспечения безнаказанности и охраны интересов фашистских дружинников, фашистских партийных и государственных чиновников. В этом последнем отношении УПК вполне согласован с фашистским УК. Круг должностных и частных лиц, на которых УПК распространяет так называемую административную гарантию, очерчен в УК необычайно широко. Эта забота о безнаказанности этих лиц сочетается с не менее напряженной заботой о защите их от каких бы то ни было посягательств — забота, распространяющаяся и на судей и прокуроров.

Так, ст. 360 УК постановляет, что, если лицо перестало быть должностным или государственными полномочия и функции частного лица прекратились, то в отношении преступления, совершенного против них в связи с этими функциями и полномочиями, даже после того, как эти функции и полномочия прекратились, оно продолжает считаться должностным со всеми вытекающими из этого для правонарушителя последствиями.

Согласно ст. 16 УПК только по требованию министра юстиции может быть возбуждено преследование против органов охраны порядка, против агентов судебной полиции и против лиц, состоящих на военной службе, призванных к охране общественного порядка, за действия, совершенные при исполнении служебных обязанностей и связанные с применением оружия или других средств принуждения. Та же привилегия распространяется на частных лиц, пришедших, хотя бы по собственной воле, на помощь должностным лицам.

В объяснительной записке говорится: «Нельзя надеяться, что названные должностные лица и агенты будут выполнять свои обязанности с надлежащей быстротой и энергией, если закон не освободит их от опасения, что они могут попасть под уголовное преследование всякий раз, когда им при исполнении их обязанностей приходится совершать действия, которые закон абстрактно предусматривает, как преступные. Недостаточно постановлений о необходимой обороне, о крайней необходимости и пр.; нужно их избавить от всяких волнений, связанных с ожиданием возможного процесса».

Не может далее иметь место арест или издан приказ об аресте, если имеются основания предполагать, что лицо совершило деяние во исполнение обязанностей, а в случае ареста должно последовать немедленное освобождение (ст.ст. 240 и 256 УПК).

В объяснительной записке говорится, что арест такого лица явился бы поощрением для преступников, против которых действия этих лиц обычно направлены.

Далее, вызванный в качестве свидетеля любой фашистский чиновник может отказаться от дачи показаний, ссылаясь на государственную тайну. Если суд признает такую ссылку неосновательной, то он может только через генерал-прокурора сообщить об этом министру юстиции. Больше того, фашистского чиновника нельзя привлечь за лжесвидетельство без согласия министра юстиции (ст. 352 УПК).

В объяснительной записке Рокко говорится, что если от такого неправильного отказа от дачи показаний последует судебная ошибка, то имеется ведь порядок возобновления решенных дел. В интересах усиления власти суда и прокуратуры и в целях устрашения дело не передается в другой округ, если речь идет о преступлениях против судей и прокуроров при исполнении и по поводу исполнения ими их служебных обязанностей (ст. 60 УПК).

К этому правилу непосредственно примыкает другое, такого же устрашающего характера и усиливающего власть суда: в силу ст. 435 УПК, если совершено преступление в зале заседания, то суд может разоблачить его немедленно, прервав слушание основного дела.

Сопоставление обеих этих статей показывает — и это подтверждает объяснительная записка, — что если, например, в зале заседания совершено преступление против судьи или прокурора в связи или по поводу исполнения ими служебных обязанностей, то не только тот же суд с участием того же прокурора разбирает дело, но разбирает его немедленно, прервав слушание основного дела, если только деяние не выходит из пределов подсудности данному суду по роду дел или, например, если преступление не состоит в убийстве судьи или прокурора.

Эта норма применяется также к свидетелям, давшим, по мнению суда, ложное показание. Вообще принцип «истязательности» доведен в отношении свидетелей до предела.

В самом деле. По ст. 359, если следователь считает, что свидетель показывает неверно или умалчивает о фактах, ему известных, то он может прибегнуть к мерам принуждения, носящим подлинный характер вымогательства показаний в желательном смысле: он после увещевания может подвергнуть его предварительному аресту, и вызвать этого свидетеля вновь в тот же или даже на следующий день. Если свидетель меняет свое показание в желательном для следователя духе, то свидетель немедленно освобождается. Если нет, то следователь издает приказ об аресте и передает дело о свидетеле прокурору. Если до окончания следствия свидетель даст показания в желательном для следователя духе, то дело о нем немедленно прекращается.

Согласно ст.ст. 458 и 461 УПК тот же порядок соблюдается и во время судебного разбора дела.

Разница заключается в том, что такого свидетеля можно судить немедленно в этом же заседании, прервав слушание основного дела, если только свидетель не изменит до этого момента свои показания в желательном для суда духе. То же правило относится к экспертам, техническим советникам и переводчикам.

Далее, судья при разборе всякого дела может парализовать отвод, заявленный против него, если учинит самоотвод, об этом самоотводе заявить своему начальству и от последнего получит разрешение продолжать ведение дела (ст. 67 УПК). То же правило применимо и к ассессору (заседателю в судах ассизов).

Вообще отвод рассматривается чуть ли не как оскорбление суда и в случае оставления без последствий влечет за собою штраф для подсудимого, а также возможность других невыгодных гражданских и уголовных последствий по жалобе отводимого судьи.

Эта боязнь отвода вполне понятна, если принять во внимание, например, декрет 5/VI 1934 г. № 1162, в силу которого министр юстиции по делам «чрезвычайной важности» может искусственно подобрать состав ассессоров (заседателей) по конкретному делу.

УПК 1913 г. (дофашистский УПК) допускал заявление отвода против прокурора. УПК 1930 г. такого отвода не разрешает, признавая для прокурора лишь возможность самоотвода (если, конечно, последний найдет это нужным — ст. 73 УПК).

Замечательно, что и против эксперта отвод запрещен, хотя Рокко в объяснительной записке рассматривает эксперта, как технического судью.

Власть председательствующего (или претора) в судебном заседании и подготовительной стадии доведена до предела. От него зависит, слушать дело при открытых или закрытых дверях. т. е. ему предоставляется всегда право закрыть двери заседаний (ст. 423 УПК), от него зависит состав судебной аудитории (ст. 426 УПК), от него зависит список свидетелей (он сокращает «слишком обильный» список — весьма странный критерий) и объем расследования дела (ст. 420), он определяет продолжительность речей защиты (ст. 468 УПК) и пр.

В этом же плане, как один из признаков националистических тенденций в фашистской концепции государства, должна быть отмечена ст. 137 УПК об обязательном пользовании, итальянским языком и с значительным штрафом при отказе от такого пользования.

В этом же плане, как один из признаков религиозных тенденций к фашистской концепции государства, необходимо отметить, что Рокко заменил светскую присягу религиозной, введя в нее момент «ответственности перед богом». Согласно ст. 366 УК отказ от присяги карается исправительным домом до 6 месяцев или штрафом до 5 000 лир.

Провозглашенная в период буржуазной революции в «Декларации прав человека и гражданина» так называемая «презумпция невиновности» подвергается отрицанию. Под «презумпцией невиновности» понимается положение, в силу которого всякий привлеченный предполагается невиновным доколе не доказано противное, причем доказательство виновности лежит на обвинителе. «Презумпция невиновности», как и принцип «равенства всех перед законом» буржуазия выдвинула как политический лозунг в своей борьбе против феодального суда и феодальных порядков. В настоящее время фашистский УПК рассматривает эти принципы как тормоз в своей уголовной политике и от них отказывается во имя принципа суверенного, тоталитарного (целостного) государства и его целей.

Отказываясь от этой презумпции, УПК соответственно отменяет целый ряд процессуальных гарантий для обвиняемого, установленных старым кодексом 1913 г.

Какие же конкретные последствия вытекают из отказа фашистского УПК от «презумпции невиновности»?

1) Возрождение института «оставления в подозрении».

¹ Ст. 9. «Декларация прав человека и гражданина» сформулирована так: «Каждый предпола-

По УПК 1931 г. имеются две формулы оправдания: 1) полное оправдание и 2) оправдание по недостатку доказательств. Точно так же прекращение следствия может быть также либо полным (что не мешает его возобновлению при новых обстоятельствах или доказательствах — ст. 402 УПК), либо прекращением по недостатку доказательств.

Формула «оправдание по недостатку доказательств» вовсе не носит чисто декларативного характера. Она влечет за собою вполне реальные последствия, создает юридическую неполноценность в виде потери некоторых прав, а главное — силу ст. 165 кодекса полиции безопасности 1931 г. — вызывает возможность применения к такому оправданному лицу мер социальной защиты. Фашистский УПК вполне признает такой характер этой формулы и не только допускает все виды обжалования со стороны обвиняемого против оправдательного приговора по недостатку улик, но даже реабилитацию (ст. 601 УПК).

2) Допущение изменения приговора в худшую сторону, хотя бы дело поступило в высшую инстанцию только по жалобе обвиняемого. Этот принцип замаскирован встречной апелляцией.

Согласно ст. 515 УПК встречная апелляция заключается в следующем: если жалоба подана в установленный срок только обвиняемым, прокурор, состоящий при апелляционном суде, в течение 8 дней по сообщению ему материалов канцелярней апелляционной инстанции, может заявить встречную апелляцию, и суд, следовательно, может изменить приговор в сторону, неблагоприятную для подсудимого.

Если подсудимый возьмет свою жалобу обратно, то все же дело пойдет во вторую инстанцию по встречной апелляции прокурора со всеми вытекающими отсюда неблагоприятными последствиями для подсудимого. Встречная апелляция не имеет силы в отношении тех сообвиняемых жалобщика, которые не жаловались.

3) Бремя доказательств невиновности перекладывается в некоторых случаях на подсудимого, например, при прекращении следствия по недостатку доказательств. Согласно ст. 402 УПК в этом случае подсудимый может требовать возобновления следствия, но должен сам представлять доказательства своей невиновности.

4) По фашистскому УК наличие социальной опасности иногда устанавливается путем неподлежащих оспариванию презумпций или законных предположений (ст. 204 УК) и тогда обязательно принятие мер социальной защиты. А так как меры социальной защиты по существу являются тем же наказанием, то налицо — подлинная презумпция виновности.

5) При предварительном заключении в силу тюремного устава подсудимые подвергаются ряду стеснений (присутствие при богослужении и участие в обязательном обучении), что мотивируется в объяснительной записке правом государства оказывать воздействие на людей, давших повод подозревать их в преступных наклонностях.

Не менее решительно отмечает фашистский УПК и другой традиционный принцип буржу-

гается невиновным, пока он не будет признан виновным по суду».

азней формальной демократии — принцип «равенства всех перед законом».

Оправдывая запрет ареста лиц, относительно которых можно предполагать, что они действовали во исполнение определенной обязанности, Рокко выставляет более широкое правило: «Проект устанавливает, что чиновники и агенты судебной полиции или общей полиции, при разрешении вопроса о праве на арест на месте совершения преступления или непосредственно после совершения преступления, должны учитывать моральные и социальные качества лица и обстоятельства деяния, даже отличные от только что упомянутых. И это постановление является одним из применений фашистских принципов, в силу которых принцип равенства перед законом вовсе не имеет абсолютного значения, но применяется только с учетом одинаковости индивидуальных и социальных условий. Индивиды имеют различную моральную и социальную ценность, а некоторые не имеют никакой; следовательно, было бы непоследовательно, неморально и в противоречии с юридическими принципами ставить всех на одну доску.

К категории постановлений, порывающих с этим принципом, относится также указание на обязанность суда при всех его действиях «учитывать моральные и социальные условия привлеченного лица» (ст. 133 УК). Социальный критерий вводится и при избрании мер пресечения: на необходимость учитывать «моральные и социальные качества» арестуемого лица указывают ст.ст. 241, 247, 254 и 259 УПК.

Отказ от принципа «равенства перед законом» сказывается в отмене ограничительных условий для избрания в качестве меры пресечения заключения под стражу в отношении следующих категорий обвиняемых: привычных преступников, профессиональных преступников и преступников по склонности, нищих и бродяг (ст. 235 УПК).

Система залогов (ст.ст. 282 и 283) и штрафов (ст.ст. 58, 71, 137, 213, 509, 549, 582 и 642 УПК) носит явно классовый характер, ухудшая положение нищего обвиняемого и наоборот.

Характерно, что в местах предварительного заключения имеются специальные камеры, которые, как в гостинице, можно снимать за деньги.

Сокращение так называемых гарантий личной свободы заключается в широком применении предварительного заключения и в трудностях получения «предварительной свободы». В широком применении этих мер ярко сказывается отказ от презумпции невиновности: по существу они являются либо предварительным наказанием, либо заменой наказания в случае последующего оправдания.

Мы уже указывали, кроме того, что режим последственных в некоторых отношениях сходен с режимом заключенных. Мы уже указывали на отказ также от принципа «равенства всех перед законом» при избрании мер пресечения предварительного заключения.

Арест полномочия производить: 1) органы судебной полиции, 2) претор, 3) королевский прокурор, 4) следственный судья и 5) даже частные лица в случаях, предусмотренных ст. 235 УПК.

Различается арест обязательный и факультативный.

Полиция, претор, прокурор и частные лица могут арестовывать на месте преступления в

момент его совершения или непосредственно после его совершения. Это понятие расплывчатое поскольку закон не указывает, когда закон кончается время, которое должно считаться «непосредственно после совершения преступления», тем более, что для такого ареста достаточно «наличия вещей или следов», которые заставляют предполагать, что имело место преступление незадолго до этого».

Особенно широко арест применяется при политических преступлениях.

Особый трибунал для защиты государства не знает другой меры пресечения кроме лишения свободы.

Вообще случаи применения ареста по всем делам — обязательного (ст.ст. 235 и 253) и факультативного (ст.ст. 236 и 254) — чрезвычайно многочисленны.

Кодекс 1931 г. отменил постановление об «автоматическом освобождении»; которое было предусмотрено ст. 325 УПК 1913 г., если в течение определенного срока не будет сообщено подсудимому о вызове его в суд.

УПК 1931 г. вводит ряд ограничений для так называемой предварительной (временной, провизорной) свободы.

Под предварительной свободой понимается освобождение из-под стражи до суда.

Отменено правило, по которому сам судья экс оффицио мог предоставлять предварительную свободу.

Отменено правило, по которому предоставления предварительной свободы мог требовать прокурор, так как, по объяснению Рокко, отныне прокурор только обвинитель, только «сторона» в процессе и он не должен заботиться об интересах подсудимого. Наоборот, за прокурором сохранено право обжалования, если судья предоставит предварительную свободу обвиняемому. Система залогов, связанная с предоставлением предварительной свободы, как мы уже говорили, носит резко выраженный классовый характер.

Согласно ст. 277 УПК не может быть предоставлена предварительная свобода в тех случаях, когда арест был обязательен в силу ст. 253 УПК, сколько бы ни тянулось следствие.

Само понятие обвиняемого стало расплывчатым, так как устранена обязательность формального предъявления обвинения привлекаемому к уголовной ответственности лицам.

Согласно ст. 78 УПК становится обвиняемым тот, кто, будучи арестован даже без распоряжения судебной власти, передан в распоряжение последней, а также тот, которому в каком бы то ни было документе дела приписывается совершение преступления.

Обвиняемый теряет характер субъекта составительного процесса. За ним больше не признается «право на молчание». На подсудимого в некоторых случаях (по вопросу его самоличности) возлагается прямая обязанность давать показания, причем с суровой ответственностью за дачу ложных показаний (ст. 366 УПК, ср. также ст.ст. 495, 496, 651 УПК).

Система штрафов, процессуальных наказаний и издержек сковывает подсудимого по рукам и по ногам, мешая ему в осуществлении его законных прав.

Если отвергнута просьба подсудимого о переносе дела в другой округ — штраф от 1000 до 10 000 лир (ст. 58 УПК). Если отвергнут

отвод против судьи — штраф от 2000 до 10 000 лир, причем не предпринимается вопрос о возможности других уголовных или гражданских последствий (ст. 71 УПК). Если подсудимый отказывается от пользования итальянским языком — штраф от 500 до 2000 лир (ст. 137 УПК). Если оставляется без последствий его кассационная жалоба — кроме издержек — он платит штраф от 500 до 5000 лир (ст. 549). Если в порядке исполнения приговора подсудимый настаивает на поглощении одного приговора другим и просьба его отвергается, то в случае, если он содержится под стражей, он подвергается дисциплинарному взысканию, а если он на свободе, то штрафу от 100 до 500 лир (ст. 582 УПК). Если отвергнута жалоба на то, что судья по надзору принял меры безопасности, то подсудимый подвергается дисциплинарному наказанию, если мера безопасности связана с лишением свободы, а если нет, то штрафу от 300 до 1000 лир (ст. 642 УПК). Из ставок штрафа видно, что самому большому штрафу подсудимый подвергается, если оставлен без последствий его отвод против судьи.

Встречная апелляция со стороны прокурора также является своеобразным наказанием подсудимому за дерзкое желание жаловаться на приговор первой инстанции.

Принцип санирования (исцеления, исправления) недействительных процессуальных актов заставляет обвиняемого постоянно быть на чеку при охране своих интересов, потому что в данном случае «молчание подсудимого» (о котором в этом плане ничего не говорит Гаetano Дона) лишает его права жаловаться на допущенные нарушения, а для суда открывает простор в смысле беззастенчивого нарушения процессуальных прав подсудимого (ст.ст. 377, 401, 422, 471 и 522 УПК).

Далее, широкое применение предварительного заключения, предварительное применение мер безопасности — даже до допроса обвиняемого — неизбежно затрудняет для него защиту и ухудшает его положение.

Особого обряда предания суду нет: по делам, по которым производилось формальное следствие, следователь выносит постановление о направлении дела в суд, а по делам, по которым производилось суммарное следствие, достаточно требования прокурора о вызове обвиняемого в суд или постановления претора о том же.

Приговоренный к лишению свободы подсудимый оплачивает издержки по предварительному содержанию под стражей (ст. 274 УПК). Хорошо известно, что собой представляет фашистская адвокатура, объединенная в специальные фашистские синдикаты (ср. декрет от 22 января 1934 г. №№ 36 и 37). Однако роль в процессе даже такой защиты сильно урезана.

На предварительном следствии защита не допущена, если не считать права подавать письменные заявления и докладные записки, которые ни к чему не обязывают следственного судью и неизбежно бессодержательны при отсутствии знакомства с делом и невозможности свидания с находящимся под стражей подсудимым.

Запрещается покидать защиту — с суровыми карами за нарушение, тут же выносимыми судом (запрещение практики от 3 месяцев до 1 года с уплатой судебных издержек).

В этом случае защитником может быть назначен судья, вице-претор и даже аудитор, причем на подготовку к защите им дается три дня (ст. 131 УПК).

Как бы для того, чтобы специально дискредитировать защиту, устанавливается, что, если между жалобой подзащитного и защитника имеются расхождения, то принимается во внимание жалоба подзащитного.

Время речей ограничено; реплика не может длиться больше получаса.

Даже характер красноречия фашистского адвоката предусмотрен специальным циркуляром разосланным в марте 1929 г. по фашистским организациям, где адвокату воспрещается «принимать вызывающие или гладиаторские позы злоупотреблять риторикой, произносить бесконечные речи, нарушать почтительность к судье». Если ухудшения положения обвиняемого, отказ от «презумпции невиновности», отказ от принципа «равенства всех перед законом», сокращение гарантий «личной свободы» мотивируется общей фашистской концепцией государства, в силу которой «право каждого определяется осуществлением им обязанностей» и тем, что «нельзя рассматривать как носителей прав человека и гражданина тех, кто нарушает обязанности человека и гражданина», то та же концепция сильного, суверенного государства кладется и в обоснование усиления роли прокуратуры и увеличение власти суда.

Провозглашается принцип «односторонности» прокуратуры как органа возбуждения и поддержания обвинения, — с отказом от тенденции видеть в прокуроре «блестителя закона». Прокуратуре вменяется в обязанность тесное сотрудничество с полицией безопасности (ср., напр., ст. 634 УПК. Сотрудничество суда с полицией безопасности наиболее резко выражено в постановлении ст. 598 УПК).

Централизация прокуратуры, подчинение высшим звеньям низших и наблюдение высших за низшими доводится до предела (ср. ст.ст. 234, 238, 55, 191, 206, 233, 392, 393 УПК).

Инициатива частных лиц устраняется полностью: прокурор может возбудить и прекратить любое дело, выходящий прокурор, несмотря на иную точку зрения нижестоящего, может предписать ему прекратить или возбудить любое дело, подать жалобу или отказаться от жалобы. Роль и значение прокуратуры становятся особенно рельефными при сопоставлении их с ролью и значением защиты в фашистском процессе. Ни один судебный орган не вправе постановлять о каких-либо судебных действиях, не истобовав заключения прокурора (ст. 76 УПК).

Особенно показательно бесправие подсудимого при так называемом суммарном (упрощенном — см. ниже) следствии. В этом случае прокурор дискреционно разрешает вопрос о мере пресечения и на отказ в «предварительной свободе» жалоба не допускается (ст. 281 УПК). акты, составленные прокурором, пользуются всей силой доказательств (ст. 281 УПК), прокурор назначает подсудимому защитника и пр.

УПК 1931 г. отказывается от так называемой «состязательной экспертизы», которую допускал отмененный УПК 1913 г., т. е. подсудимый не может на равных началах ввести в состав экспертизы избранного им эксперта: экспертов назначает судья, а подсудимый даже лишен права отвода.

Предслы экспертизы чрезвычайно сужены: ст. 314 УПК, напр., прямо запрещает производство экспертизы по вопросу о привычности, профессиональности или склонности к преступлению. Центр тяжести производства экспертизы переносится в область предварительного следствия. Согласно ст. 317 УПК следственный судья руководит экспертизой и осуществляет над ней дисциплинарную власть в форме штрафа от 200 до 3000 лир при неподчинении его указаниям или «пренебрежении» к ним.

Подсудимый имеет право приглашать за свой счет «технических советников». Технические советники являются по существу техническими защитниками подсудимого и прав у них не больше, чем у защитников, а каковы эти права — мы уже видели. Технические советники могут производить самостоятельные исследования объектов экспертизы — лиц или вещей — только с согласия следственного судьи, которое может и не последовать (ст. 324 УПК). Ни при каких условиях окончание следствия не может быть задержано, если технический советник не закончил обследования.

На судебном следствии прокурор и стороны могут просить о вызове в суд экспертов, давших заключение на предварительном следствии, для получения от них разъяснений. Однако ни при каких условиях не разрешен вызов участвовавших во время предварительного следствия технических советников. На судебном следствии может быть назначена экспертиза только по новым обстоятельствам, не бывшим в виду на предварительном следствии. В этом случае подсудимый может вызвать своего технического советника, но всякое совместное обсуждение предмета, равно как и всякий спор между экспертом и техническим советником воспрещены.

Нам остается кратко остановиться на отдельных стадиях процесса и дать общую характеристику его движения.

Возбуждение уголовного преследования целиком сосредоточивается в руках прокурора, к которому поступают все донесения, жалобы, сообщения и пр. Инициатива частных лиц полностью устраняется — в отличие от УПК 1913 г., который допускал непосредственный вызов в суд по частным жалобам на оскорбление и диффамацию. В нарушение начала легальности ст. 74 УПК предоставляет прокуратуре право прекращать любое дело, даже возникшее в порядке частной жалобы по делу, которое может быть окончено примирением.

Различается два вида предварительного следствия: 1) формальное или развернутое и 2) суммарное или упрощенное. Органом формального следствия по общему правилу является следственный судья. Органами суммарного следствия — прокурор и претор. Прокурор производит суммарное следствие по делам, подсудным ассизному суду и трибуналу, в случаях: 1) когда обвиняемый был застигнут на месте преступления или преступление было совершено обвиняемым в то время, когда он содержался под арестом, находился в месте заключения или был интернирован в виду применения к нему мер безопасности и нельзя притом разобрать дела путем непосредственного представления обвиняемого в суд, если по возбуждению формального следствия обвиняемый, будучи допрошен, признался и 3) если преступление влечет за собою наказание временным лишением свободы

или более мягкое и притом имеются доказательства, представляющиеся очевидными (ст. 389 УПК). Претор производит суммарное следствие по делам своей компетенции.

Мы выше достаточно полно очертили положение обвиняемого, свидетелей, экспертов и пр. на судебном следствии, власть суда и роль прокуратуры. Как лишний штрих отметим, что все вопросы могут задаваться только через председательствующего, а не непосредственно. Принцип «истязательности» торжествует на судебном следствии не менее чем на предварительном.

В судебном заседании оглашается только резолютивная часть приговора. Приговор в окончательной форме выносится позднее. Согласно ст. 476 УПК суду предоставляется право «исправлять» приговор, напр., путем «восполнения недостаточной мотивировки». Согласно ст. 477 УПК в приговоре суд имеет право дать деянию другую юридическую квалификацию, отличную от той, которая была указана в постановлении следователя о направлении дела в суд, или в требовании прокурора о вызове обвиняемого в суд, с назначением соответствующего наказания, хотя бы и более мягкого, и применением мер безопасности — с одним ограничительным условием: если новая квалификация не делает деяние выходящим из пределов компетенции данного суда.

Приговор может быть обвинительный и оправдательный. Обвинительный приговор может заключать в себе применение как наказания, так и мер безопасности. Обвинительный приговор может применить условное осуждение (по очень узкому кругу дел — ст. 163 УК) и судебное прошение (только в отношении несовершеннолетних — ст. 169 УК). Оправдательный приговор может быть: 1) полным, 2) заключать в себе применение мер безопасности, 3) состоять в оправдании «по недостатку доказательств» (последствия — см. выше).

На приговор претора можно апеллировать окружному суду, на приговор окружного суда — в апелляционной суд. Приговоры реформированного суда ассизов, как и до реформы, окончательны и допускают только кассационное обжалование. Случаи апелляции очерчены ст. 512 и 513 УПК: апелляция допускается в зависимости от размера наказания и других условий. По общему правилу дело разбирается только в пределах апелляционных жалоб и по письменным материалам суда первой инстанции (ст. 518 УПК). Только от усмотрения суда зависит расширить эти пределы.

Что касается кассационного производства, то поводами кассации являются: 1) несоблюдение или неправильное применение уголовного закона или других юридических норм, которые необходимо было иметь в виду при применении уголовного закона, 2) если судья принял на себя полномочия, предоставленные по закону власти законодательной или административной или вообще не входящие в состав публичных полномочий, и 3) несоблюдение процессуальных норм, которые установлены под страхом недействительности совершенных с нарушением их актов, оставления их без рассмотрения или без последствий (ст. 542 УПК). Прокурор может жаловаться на любой приговор как обвинительный, так и оправдательный (ст. 527 УПК). Обвиняемый может обжаловать, кроме обвинительного приговора, также оправдательный

приговор, оправдывающий «по недостатку доказательств», а также приговор, дающий судебное прощение, однако при условии, что за деяние полагалось по закону наказание в виде лишения свободы или более тяжкое.

Отмена приговора по несоответствию его фактическим обстоятельствам дела не допускается. Точно так же не допускается опротестование приговора в интересах закона. Под «ревизионным порядком» УПК предусматривает порядок возобновления окончательно ре-

шенных дел по вновь открывшимся обстоятельствам.

Исполнение приговора. В этой части особый интерес представляет деятельность «судьи по надзору» по самостоятельному применению мер безопасности (ст.ст. 633—655 УПК), а также институт реабилитации с чрезвычайно узкой сферой применения, допускающий также реабилитацию для лиц, оправданных «по недостатку доказательств».

А. Е. Брусилловский

Официальный отдел

О ВЗЫСКАНИИ РАЗОВОГО СБОРА С КОЛХОЗНОЙ ТОРГОВЛИ

Постановлением ЦИК и СНК СССР от 20/IV 1932 г. «О колхозной торговле» для колхозов, колхозников и единоличников, торгующих продуктами своего сельского хозяйства, установлен единый по всему Союзу разовый сбор на покрытие расходов по содержанию рынков.

9/IV 1934 г. Наркомфин Союза ССР циркуляром № 218 предложил наркомфинам союзных республик издать подробные правила о порядке взимания разового сбора, предусмотрев, в частности, ставки разового сбора для «прочих» плательщиков, не предусмотренных постановлением ЦИК и СНК СССР от 20/IV 1932 г. Точных указаний о том, кто именно относится к категориям «прочих», НКФ СССР не дал.

В настоящее время в Прокуратуру Союза ССР поступили сведения о том, что во многих местностях с перекупщиков и спекулянтов, продающих на колхозные базары, взимается разовый сбор, установленный для «прочих» и что их преступная деятельность, таким образом, легализуется.

Прокуратура Союза ССР поручает вам срочно проверить существующий в В/республике порядок взимания разового сбора, исходя из следующего:

Разовый сбор с колхозов, колхозников и трудящихся единоличников должен взиматься в порядке, установленном постановлением ЦИК и СНК СССР от 20/IV 1932 г. Разовый сбор с других категорий плательщиков может устанавливаться только на основании постановления правительства данной союзной республики (положение о местных финансах). При этом должно быть предусмотрено, что взимание разового сбора может иметь только с лиц, которым по закону предоставлено право торговли, а именно: а) с кустарей, продающих продукцию своего производства, б) с лиц, имеющих патенты на мелочную торговлю галантереей и другими предметами, разрешенными к торговле постановлением НКФ СССР от 10/VI 1934 г.; в) с трудящихся, продающих предметы собственноручно пользования или потребления.

В случае, если действующие в В/республике правила взимания разового сбора противоречат указанному выше установленному законода-

тельством Союза ССР порядку, немедленно опротестуйте соответствующие постановления, которыми эти правила установлены.

Одновременно предложите органам прокуратуры на местах проверить практику взимания разового сбора местными финансовыми органами. Укажите им, что должностные лица, виновные в легализации перекупщиков и спекулянтов, путем приема от них разового сбора, должны привлекаться к уголовной ответственности как за пособничество спекуляции.

¹ Об исполнении настоящих указаний сообщите.

Зам. прокурора Союза ССР
Г. Леплевский

16 ноября 1935 г.
№ 102/8.

ОБ УДЕРЖАНИИ С КОЛХОЗНИКОВ, ОСУЖДЕННЫХ К И.-Т. Р. И ОСВОБОЖДЕННЫХ ПО АМНИСТИИ 11 АВГУСТА 1935 Г.

Всем председателям Верховных судов союзных республик, председателям главсудов АССР, председателям краевых (областных) судов, прокурорам союзных и автономных республик, краев и областей

По правилам, действующим в РСФСР и в других союзных республиках, с колхозников, осужденных к исправительно-трудовым работам в колхозах, установленные судом удержания производятся не периодически (как это имеет место в отношении лиц, получающих зарплату), а одновременно, при распределении доходов в колхозе.

Вследствие этого обстоятельства с некоторой части колхозников, осужденных к этому наказанию и освобожденных от него по амнистии 11 августа 1935 г. (СЗ 1935 г. № 44, ст. 365) и по амнистиям в ознаменовании 15-летия фьда автономных республик, установленные судом удержания за период, предшествующий изданию амнистий, оказались к моменту их издания невзысканными.

По вопросу о том, подлежат ли взысканию эти суммы теперь, после издания амнистии, Верховный суд СССР и Прокуратура СССР разъясняют:

1) С колхозников, освобожденных по амнистии от исправительных работ, никаких удержаний, связанных с отбыванием этой меры наказания, в том числе и удержаний за прошлое время, не производить.

2) Суммы, уже удержанные до издания соответствующей амнистии, возвращению не подлежат.

Председатель Верховного Суда СССР А. Винокуров
Прокурор Союза ССР А. Вышинский

20 ноября 1935 г.
№ 54/104.

О ВОЛОКИТЕ В ПРОКУРАТУРЕ ЗАПАДНОЙ ОБЛАСТИ

В заявлении, поданном в Прокуратуру Союза ССР, гр-ка Забродская Л. Ф. жаловалась на 4-летнюю волокиту судебно-прокурорских работников в Брятинском районе Западной области, из-за которой она не может получить присужденных ей судом 48 руб.

В связи с этим 28 июля 1935 г. мною было предложено прокурору Западной области срочно проверить правильность этого факта и сообщить о принятых мерах к 10 августа. Несмотря на трижды повторенные из Прокуратуры СССР предложения и напоминания, ответа от прокурора области не последовало.

1 декабря 1935 г. я вынужден был вновь обратиться к прокурору области с предложением немедленно выслать результаты проверки по делу и в то же время объяснения о причинах волокиты.

В ответ на это 11 декабря мною получены следующие несколько слов от зам. прокурора области т. Болдырева: «Доношу, что 48 руб. взысканы и пересланы Забродской-Петровой».

Ввиду этого за допущенный бюрократизм и недисциплинированность в работе:

1. Зам. прокурора Западной области т. Болдыреву объявляю выговор.

2. Прокурору Западной области т. Еремину ставлю на вид плохую организацию контроля за исполнением моих поручений.

3. Предлагаю ему немедленно расследовать вышеуказанные факты по делу о взыскании 48 руб. по исполнительному листу, наложить взыскание на виновных в этом и представить мне объяснение о причинах волокиты в Областной прокуратуре.

4. В журнале «Соцзаконность» открыть специальный отдел, в котором освещать факты бюрократизма и волокиты в органах юстиции в целях решительной борьбы с ними.

Прокурор Союза ССР А. Вышинский

16 декабря 1935 г.
№ 630.

О СНЯТИИ СУДИМОСТИ С КОЛХОЗНИКОВ

В соответствии с постановлением Президиума ЦИК СССР от 7/1 с. г. разъясняю, что судимость по постановлению ЦИК и СНК СССР от 29/VI 1935 г. снимается и с колхозников, добросовестно и честно работающих по договорам на отходных промыслах (на фабриках, заводах, в учреждениях и т. д.).

Информируйте немедленно об этом комиссии по снятию судимости с колхозников и обеспечьте проведение этого постановления в жизнь.

Вместе с тем разъясните комиссиям по снятию судимости с колхозников, что справок об отказе в снятии судимости выдавать не следует.

Прокурор Союза ССР А. Вышинский

13 января 1936 г.

№ 3/1.

ОБ ОПУБЛИКОВАНИИ СООБЩЕНИЙ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ В МЕСТНОЙ ПРЕССЕ

Прокурор Саратовского края т. Пригов ввел практику помещения в местной прессе сообщений прокуратуры по отдельным делам, вокруг которых необходима мобилизация общественного мнения.

Одобрив инициативу т. Пригова, рекомендую это начинание как удачную форму работы прокуратуры по привлечению внимания советской общественности к наиболее ярким фактам нарушения социалистической законности.

Прокурор Союза ССР А. Вышинский

15 января 1936 г.

№ 4/1.

ОБ УЧАСТИИ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ В ПОДГОТОВКЕ И ПРОВЕДЕНИИ ВЕСЕННЕГО СЕВА 1936 г.

Подготовка и проведение весеннего сева 1936 г. должны пройти под знаком выполнения указаний вождя народов СССР товарища Сталина об обеспечении в ближайшие 3—4 года 7—8 миллиардов пудов хлеба.

Выполнение этих указаний товарища Сталина требует от всех государственных и хозяйственных органов особенной четкости, пастычивости и дисциплины в работе.

В этой работе немалая доля ответственности падает и на органы суда и прокуратуры, призванные попрежнему вести энергичную борьбу со всеми попытками дезорганизовать работу по весеннему севу, откуда бы они ни исходили.

Прокуратура Союза, напоминая об этих обязанностях работников прокурорской периферии, неоднократно подчеркнутых в предыдущих указаниях прокурора Союза, обращает внимание на то, что основной задачей в настоящей кампании по проведению весеннего сева является сосредоточение своего внимания на наиболее важных участках этой сельскохозяйственной работы (ремонт тракторного парка, подготовка рабочего скота, подготовка и охрана семян и т. д.) как в целях быстрого и решительного подавления направленных против успешности проведения весеннего сева попыток кулацких остатков, их агентуры и вообще разложившихся и дезорганизаторских элементов, так и в целях немедленного исправления мерами общественного воздействия допущенных ошибок и неполадок.

Анализ преступлений, связанных с проведением сельскохозяйственных кампаний, за последние два с половиною года, свидетельствует о неуклонном снижении общего числа преступлений, квалифицируемых по ст.ст. 61, 131 и другим аналогичным статьям УЖ РСФСР и

соответств. статьям УК других союзных республик, что, несомненно, является результатом громадного материально-хозяйственного подъема деревни, громадного подъема трудового энтузиазма широчайших масс колхозников и роста их политической сознательности и чувства ответственности перед государством за выполнение возложенных им на сельское хозяйство обязательств.

Так, если в 1933 г. (первое полугодие) общее число этих преступлений в РСФСР взято за 100, то в первой половине 1934 г. число этих преступлений выразилось — 26,1%, а в первой половине 1935 г. — 20,1%. Аналогичное положение наблюдается и в остальных союзных республиках.

Это обстоятельство имеет чрезвычайно важное значение для дальнейшего направления нашей уголовной политики и мероприятий прокуратуры по участию в различных сельскохозяйственных кампаниях, в том числе и в такой ответственной и важной кампании, какой является весенняя посевная кампания.

Органы прокуратуры должны в этом году добиться еще лучших результатов в области борьбы с различными преступлениями путем как своевременного развертывания мероприятий профилактического характера, с мобилизацией на эту задачу своего общественного актива, так и путем правильного выбора как мер судебного преследования, так и тех лиц, против кого эти меры должны быть направлены.

Подчеркиваю, что работа прокуратуры в период подготовки и проведения весеннего сева должна быть органически увязана с борьбой за неуклонное соблюдение сталинского колхозного устава.

Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 19/XII 1935 г. требует не допускать привлечения к уголовной ответственности и передачи суду по совершенно пустяковым основаниям и должно быть особо учтено при проведении весеннего сева этого года.

Нужно помнить, что этот год будет стахановским годом, годом социалистического труда. Органы прокуратуры должны уметь отличать всякого рода пустяковые неполадки и недостатки в подготовительной работе по весеннему севу и в самом его проведении от действительно враждебных вылазок классового врага и его агентуры, направляя всю свою силу и энергию против этих последних.

Органы прокуратуры должны помнить, что в нынешних условиях весь сев будет проходить при несомненных попытках острого противодействия развертыванию стахановского движения в деревне со стороны остатков кулаков, бюрократов, дезорганизаторов и прочих разложившихся элементов. Против этих-то людей органы прокуратуры и должны направить острее привлечения к уголовной ответственности в первую очередь.

Считая излишним в настоящем письме давать указания по поводу квалификации тех или других преступлений и тем самым повторять уже данные ранее по этому вопросу указания, Прокуратура Союза требует от всех органов прокурорского надзора и, в первую очередь, от прокуроров союзных и автономных республик, краевых и областных прокуроров своевременно проинструктировать подведомственные им органы, в соответствии с настоящим циркулярным письмом, в целях активизации всей прокурорской периферии на борьбу за стахановский весенний сев и за строгое соблюдение революционной законности.

О проделанной работе информируйте Прокуратуру Союза не реже двух раз в месяц краткими информационными донесениями.

Прокурор Союза ССР А. Вышинский

19 января 1936 г.

№ 5/9.

Сводка важнейших постановлений правительства Союза ССР

за ноябрь 1935 г.

I. СОВЕТСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

1. Госустройство и управление

1) Об объединении групп по Наркомзему и Наркомсовхозов Комиссии советского контроля при СНК Союза ССР — пост. ЦИК и СНК СССР 27/X 1935 г. (СЗ 1935 г., № 56, стр. 454).

2) Об образовании в системе Наркомвнуторга Союза ССР Центрального государственного объединения военной торговли и обслуживания производственно-бытовых нужд РККА и флота — пост. СНК СССР 17/X 1935 г. (СЗ 1935 г. № 56, ст. 462).

3) Об организации бюро технической экспертизы при Наркомвнуторге Союза ССР — пост. СНК СССР 20/X 1935 г. (СЗ 1935 г. № 56, ст. 463).

4) Об организации в составе Наркомвнуторга Союза ССР Всесоюзного оптово-розничного треста по торговле школьно-письменными принадлежностями — пост. СНК СССР 20/X 1935 г. (СЗ 1935 г. № 56, ст. 464).

5) О реорганизации Народного комиссариата зерновых и животноводческих совхозов — пост. ЦИК и СНК СССР 28/XI 1935 г. (СЗ 1935 г., № 60, ст. 485).

2. Военное и морское дело

6) Об отмене постановления ЦИК и СНК Союза ССР от 13 января 1930 г. «О льготах бывшим красногвардейцам и красным партизанам и их семьям» — пост. ЦИК и СНК СССР 27/X 1935 г. (СЗ 1935 г., № 56, ст. 453).

7) О введении персональных военных званий начальствующего состава Рабоче-крестьянской красной армии и об утверждении Положения о прохождении службы командным и начальствующим составом Рабоче-крестьянской красной армии — пост. ЦИК и СНК СССР 22/X 1935 г. (СЗ 1935 г. № 57, ст. 468).

8) Положение о прохождении службы командным и начальствующим составом Рабоче-крестьянской красной армии — пост. ЦИК и СНК СССР 22/X 1935 г. (СЗ 1935 г. № 57, ст. 469).

3. Просвещение

9) Устав Академии наук Союза советских социалистических республик — пост. СНК ССР 23/XI 1935 г. (СЗ 1935 г. № 59, ст. 484).

II. НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО

1. Промышленность

10) О дополнении постановления СНК Союза ССР от 19 сентября 1935 г. «о затратах по строительству, производимому вне планов капитальных работ», — пост. СНК СССР 4/XI 1935 г. (СЗ 1935 г. № 60, ст. 487).

2. Транспорт

11) О передаче Центрального управления шоссейных и грунтовых дорог и автомобильного транспорта в Народный комиссариат внутренних дел Союза ССР — пост. ЦИК и СНК СССР 28/X 1935 г. (СЗ 1935 г. № 56, ст. 452).

12) О ликвидации Союза автодор СССР и обществ автодор в союзных республиках — пост. ЦИК СССР 23/X 1935 г. (СЗ 1935 г. № 56, ст. 459).

III. ФИНАНСЫ

13) О льготах по налогу с оборота для организаций, пользующихся неполноценной рабочей силой, — пост. ЦИК и СНК СССР 17/X 1935 г. (СЗ 1935 г. № 57, ст. 470).

14) О незаконных сборах и нарушении финансовой дисциплины в Харьковской области — пост. СНК СССР 29/X 1935 г. (СЗ 1935 г., № 57, ст. 471).

15) О работе Цекзбанка — пост. СНК СССР 29/X 1935 г. (СЗ 1935 г. № 60, ст. 486).

IV. ТОРГОВЛЯ, ЗАГОТОВКИ И СНАБЖЕНИЕ

16) Об оплате молочной продукции, сдаваемой совхозами, — пост. СНК СССР 26/X 1935 г. (СЗ 1935 г. № 56, ст. 465).

17) О ликвидации Всесоюзного объединения «Торгсин» — пост. СНК СССР 14/XI 1935 г. (СЗ 1935 г. № 58, ст. 476).

V. СУДОУСТРОЙСТВО, СУДОПРОИЗВОДСТВО, УГОЛОВНОЕ И ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

18) Об ответственности за изготовление, хранение и рекламирование порнографических изданий, изображений и иных предметов и за торговлю ими — пост. ЦИК и СНК СССР 17/X 1935 г. (СЗ 1935 г. № 56, ст. 457).

19) Об утверждении формы свидетельства о рождении — пост. СНК СССР 2/XI 1935 г. (СЗ 1935 г. № 58, ст. 477).

ИЗДАТЕЛЬ: Государственное издательство
Советского законодательства

Адрес издательства: Москва, Красная площадь, зд. ЦИК, пом. 28.

Рукопись поступила в издательство 23 и 25/XII 1935 г.

Подписано к печати 23/I 1936 г. 4 п. л. 10,27 авт. листа;

Слано в производство 26/XII 1935 г.

в одном бум. листе 193 680 печ. знаков

Формат бум. 72×110.

С—04 п.; № 497.

Уполном. Главлита Б-17168

Заказ № 1647.

Технический редактор Х. Валичк.

Тираж 15 000.

15-я типография ОГИЗ треста «Полиграфкига», М. Дмитровка, 18.

ОБЪЯВЛЕНИЯ О ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕГИСТРАЦИИ

Народным комиссариатом финансов СССР на основании положения и правил о государственной регистрации (Собрание законов и распоряжений правительства СССР 1931 года № 8, ст. 99 и Бюллетень финансового и хозяйственного законодательства 1931 г. № 12) 27 февраля 1935 г. зарегистрирован в реестре юридических лиц под № 2312 (две тысячи восемьсот двенадцатым)

**Государственный союзный машиностроительный завод
„КРАСНЫЙ ФАКЕЛ“ „ГЛАВГОРМАШ“**,
находящийся в ведении Народного комиссариата тяжелой промышленности Союза ССР.
Адрес дирекции завода: Москва, Софийская набережная, 12 482-189

Московским городским финансовым отделом на основании положения и правил о государственной регистрации (Собрание законов и распоряжений правительства СССР 1931 г. № 8, ст. 99 и Бюллетень финансового и хозяйственного законодательства 1931 г. № 12) зарегистрирована в государственном реестре юридических лиц 27 октября 1935 г. под № 332 (триста тридцать вторым)

**Государственная проектная контора
„ПРОЕКТДОРМАШИНА“**,

находящаяся в ведении Государственного всеобъединенного треста дорожного и автомобильного машиностроения «СЮЮЗДОРМАШИНА»
Адрес: Москва, ул. 25 Октября, д. № 4 93

Московским областным финансовым отделом на основании положения и правил о государственной регистрации (Собрание законов и распоряжений правительства СССР 1931 г. № 8 статья 99 и Бюллетень финансового и хозяйственного законодательства 1931 г. № 12) зарегистрирован в государственном реестре юридических лиц 26 октября 1935 г. под № 19 (сто девяностым)

Государственный московский областной трест сельскохозяйственной, мукомольно-крупяной и маслосеменной промышленности „МОСОБЛМЕЛЬТРЕСТ“
находящийся в ведении Управления местной промышленности Мособласти 90

Московским городским финансовым отделом на основании положения и правил о государственной регистрации (Собр. законов и распоряжений правительства СССР 1931 г. № 8, статья 99 и Бюллетень финансового и хозяйственного законодательства 1931 г. № 12) зарегистрирована в государственном реестре юридических лиц 8 октября 1935 г. под № 328 (триста двадцать восьмым)

**Контора текстильных и швейных изделий „ТЕКСТИЛЬШВЕЙ“
ТРАНСНАБТОРГА НКПС СССР**,

находящаяся в ведении транспортного торгового заготовительного объединения НКПС СССР «ТРАНСНАБТОРГ».
Адрес: Москва, Банковский пер. д. № 1 94

На основании положений и правил о государственной регистрации (Собр. зак. и распоряж. правительства СССР 1931 г. № 8, ст. 99 и Бюллетень финансов. и хозяйствен. законодательства 1931 г. № 12) зарегистрирован в государственном реестре юридических лиц под № 2639 (две тысячи шестьсот тридцать девятым)

**Государственный химический завод
им. ВОЙКОВА.**

Адрес: Москва, Лихачевское шоссе, д. 29 91

Народным комиссариатом финансов РСФСР на основании положения и правил о государственной регистрации (Собран. закон. и распоряж. правительства СССР 1931 г. № 8, ст. 99 и Бюллетень финансов. и хозяйствен. законодат. 1931 г. № 12) 8 октября 1935 года зарегистрирован в реестре юридических лиц под № 800 (восемьсотым)

**Республиканский трест школьных
письменных принадлежностей,**

находящийся в ведении НКМП РСФСР.
Адрес треста: Москва, ул. Кирова, 13 472-145

Народным комиссариатом финансов СССР на основании положения и правил о государственной регистрации (Собрание законов и распоряжений правительства СССР 1931 года № 8, ст. 99 и Бюллетень финансового и хозяйственного законодательства 1931 года № 12) 10 февраля 1935 года зарегистрирован в реестре юридических лиц под № 2139 (две тысячи семест тридцать девятым)

Новый Краматорский машиностроительный завод им. т. СТАЛИНА,

находящийся в ведении Народного комиссариата тяжелой промышленности Союза ССР
Адрес дирекции завода: г. Краматорск
Адрес Московской конторы: Москва, ул. Кирова, 8 404-192

На основании постановления президиума Мособлупотильпромсоюза от 15 X 1935 г. и постановлений собраний уполномоченных

Стенинская артель,

находящаяся на ст. Стенино, Куровского р-на с 1 октября 1935 г. ликвидирована и влита в артель

„УТИЛЬКОНЦЕРВАЛКА“.

Все расчеты производить и предъявлять претензии к артели «УТИЛЬКОНЦЕРВАЛКА» по адресу: Москва, ул. Куйбышева, 4, Старогостинный двор, пом. 51, расч. счет в Октябрьском отделении Госбанка № 105055 96

Цена 1 руб.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО СОВЕТСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

Открыта подписка на 1936 год на журналы:

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ Орган Прокуратуры Союза ССР

ЖУРНАЛ освещает политику партии и правительства в деле укрепления социалистической законности и охраны общественной собственности по Союзу ССР от всяких покушений со стороны противообщественных элементов.

ЖУРНАЛ предназначен для работников органов прокуратуры, суда, милиции и уголовного розыска, исправительно-трудовых учреждений, работников исполкомов и сельсоветов, а также для учащихся правовых вузов и юридических курсов.

Подписная цена: на 12 мес.—12 руб., на 6 мес.—6 руб., на 3 мес.—3 руб.

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА 1 руб.

ВЫХОДИТ ОДИН РАЗ В МЕСЯЦ

СОВЕТСКАЯ ЮСТИЦИЯ ОРГАН НКЮ РСФСР

освещает политику партии и правительства по укреплению социалистической законности. Помещает руководящие статьи по вопросам судебной, прокурорской и следственной работы. Печатает руководящие материалы НКЮ, Верховного суда, Прокуратуры РСФСР и дает регулярно информацию о новом в деятельности НКЮ.

ЖУРНАЛ рассчитан на работников судебно-прокурорских органов, учащихся правовых вузов и юридических курсов.

Подписная цена: на 12 мес.—18 руб., на 6 мес.—9 р. на 3 мес.—4 руб. 50 к.

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА 50 коп.

ВЫХОДИТ ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО Орган Института советского строительства и права Коммунизма

(Советское государство)

ЖУРНАЛ освещает проблемы марксо-ленинского учения о государстве и праве, его применение в революционной борьбе мирового пролетариата и прежде всего в практике первого в мире государства пролетарской диктатуры.

ЖУРНАЛ рассчитан на научных работников, преподавателей, аспирантуру, руководителей работников советов, исполкомов, суда и прокуратуры.

Подписная цена: на 12 мес.—21 руб., на 6 мес.—10 р. 50 к.

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА 3 руб. 50 к.

ВЫХОДИТ ШЕСТЬ РАЗ В ГОД

АРБИТРАЖ орган госарбитража при Совнаркоме СССР

ЖУРНАЛ освещает деятельность государственного и ведомственных арбитражей и печатает их решения по принципиальным и характерным спорам. Уделяет большое внимание вопросам организации договорных связей, заключения и выполнения договоров, а также другим вопросам советского хозяйственного права.

ЖУРНАЛ рассчитан на работников государственного и ведомственных арбитражей, на хозяйственников и юрисконсульты предприятий и организаций.

Подписная цена: на 12 мес.—16 р. 80 к., на 6 мес.—8 р. 40 к., на 3 мес.—4 р. 20 к.

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА 75 коп.

ВЫХОДИТ ДВА РАЗА В МЕСЯЦ

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

отделениями, магазинами, киосками, уполномоченными КОГИЗа и во всех почтовых пунктах СССР

Подписку и деньги в издательство **НЕ НАПРАВЛЯТЬ**, так как издательство подписки не принимает и рассылки журналов не производит